

## Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

### Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

### Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

### Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

### Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

## Редакционная коллегия выпуска «Археология и этнография»

### Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

### Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

### Члены редколлегии

Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Н. Н. Крадин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)

Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)

Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан)

Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Германия)

З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)

К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)

Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)

Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Польша)

Ю. С. Худяков д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

# Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

## Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

## Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

## Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

## Members of the Advisory Board

Khizri A. Amir Khanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

## **Editorial Board of the Issue “Archaeology and Ethnography”**

### **Executive Editor**

A. I. Krivoshapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

### **Executive Secretary**

D. V. Selin Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

### **Board Members**

L. A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Kradin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)

R. M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)

B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)

L. V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

A. Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

Z. S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakstan)

K. Sh. Tabaldiev Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)

E. F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

S. Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Germany)

J. Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Yu. S. Khudyakov Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

# В Е С Т Н И К Н Г У

## Серия: История, филология

Научный журнал  
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 5: Археология и этнография

---

---

### СОДЕРЖАНИЕ

#### Преподавание археологии в вузах

- Головченко Н. Н.* Чекан с антропоморфным изображением из Новотроицкого некрополя (материалы к курсу «Археологическое наследие Алтая») 9

#### История и теория науки, новые методы исследований

- Шмидт И. В., Ковальченко Е. А.* Результаты эксперимента по использованию костяной иглы для перфорации шкуры грубой выделки 20

#### Археология Евразии

- Федорченко А. Ю., Селецкий М. В., Абдыканова А., Алишер кызы С., Шнайдер С. В.* Ударно-абразивные инструменты второго культурного горизонта стоянки Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан) 32
- Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Мильникова Л. Н., Ненахов Д. А.* Новые данные по ямам-хранилищам барабинской культуры эпохи раннего неолита (Обь-Иртышская лесостепь) 46
- Дьякова О. В.* Фортификационные памятники бассейна Маргаритовки в Восточном Приморье 60
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П.* Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) 71
- Серегин Н. Н., Радовский С. С., Чегодаева Л. И.* Раннесредневековое зеркало с «надписью» из комплекса Ближние Елбаны (лесостепной Алтай) 89
- Горохов С. В., Скобелев С. Г., Бородовский А. П.* История, локализация и архитектура Уртамского острога 99
- Бобров Л. А., Зозуля С. С.* Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного исторического музея 115
- Mensitova G. I., Khabizhanova G. B., Koshymova A. O., Omarbayev Y. K.* The Migrations of the Oghuz in the Medieval Period: Causes, Directions and Consequences 131

## Этнография народов Евразии

<i>Бадмаев А. А.</i> Дикая свинья в традиционном мировоззрении и обрядности бурят	145
<i>Щеглова Т. К., Рыков А. В.</i> Архитектор Е. А. Ащепков и полевые исследования на Алтае и в Верхнем Приобье в 1940–1950-е годы: вклад в этнографию русских старожилов (по материалам личного фонда ГАНО)	157
Список сокращений	168
Информация для авторов	169

# V E S T N I K N S U

## Series: History and Philology

Scientific Journal  
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography

---

---

### CONTENTS

#### Teaching of Archaeology in High Schools

- Golovchenko N. N.* The Iron Combat Hatchet with an Anthropomorphic Image from the Novotroitsk Necropolis (Materials for the Course “Archaeological heritage of Altai”) 9

#### History and Theory of a Science, New Research Methods

- Schmidt I. V., Kovalchenko E. A.* Experimental Results of Using the Bone Needle for Punching Rough-Workmanship Hides 20

#### Archaeology of Eurasia

- Fedorchenko A. Yu., Seletskiy M. V., Abykanova A., Alisher kyzy S., Shnaider S. V.* Percussive-Abrasive Tools from Obishir-5 Site, Cultural Horizon 2 (Fergana Valley, Kyrgyzstan) 32
- Molodin V. I., Nenakhova Yu. N., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A.* New Data on the Storage Pits of the Baraba Culture of the Early Neolithic Era (Ob-Irtysh Forest-Steppe) 46
- Dyakova O. V.* Medieval Fortresses of the Margaritovka Basin in Eastern Primorye 60
- Selin D. V., Chemyakin Yu. P.* Technological Traditions in Pottery of the Kulay Cultural-Historical Community on Barsova Gora (Based on the Materials of the Sites Barsov Gorodok I/5 and I/7) 71
- Seregin N. N., Radovsky S. S., Chegodaeva L. I.* An Early Medieval Mirror with an “Inscription” from the Blizhnie Elbany Complex (Forest-Steppe Altai) 89
- Gorokhov S. V., Skobelev S. G., Borodovskiy A. P.* The History, Localization and Architecture of the Urtamsky Ostrog 115
- Bobrov L. A., Zozulya S. S.* Armor Plates from the Excavations of V. V. Radlov in the Collection of the State Historical Museum 131

## **Ethnography of the Peoples of Eurasia**

<i>Badmaev A. A.</i> Wild Pig in the Traditional Worldview and Rituals of the Buryats	145
<i>Shcheglova T. K., Rykov A. V.</i> Architect E. A. Aschepkov and Field Research in Altai and the Upper Ob Region in 1940–1950s: The Contribution into Ethnography of Russian Long-Term Residents (On the Materials of His Personal Fund of the State Archive of Novosibirsk Region)	157
List of Abbreviations	168
Instructions to Contributors	169

Научная статья

УДК 902

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-9-19

### **Чекан с антропоморфным изображением из Новотроицкого некрополя (материалы к курсу «Археологическое наследие Алтая»)**

**Николай Николаевич Головченко**

Алтайский государственный педагогический университет  
Барнаул, Россия

nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

#### *Аннотация*

Представлены результаты разработки проблемного задания к учебной дисциплине «Археологическое наследие Алтая», изучаемой студентами второго курса Института истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета, обучающихся по направлению подготовки «Туризм». Обсуждается корректность интерпретации археологической находки – железного чекана из могилы 3 кургана 15 Новотроицкого-2, на обухе которого предполагается наличие антропоморфного изображения. На основе изучения истории обнаружения чекана, сличения его прорисовки в публикациях, текущего состояния с фотографией, сделанной после обнаружения находки, высказываются сомнения в достоверности принятой в литературе интерпретации. Обсуждаются возможности использования данного дискуссионного сюжета в вузовской образовательной практике. Автор приходит к выводу о перспективности учебных проектов, предполагающих поливариативность суждений.

#### *Ключевые слова*

учебный проект, проблемное задание, чекан, эпоха раннего железа, Верхнее Приобье

#### *Благодарности*

Автор выражает признательность ведущему специалисту по учебно-методической работе учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета В. Б. Бородаеву за подробный рассказ об обстоятельствах обнаружения чекана и помощь в поиске его архивных фотографий

#### *Для цитирования*

Головченко Н. Н. Чекан с антропоморфным изображением из Новотроицкого некрополя (материалы к курсу «Археологическое наследие Алтая») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-9-19

## The Iron Combat Hatchet with an Anthropomorphic Image from the Novotroitsk Necropolis (Materials for the Course “Archaeological heritage of Altai”)

Nikolay N. Golovchenko

Altay State Pedagogical University  
Barnaul, Russian Federation

nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

### Abstract

*Purpose.* The article presents the results of the development of a problem task for the academic discipline “Archaeological heritage of Altai”, studied by second-year students of the Institute of History, Social Communications and Law of the Altai State Pedagogical University, studying in the direction of training “Tourism”. As part of the educational project, students are invited to establish the reliability of the interpretation of a well-known archaeological find in the region – an Iron Combat Hatchet with an anthropomorphic image from the Novotroitskoye-2 necropolis.

*Results.* During the implementation of the educational project, the study of the history of the discovery of the Combat Hatchet, the search and analysis of its multi-temporal photographs, the comparison of the original photographs and research reconstruction are carried out. In the course of these operations, it is established that the anthropomorphic image on the Hatchet was not recorded at the time of its discovery. During the processing of the Hatchet, fragments of corrosion were removed from it, due to which it acquired human-like shapes. There are no analogies to such an image on the sites of the south of Western Siberia. Thus, the fact of the presence of an anthropomorphic image on the Hatchet from Novotroitskoye-2 is questioned.

*Conclusion.* Problem tasks based on the consideration of particular debatable topics that involve variability of judgments have a clear promise in the modern educational practice of higher educational institutions. Their involvement in the educational process contributes to the formation of students' critical thinking.

### Keywords

educational project, problematic task, Hatchet, Early Iron Age, Upper Ob

### Acknowledgements

The author is grateful to V. B. Borodaev (Leading Specialist in educational and methodical work of the Educational Research Laboratory “Historical Regional Studies” of the Altai State Pedagogical University) for a detailed story about the circumstances of the discovery of the Combat Hatchet and help in finding archival photographs of it

### For citation

Golovchenko N. N. The Iron Combat Hatchet with an Anthropomorphic Image from the Novotroitsk Necropolis (Materials for the Course “Archaeological heritage of Altai”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-9-19

## Введение

Современный процесс обучения в педагогическом университете позволяет студентам выбирать различные траектории своего профессионального развития. На протяжении последних лет Институтом истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета успешно реализуется направление подготовки «Туризм». Имея ярко выраженный региональный характер, в комплексе учебных курсов данной образовательной программы присутствуют такие дисциплины, как «Археологический туризм» и «Археологическое наследие Алтая». Пожалуй, главной спецификой работы со студентами-«туристами» является их нацеленность на трансляцию готового знания при относительно низкой (по сравнению с обучающимися по другим направлениям подготовки) мотивацией к исследовательской деятельности. В данных условиях перед преподавателем факультативных дисциплин встает задача максимально возможного вовлечения студентов в исследовательскую практику, результаты которой потенциально могут быть ими использованы в последующей профессиональной деятельности (знания, опыт, портфолио, портфель экскурсовода). Одним из наиболее результативных подходов в этом отношении является подго-

товка учебных проектов и решение проблемных задач, основанных прежде всего на критике источников.

### Постановка задачи

В силу специфики избранного рода деятельности студенты-«туристы» вынуждены ориентироваться в региональной истории и быть хорошо осведомленными в содержании фондов местных музеев. На базе Алтайского государственного педагогического университета действует свой Историко-краеведческий музей (отмечающий в этом году свое тридцатилетие). В его основной экспозиции присутствует раздел, посвященный эпохе раннего железа Алтая. Одним из центральных, привлекающих особое внимание зрителя, артефактов, расположенных в витрине со снаряжением воина, является железный чекан из могилы 3 кургана 15 Новотроицкого-2. В рамках обзорной экскурсии от сотрудника музея студенты-посетители узнают, что, по мнению некоторых исследователей, на обухе этого чекана изображена антропоморфная фигура. Однако при внимательном осмотре у слушателя зарождается сомнение в простой констатации данного факта (на это наталкивает сам вид предмета (рис. 1, 1–2). Преподавателю, сопровождающему группу, позволительно воспользоваться актом высказанного любопытства, поручив заинтересовавшимся более подробно ознакомиться с историей и интерпретацией данной находки (а именно с характеристикой археологического комплекса, процессом его изучения, интерпретации, отражением в историографии).

### Характеристика археологического комплекса

Новотроицкий некрополь исследовался, не считая упоминаний об отдельных первых находках и рекогносцировочных работ, в 1980–1991 гг. Чумышским отрядом Алтайской (или Западно-Сибирской) экспедиции Института археологии АН СССР, под руководством В. А. Могильникова и А. П. Уманского на территории Тальменского района Алтайского края. За всё время полевых работ на нем было вскрыто 314 погребений, из которых 296 относятся к эпохе раннего железа. Материалы раскопок опубликованы в монографии [Шульга и др., 2009], историко-культурное наследие памятника археологии активно интегрируется в региональное образовательное пространство [Головченко, Труевцева, 2021].



Рис. 1 (фото). Чекан из могилы 3 кургана 15 Новотроицкого-2: 1–2 – фото современного состояния изделия; 3 – его прорисовка, выполненная П. И. Шульгой (по: [Шульга и др., 2009, с. 149, рис. 77]); 4 – выполненная на ее основе фотонатурная художественная реконструкция (фото Н. Н. Головченко)

Fig. 1 (photo). Hatchet from grave 3 mound 15 Novotroitskoye-2: 1–2 – photo of the current state of the product; 3 – its drawing by P. I. Shulga (by [Shulga et al., 2009, p. 149, fig. 77]); 4 – a photo-natural artistic reconstruction made on its basis (photo by N. N. Golovchenko)

Курган 15 Новотроицкого-2 к моменту раскопок (1988 г.) представлял собой растащенную в ходе сельскохозяйственных работ грунтовую насыпь, под которой были выявлены кольцевой ров и четыре могилы. Могила 3 располагалась в юго-восточном секторе очерченного ровом пространства и принадлежала мужчине 25–35 лет [Шульга и др., 2009, с. 101–102]. Интересующий нас железный чекан длиной около 21 см был обнаружен справа от его тазовых костей.

Среди сотрудников экспедиции, участвовавших в процессе извлечения находки из расчищенного захоронения, был В. Б. Бородаев (ныне ведущий специалист по учебно-методической работе учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» АлтГПУ). В. Б. Бородаев вспоминает: «Железный чекан был очень плохой сохранности. Чтобы извлечь его, мы сначала залили скопление металла клеем... Потом чекан снимал фотограф А. П. Уманского... Никакого изображения на нем тогда видно не было» (рис. 2). К передней части втулки чекана прижавел овальный железный колпачок высотой 2,2 см, надевавшийся на выступающую из втулки часть рукояти. Под бойком в месте его соединения с втулкой находится выступ. На отдалении от чекана найден железный митровидный вток.



Рис. 2 (фото). Архивное фото чекана из могилы 3 кургана 15 Новотроицкого-2 (фото П. Л. Рудометова)

Fig. 2 (photo). Archival photo of Hatchet from grave 3 mound 15 Novotroitskoye-2 (photo by P. L. Rudometov)

Какие-либо упоминания об антропоморфном изображении на этом чекане отсутствуют как в полевой документации А. П. Уманского (хранящейся в архиве сектора археологии УНИЛ «Историческое краеведение» АлтГПУ), так и в итоговом отчете о раскопках некрополя В. А. Могильникова.

При подготовке монографии по результатам исследования Новотроицкого некрополя с чеканом работал П. И. Шульга, осуществивший чистку предмета и обнаруживший, что «обушок являлся скульптурным изображением сидящего на втулке “всадника”. Стопы ног “всадника” в месте соединения втулки и бойка образовывали характерный выступ, где у ранних экземпляров часто располагается головка хищной птицы или палочка. Хорошо сохранились шея и туловище с как бы держащими поводья руками. Голова “всадника” завершается “рогами”, но в этом месте металл сохранился плохо, лопнул и разошелся в стороны, как слу-

чается у заколок с железными шаровидными навершиями. По указанной причине нельзя определить, была ли это голова человека в головном уборе или какого-то рогатого антропоморфного существа» [Уманский, Шульга, 2005, с. 124]. В цитированной предварительной публикации была дана прорисовка чекана, впоследствии приведенная и в итоговой монографии (рис. 1, 3) [Уманский, Шульга, 2005, рис. 3, 1; Шульга и др., 2009, с. 149, рис. 77, 109, 1].

П. И. Шульгой особо отмечено, что, судя по доступным ему рисункам, близкую к чекану из Новотроицкого-2 форму имел и обушок железного втульчатого изделия длиной также около 21 см с колпачком и втоком из могилы 1 кургана 15 Новотроицкого-1. При этом автор выразил сожаление в связи с отсутствием данного чекана в коллекциях музея, предположив, что он был вывезен в свое время В. А. Могильниковым в Москву для реставрации [Шульга и др., 2009, с. 149]. Вероятно, в связи с данным обстоятельством в монографии 2009 г. изображение этого чекана приведено по ранее опубликованным рисункам В. А. Могильникова [Могильников, Уманский, 1999, рис. 3, 17; Могильников, 1997, рис. 42, 3]. Между тем в фондах музея нами выявлен железный чекан, имеющий бирку «АЭ-81. Новотроицк к. 15. м. 1». Изделие реставрировано, в хорошей сохранности и имеет явное сходство с рисунками В. А. Могильникова, отличаясь от них лишь наличием петли в месте соединения бойка и втулки (рис. 3). Другого аналогичного чекана в монографии нет и на некрополе не выявлено.

Рассматриваемые чеканы неоднократно упоминаются в литературе, посвященной вооружению кочевников Центральной Азии эпохи раннего железа. В историографической традиции оба чекана определены как железные, втульчатые с наклонным обухом и бойком, со скругленным торцом обуха, со стержневидным бойком, по типологии, предложенной О. С. Лихачевой [2020, с. 94]. При этом предмет с антропоморфным изображением выделен в самостоятельный вариант в рамках этого типа. В качестве аналогий новотроицким изделиям исследователями указываются чеканы алды-бельской, тагарской и пазырыкской культур [Мелюкова, 1964, табл. 21, 4–6; Суразаков, 1988, рис. 20, 1; Кочеев, 1999, рис. 4, 1; Литвинский, 2001, табл. 83, 8; Чугунов, 2004, с. 10–37; Уманский, Шульга, 2005, с. 131], а также отдельные находки с территории Притяньшанья [Иванов, 2019, с. 118, рис. 2]. О. С. Лихачевой был составлен перечень обнаружений чеканов на территории лесостепного Алтая [Лихачева, 2020, табл. 9], дополнив который материалами из Новосибирского Приобья, можно составить их сводную картографию (рис. 4). Наиболее близкой аналогией рассматриваемым новотроицким чеканам является изделие из Нового Шарапа-1 датированное VI–V – IV вв. до н. э. [Троицкая, Бородавский, 1994, табл. XIX].

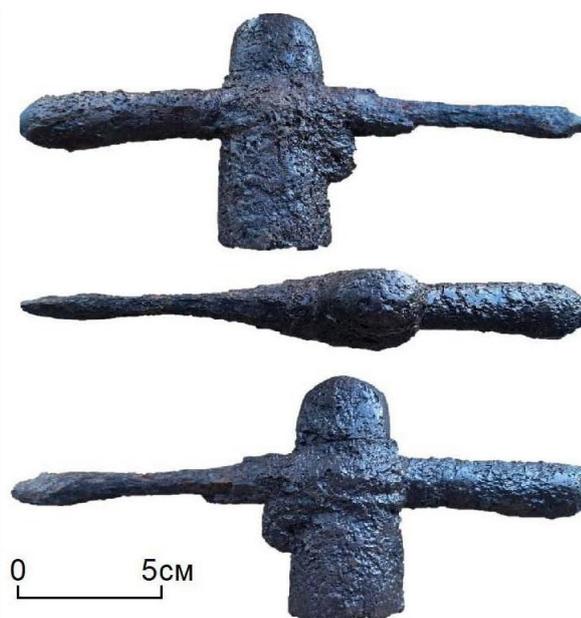


Рис. 3 (фото). Чекан из могилы 1 кургана 15 Новотроицкого-1 (фото Н. Н. Головченко)  
Fig. 3 (photo). Hatchet from grave 1 mound 15 Novotroitskoye-1 (photo by N. N. Golovchenko)

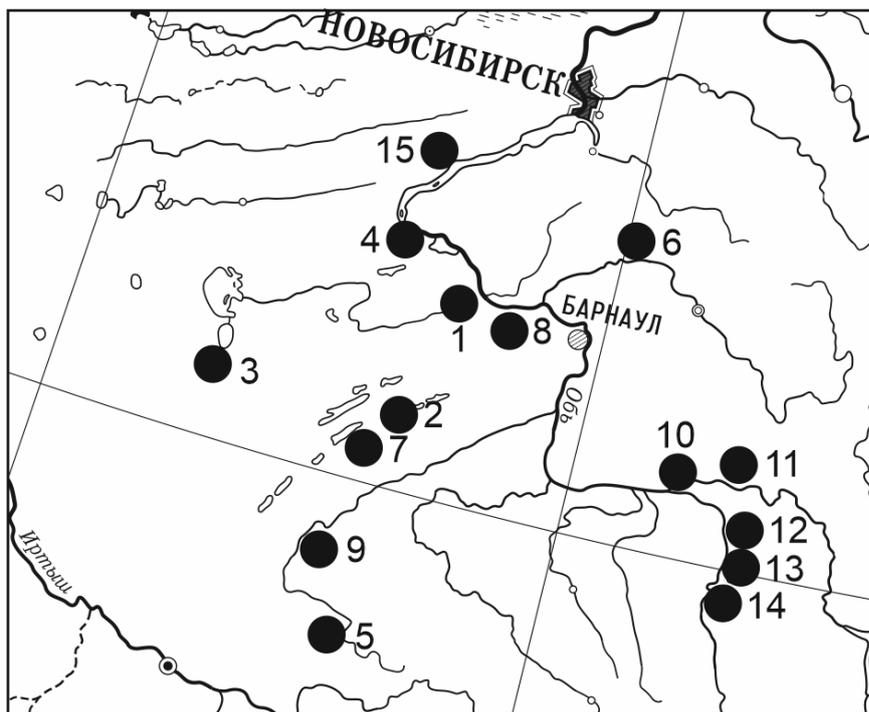


Рис. 4. Карта местонахождений чеканов на территории лесостепного Алтая:

1 – д. Телеутская; 2 – с. Урлапово; 3 – Екатериновка III; 4 – Камень II; 5 – Локоть-4а; 6 – Новотроицкое-1, -2; 7 – Обьездное-1; 8 – Рогозиха-1; 9 – с. Новосклюиха; 10 – Бийск I, II; 11 – Боровое-5; 12 – Быстрянское; 13 – Майма XIX; 14 – Чултуков Лог-1; 15 – Новый Шарап-1

Fig. 4. Map of the locations Hatchet in the territory of the Forest-Steppe Altai:

1 – Teleutskaya; 2 – Urlapovo; 3 – Ekaterinovka III; 4 – Kamen' II; 5 – Lokot'-4a; 6 – Novotroitskoye-1, -2; 7 – Ob'ezdnoye-1; 8 – Rogozikha-1; 9 – Novoskluikha; 10 – Biysk I, II; 11 – Borovoe-5; 12 – Bystryanskoe; 13 – Maima XIX; 14 – Chultukov Log-1; 15 – Novyi Sharap-1

### Обсуждение результатов

Учебное исследование базируется на подробном визуальном осмотре чекана и последовательной сверкой его с представленной в монографии прорисовкой. Главной его целью является получение студентами практического опыта критического анализа археологического источника.

На рисунке из монографии на обухе чекана заметна четко обозначенная фигура человека, на голове которого, если смотреть в профиль (см. рис. 1, 3), располагается типичный «скифский» конический головной убор с завязками без наматыльника. Данный фасон широко распространен по всему скифо-сакскому миру от Северного Причерноморья до Синьцзяна [Акишев, 1978, с. 43; Полосьмак, 1998, рис. 1–5; Яценко, 2000, с. 24–31; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 87; Яценко, 2006, рис. 23]. На фигуре «всадника» изображена распашная одежда с воротом без стойки, длинными рукавами и без подола, аналогичная реконструированным экземплярам из курганов Локоть-4а, Иссык, Толстая и Вишневая могила [Акишев, 1978, с. 48; Шульга, 2003, с. 197; Яценко, 2006, рис. 36]. Поясная одежда «персонажа», вероятно, представляет собой высокие ноговицы, оригинальные находки которых известны в материалах пазырыкских погребальных памятников [Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.65], реконструируются по материалам причерноморских комплексов и запечатлены на образцах греко-скифской торевтики [Клочко, 2006, с. 105, рис. 2; Яценко, 2006, с. 66–67, рис. 27]. Получае-

мых с рассматриваемого рисунка сведений фактически достаточно для художественной реконструкции, выполненной из бронзы (рис. 1, 4).

Оригинальное изделие в современном состоянии несколько отличается от его прорисовки: «голова всадника» передана менее четко – металл сильно разрушен коррозией; отсутствует четко обозначенная линия шеи; «лицо» антропоморфа не плоское, а имеет ярко выраженный выступ; линии «рук», представленные следами коррозии, менее рельефны и прослеживаются только в профиль; еще менее явственны и рельефны предполагаемые «ноги всадника» (см. рис. 1, 2). Вместе с тем общие очертания чекана и рисунка в целом соответствуют друг другу. Сравнение оригинала и рисунка из монографии позволяет установить уровень его подлинности, равный 65 %.

В связи с тем что чекан подвергся чистке, в процессе которой с него были сняты фрагменты коррозии, необходимо обратиться к анализу его первоначального состояния, запечатленного на фотоснимке, хранящемся в архиве сектора археологии УНИЛ «Историческое краеведение» (см. рис. 2). К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь одна такая фотография изделия в профиль, но и на ней заметно большее количество металла на обухе, в зоне туловища антропоморфа, а его «ноги» рельефно не выделяются.

Необходимо отметить, что антропоморфные изображения не совсем типичны для Верхнего Приобья и сопредельных территорий эпохи раннего железа. В оформлении «скифского» оружия данная тематика также широкого распространения не получила. В качестве единичного примера такого рода изделия можно назвать биметаллический клевец из Бердянского кургана (Запорожская область) с железным четырехгранным в сечении бойком и бронзовым обушком, оформленным в виде человеческой головы с круглым безбородым лицом и зачесанными назад прямыми волосами [Болтрик и др., 1994, рис. 7].

Несмотря на то что для скифского времени Евразийских степей известны единичные находки сложнодекорированных железных вещей<sup>1</sup> [Шульга и др., 2009, рис. 87, 93, 1; Овсянников, Савельев, 2019, рис. 10–12], главной проблемой в интерпретации антропоморфного изображения на обухе чекана из Новотроицкого-2 является определение места и способа его изготовления. Е. В. Водясов и О. В. Зайцева отмечают, что Верхнее Приобье представляет собой контактную зону культурных миров «таежного севера» и «степного юга». Указывая на его соседство с металлоносными культурами Южной Сибири и наличие качественных железных руд, что делало возможным достаточно быстрое формирование здесь очага собственной металлургии, авторы утверждают, что в раннем железном веке этот сценарий не реализовался [Водясов, Зайцева, 2017, с. 240]. Соответственно, чеканы Новотроицкого некрополя могут быть рассмотрены как импортные изделия.

Выше отмечалось, что наиболее близким по морфологии чекану из кургана 15 Новотроицкого-2 является изделие из кургана 15 Новотроицкого-1 (они даже идентичны по размеру). Если допустить, что В. А. Могильников ошибся в своих рисунках [Могильников, Уманский, 1999, рис. 3, 17; Могильников, 1997, рис. 42, 3], а в противном случае неизвестно, откуда происходит снабженный соответствующей биркой чекан из музея (см. рис. 3), то отличаются они оформлением конструкции, расположенной между втулкой и бойком: в первом случае она сильно коррозирована и не может быть надежно определена, во втором – это петля.

В силу изложенного необходимо более детально сопоставить контексты обнаружения обоих изделий.

Новотроицкое-2, курган 15 могила 3 – периферийное захоронение мужчины 25–35 лет. Чекан выявлен справа от тазовых костей, слева найден бронзовый костылек-кочедык. Под тазовыми костями найдена костяная пластина, покрытая зооморфным орнаментом, вероятно, являющаяся деталью лишенного пряжек пояса, надетого на погребенного. Второй стрелко-

<sup>1</sup> В данном отношении особенно примечательно, что железный чекан из могилы 2 кургана 18 Новотроицкого-2 со сложным изображением кошачьего имеет прямые аналогии с изделием из Акбердинского II городища и рядом других орнаментированных чеканов, а аналогий железным антропоморфным изображениям на чеканах скифского времени нам не известно.

вый пояс был расстегнут и уложен вдоль тела, в его состав входили найденные в районе костей ног прорезная обойма и коническая пронизь, а также выявленные в области черепа бронзовые двойные обоймы. Также в погребении обнаружены: перемещенное золотое скульптурное изображение горного козла (украшавшее головной убор), кости животного и железный нож среди них, шесть роговых и девять бронзовых наконечников стрел, один целый кринковидный сосуд и несколько фрагментов неорнаментированной керамики [Шульга и др., 2009, с. 102].

Новотроицкое-1, курган 15 могила 1 – центральное коллективное захоронение (1 мужской скелет, 2 – женских, 2 – детских). Чекан выявлен справа от тазовых костей мужчины 25–30 лет, кинжал с фурнитурой ножен – слева. Надетый на мужчину пояс включал в себя набор из шести бронзовых литых блях с изображением голов грифонов, бабочковидную бляху, железную и несколько бронзовых пластин, железный поясной крюк, зооморфный костылек-кочедык. Стрелковый пояс, имеющий в своем составе пряжку, прорезную обойму, коническую пронизь, железную обойму, фрагмент орнаментированной серебряной бляхи был расстегнут и уложен вдоль тела [Там же, с. 39]. При остальных погребенных также выявлен достаточно представительный сопроводительный инвентарь.

Сравнение контекстов обнаружений чеканов позволяет установить, что они носились справа при богато украшенных поясах мужчин 20–40 лет. Обособленно у них имелся и второй пояс – стрелковый. Помещение поясов в погребение осуществлялось в рамках традиции ситуационной сакрализации – с расстегиванием комплектов, изъятием поясных пряжек или поломкой отдельных элементов поясной фурнитуры (пластины) [Головченко, 2018, с. 62–63; 2020, с. 20–24; 2021, рис. 2]. При погребенных имеются рейтинговые импортные серебряные и золотые вещи.

Идентичность основных параметров (размер, абрис, наличие колпачков и втоков), а также контекстов обнаружений чеканов из Новотроицкого-1 и -2 позволяет высказать дискуссионное предположение об их исходном тождестве.

### Заключение

Приведенную методическую разработку отличает нелинейный характер ее реализации, предоставляющий возможность высказывания поливариативных суждений. В процессе выполнения учебного задания студенты получают навыки работы с различными видами исторических источников – научные тексты (полевые дневники, отчеты, статьи, монографии), воспоминания участников полевых работ (составление опросника, проведение интервью, его обработка), фонды музея (фотофиксация, описание). Знакомятся с режимом работы структурных подразделений Института. Учатся особенностям представления археологических материалов с помощью фотографий, карт, реконструкций и иных средств визуализации. И главное для студентов-«туристов» – они приобщаются к пониманию сложности исторических интерпретаций археологических источников.

### Список литературы

- Акишев К. А.** Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 129 с.
- Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередниченко Н. Н.** Бердянский курган // РА. 1994. Т. 28, № 3. С. 140–156.
- Водясов Е. В., Зайцева О. В.** Тернистый путь черной металлургии в таежном Обь-Иртыше // Stratum plus. 2017. № 6. С. 237–250.
- Головченко Н. Н.** Исследование и некоторые вопросы интерпретации фрагментов текстиля из кургана 15 некрополя Новотроицкое-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. Т. 41, № 2. С. 61–68. DOI 10.20874/2071-0437-2018-41-2-061-068
- Головченко Н. Н.** Две поясные накладки из погребений населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа: символизм и сакрализация деструкции // Universum Humanitarium. 2020. № 2. С. 18–35.

- Головченко Н. Н., Труевцева О. Н.** Иммерсивные технологии в популяризации археологического наследия Новотроицкого некрополя // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-9-20
- Головченко Н. Н.** «No connection»: расстёгнутый пояс в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 24–35. DOI 10.14258/nreur(2021)3-02
- Иванов С. С.** Клевцы и чеканы сакской культуры Притяньшанья // Stratum plus. 2019. № 3. С. 113–123.
- Клочко Л. С.** Поясная одежда у населения Скифии // Древности скифской эпохи: Сб. ст. М.: Изд-во ИА РАН, 2006. С. 100–119.
- Кочеев В. А.** Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. № 4. С. 74–82.
- Литвинский Б. А.** Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). М.: Вост. лит., 2001. Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. 528 с.
- Лихачева О. С.** Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н. э.). Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020. 320 с.
- Мелюкова А. И.** Вооружение скифов // САИ. М.: Наука, 1964. 64 с.
- Могильников В. А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1997. 196 с.
- Могильников В. А., Уманский А. П.** Новотроицкое I, курган 15 и хронология некоторых категорий вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 91–110.
- Овсянников В. В., Савельев Н. С.** Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.
- Полосьмак Н. В.** Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 148–151.
- Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
- Суразаков А. С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского кн. изд-ва, 1988. 216 с.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Уманский А. П., Шульга П. И.** Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя // Теория и практика археологических исследований. 2005. № 1. С. 121–133.
- Чугунов К. В.** Аржан. Источник в долине царей // Археологические открытия в Туве. СПб.: Славия, 2004. С. 10–37.
- Шульга П. И.** Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 204 с.
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.** Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.
- Яценко С. А.** Костюм Скифии в архаическое (VII–VI вв. до н. э.) и «классическое» (V–IV вв. до н. э.) время: к вопросу об этнических изменениях // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар: ЮНЦ РАН, 2000. С. 24–31.
- Яценко С. А.** Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Вост. лит., 2006. 664 с.

#### References

- Akishev K. A.** Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana [Kurgan Issyk. Art of the Saks of Kazakhstan]. Moscow, 1978, 129 p. (in Russ.)

- Boltrik Yu. V., Fialko E. E., Cherednichenko N. N.** Berdyanskii kurgan [Berdyanskii Mound]. *Rossiiskaya arheologiya [Russian archeology]*, 1994, vol. 28, no. 3, pp. 140–156. (in Russ.)
- Chugunov K. V.** Arzhan. Istochnik v doline tsarei [Arzhan. Source in the valley of the kings]. In: *Arheologicheskie otkrytiya v Tuve [Archaeological discoveries in Tuva]*. St. Petersburg, 2004, pp. 10–37. (in Russ.)
- Golovchenko N. N.** Issledovanie i nekotorye voprosy interpretatsii fragmentov tekstilya iz kurgana 15 nekropolya Novotroitskoe-1 [Research and some issues of interpretation of fragments of textiles from the mound 15 of the necropolis of Novotroitskoye-1]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]*, 2018, vol. 41, no. 2, pp. 61–68. (in Russ.) DOI 10.20874/2071-0437-2018-41-2-061-068
- Golovchenko N. N.** Dve pojasnye nakladki iz pogrebenii naseleniya Verkhnego Priob'ya epokhi rannego zheleza: simbolizm i sakralizatsiya destruktzii [Two Belt Overlays from the Burials of the Upper Ob Region Population of the Early Iron Age: Symbolism and Sacralization of Destruction]. *Universum Humanitarium*, 2020, no. 2, pp. 18–35. (in Russ.)
- Golovchenko N. N.** “No connection”: rasstyognutyi poiyas v pogrebal'noi obryadnosti naseleniya Verkhnego Priob'ya epokhi rannego zheleza [“No connection”: unbuttoned belt in the funeral rites of the population of the Upper Ob Region of the Early Iron age]. *Narody i religii Evrazii [Peoples and religions of Eurasia]*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 24–35. (in Russ.) DOI 10.14258/nneur(2021)3-02
- Golovchenko N. N., Truevtseva O. N.** Immersive Technologies in the Promotion of the Archaeological Heritage of the Novotroitsk Necropolis. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-9-20
- Ivanov S. S.** Klevtsy i chekany saksnoi kul'tury Prityan'shan'ya [The Combat Hatchets from the Area of Saka Culture of Tien Shan Region]. *Stratum plus*, 2019, no. 3, pp. 113–123. (in Russ.)
- Klochko L. S.** Poyasnaya odezhda u naseleniya Skifii [Belt clothing among the population of Scythia]. In: *Drevnosti skifskoi epokhi [Antiquities of the Scythian era]*. Collection of articles. Moscow, 2006, pp. 100–119. (in Russ.)
- Kocheev V. A.** Boevoe oruzhie pazyryktsev [Military weapons of the Pazyryks]. In: *Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]*. Gorno-Altaysk, 1999, no. 4, pp. 74–82. (in Russ.)
- Likhacheva O. S.** Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n. e.) [Armament and military affairs of the population of the forest-steppe Altai in the Early Iron Age (8<sup>th</sup> – 1<sup>st</sup> centuries BC)]. Barnaul, 2020, 320 p. (in Russ.)
- Litvinsky B. A.** Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan) [Temple of Oks in Bactria (Southern Tajikistan)]. Moscow, 2001, vol. 2: Baktriiskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste [Bactrian weapons in the ancient Eastern and Greek context], 528 p. (in Russ.)
- Melyukova A. I.** Vooruzhenie skifov [Armament of the Scythians]. In: *SAI [Code of archaeological sources]*. Moscow, 1964, 64 p. (in Russ.)
- Mogilnikov V. A.** Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroj polovine I tysyacheletiya do n. e. [The population of the Upper Ob region in the middle – the second half of the I millennium BC]. Moscow, 1997, 196 p. (in Russ.)
- Mogilnikov V. A., Umansky A. P.** Novotroitskoe I, kurgan 15 i khronologiya nekotorykh kategorii veshchei Yuzhnoi Sibiri serediny – tret'ei chetverti I tysyacheletiya do n. e. [Novotroitskoye I, mound 15 and the chronology of some categories of things in Southern Siberia in the middle – third quarter of the 1<sup>st</sup> millennium BC]. In: *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoi Sibiri [Questions of archeology and history of Southern Siberia]*. Barnaul, 1999, pp. 91–110. (in Russ.)
- Ovsyannikov V. V., Saveliev N. S.** Voinskoe svyatilishche na Akberdinskom II gorodishche [Military sanctuary in Akberdino II settlement]. *Arheologiya Evraziiskih stepei [Archeology of the Eurasian Steppes]*, 2019, no. 2, pp. 201–226. (in Russ.)

- Polosmak N. V.** Voinskie shlemy pazyryktsev [Pazyryk military helmets]. In: Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territorij [Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories]. Barnaul, 1998, pp. 148–151. (in Russ.)
- Polosmak N. V., Barkova L. L.** Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n. e.) [Costume and textiles of the Pazyryks of Altai (4<sup>th</sup> – 3<sup>rd</sup> centuries BC)]. Novosibirsk, 2005, 232 p. (in Russ.)
- Shulga P. I.** Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a [Burial ground of the Scythian time Lokot'4a]. Barnaul, 2003, 204 p. (in Russ.)
- Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A.** Novotroitskii nekropol' [Novotroitsky necropolis]. Barnaul, AltSU Press, 2009, 329 p. (in Russ.)
- Surazakov A. S.** Gornyi Altai i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya [Gorny Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Problems of chronology and cultural delimitation]. Gorno-Altaysk, 1988, 216 p. (in Russ.)
- Troitskaya T. N., Borodovsky A. P.** Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk, 1994, 184 p. (in Russ.)
- Umansky A. P., Shulga P. I.** Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya predmetov vooruzheniya iz Novotroitskogo nekropolya [Preliminary results of the study of weapons from the Novotroitsk necropolis]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2005, no. 1, pp. 121–133. (in Russ.)
- Vodyasov E. V., Zaitseva O. V.** Ternisty put' chernoi metallurgii v tayozhnom Ob'-Irtyshe [The Treacherous Path of Ironmaking in the Taiga Zone of the Ob-Irtys River Region]. *Stratum plus*, 2017, no. 6, pp. 237–250. (in Russ.)
- Yatsenko S. A.** Kostyum Skifii v arkhaiskoe (VII–VI vv. do n. e.) i “klassicheskoe” (V–IV vv. do n. e.) vremya: k voprosu ob etnicheskikh izmeneniyakh [Costume of Scythia in archaic (7<sup>th</sup> – 6<sup>th</sup> centuries BC) and “classical” (5<sup>th</sup> – 4<sup>th</sup> centuries BC) time: on the issue of ethnic changes]. In: Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskii mir [Ancient civilization and the barbarian world]. Krasnodar, 2000, pp. 24–31. (in Russ.)
- Yatsenko S. A.** Kostyum drevnei Evrazii: iranoyazychnye narody [Costume of ancient Eurasia: Iranian-speaking peoples]. Moscow, 2006, 664 p. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Николай Николаевич Головченко**, кандидат исторических наук

### Information about the Author

**Nikolay N. Golovchenko**, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;  
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 20.02.2022  
The article was submitted 15.01.2022;  
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 20.02.2022*

Научная статья

УДК 903.01/.09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-20-31

## Результаты эксперимента по использованию костяной иглы для перфорации шкуры грубой выделки

Ирина Викторовна Шмидт<sup>1</sup>

Елизавета Александровна Ковальченко<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского  
Омск, Россия

<sup>1</sup> rebewster@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8608-5321>

<sup>2</sup> liza.kovalchenko00@mail.ru

### Аннотация

Экспериментальные данные давно и по достоинству оценены в реконструкции археологически фиксируемых явлений. Простые на первый взгляд процедуры, способы их реализации могут вызвать острые дискуссии среди исследователей. Скрепление кож и шкур сложно представить без участия иглы и нити, но всегда ли мы имеем верные представления об их использовании в глубокой древности, можно ли подтвердить наши представления экспериментальным образом? Поиск ответа на данный вопрос лег в основу эксперимента, основные этапы реализации которого изложены в статье. Его цель – получение и анализ следов утилизации, динамика и специфика их формирования на костяной игле (с нитью из сухожилий) в условиях перфорации фрагмента грубо выделанной шкуры. Целью сообщения является презентация полученных результатов и их интерпретация.

В исследовании представлены результаты изготовления и использования иглы, выполненной из щепы бивня мамонта для перфорации шкуры грубой выделки. Особое внимание уделено описанию видоизменения инструмента в ходе указанной процедуры и обсуждению следов утилизации, сформированных на его поверхности в процессе сотни перфораций. Полученные данные позволяют аргументировано обсуждать отдельные этапы как изготовления, так и использования аналогичных изделий; быстроту формирования на поверхности инструментов типичных признаков деятельности. Полученные образцы следов позволят выделить круг инструментов, привлекаемых к перфорированию грубых материалов и могут быть включены в коллекцию эталонов реконструируемых процедур.

### Ключевые слова

экспериментальная археология, иглы, перфорация шкуры грубой выделки, следы утилизации на инструменте

### Для цитирования

Шмидт И. В., Ковальченко Е. А. Результаты эксперимента по использованию костяной иглы для перфорации шкуры грубой выделки // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 20–31. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-20-31

© Шмидт И. В., Ковальченко Е. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 20–31

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 20–31

## Experimental Results of Using the Bone Needle for Punching Rough-Workmanship Hides

Irina V. Schmidt<sup>1</sup>, Elizaveta A. Kovalchenko<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Dostoevsky Omsk State University  
Omsk, Russian Federation

<sup>1</sup> rebewster@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8608-5321>

<sup>2</sup> liza.kovalchenko00@mail.ru

### Abstract

*Purpose.* The seemingly simple procedures, the methods of their implementation in remote times may cause heated discussions among the researchers. Bonding of skins and hides is difficult to imagine without the involvement of a needle and thread, but do we always have correct ideas about their use by our predecessors? To a certain extent, this problem is solved by an experiment; the main stages thereof are described in the article. Its purpose is to obtain and analyze the traces of utilization, the dynamics and specificity of their formation on the bone needle (with a tendon-based thread) in the conditions of perforation of a roughly treated hide.

*Results.* The study presents the results of making and using a needle made from a mammoth tusks splinter for punching rough-workmanship hides. Particular attention is paid to the description of modification of the tool in the course of this procedure and to discussion of traces of utilization formed on its surface in the process of hundreds of perforation acts. The obtained data make it possible to reasonably discuss the particular stages of both the manufacture and use of similar items, the pace of formation of typical signs of activity on the surface of the tools. Obviously, short-type needles were used for rough hides and skins. Punching of the said material is possible only with cranking (threading) of the tool, which leaves characteristic marks on the tip of the needle; the search of them should be made both on the needles and on the tools accompanying the hide treatment procedure (sharp-pointed tools, piercing tools, cranking tools, pricking tools).

*Conclusion.* The obtained trace samples allow for discussion of the methods for using the needle for punching rough hides. The traces of utilization on the Paleolithic-period needles remain poorly described, which complicates detailed comparison of experimental data and original sources. The needle could undoubtedly be used for punching rough materials, but in this case, it is comparable with compound-functional tools (for punching hides and thread transportation), and the traces of use are comparable with the traces on piercing and cranking tools. The continuation of experiments in this area contributes to the formation of a reference samples base regarding production process traces on the tools used for treatment of hides and skins, which brings us closer to comprehension of production processes of the far-back primitive time, the evolution of functions of the tools we know well, the adjustment of modern tool typologies.

### Keywords

experimental archaeology, needles, punching of rough-workmanship hides, utilization traces on the tool

### For citation

Schmidt I. V., Kovalchenko E. A. Experimental Results of Using the Bone Needle for Punching Rough-Workmanship Hides. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 20–31. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-20-31

## Введение

Установить период зарождения экспериментальной археологии не представляется возможным ввиду разнообразия ее целей, методов, материалов и интересов отдельных исследователей. У данного направления продолжительная история развития, сформированные историография, институциональность, есть периодические издания, круг рассматриваемых вопросов [Гиря, 1992; Аяпова, Умиткалиев, 2019]. В отечественной научной практике одна из первых попыток систематизации экспериментальных данных в археологии принадлежит С. А. Семенову [1957]. Его монументальный труд, известный каждому российскому археологу, не теряет актуальности и является методическим, понятийно-терминологическим ориентиром нашего исследования. Специфика наблюдений относительно сырьевого потенциала и функциональных особенностей орудий, выполненных из бивня мамонта, следов их производственного износа почерпнута нами в исследованиях Г. А. Хлопачева и Е. Ю. Гири [2010].

Методическая глубина подобных исследований требует ориентации на подходы Internal analysis (см.: [Marshack, 1985; 1989; D'Errico, 1988; 1991; 1994; Bednarik, 2006; Sidéra, Legrand, 2006] и мн. др.), исследование построено с учетом некоторых из них.

### Цель, задачи, техническая база исследования

В техническом отношении подобные наблюдения невозможны без привлечения высокоточной техники наблюдений (бинокляров и микроскопов), но в нашем случае следы процедур были столь ярко выражены на поверхности изделия, что потребовалась лишь их качественная фотофиксация. Результаты наблюдений зафиксированы фотокамерой Canon EOS 850D (размеры матрицы 22,3 × 14,9 мм, разрешение 24,2 млн пикс.) и макрообъективом Canon EF-S 100 mm f/2.8 Macro USM (несколько кадров получены объективом Canon EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM). Обработка снимков проведена с опорой на метод стекинга (в программе Helicon Focus). Для облегчения наблюдений следов износа, четкости их фиксации на изделие и фрагменты напыляли магний.

В центре внимания предлагаемого экспериментального наблюдения – работа иглой из бивня мамонта по шкуре грубой выделки и следы данного процесса на используемом инструменте. Теоретически простой процесс, ясность которого обусловлена его известностью в нашей повседневности. Палеолитические материалы содержат большое количество игл и «иглоподобных» предметов, но как их использовали и для чего, чем мы можем подтвердить наши предположения? Следы утилизации могут быть хорошим аргументом в дискуссиях по данным вопросам, во избежание заблуждений их нужно не только качественно фиксировать на археологических артефактах, но и попытаться получить в ходе реконструкции процессов и процедур. Предлагаемое исследование одно из первых в данном ряду – эксперименты с иглами не столь известны, как с шильями и другими «макроинструментами».

Задача исследования – получение и анализ следов утилизации; анализ динамики и специфики их формирования на костяной игле (с нитью из сухожилий) в условиях перфорации фрагмента грубо выделанной шкуры.

### Протокол и результаты исследования

Для подобного рода исследований необходима презентация начального состояния обозначенных «участников», анализ их так называемого «состояния 0».

*Игла* из бивня мамонта выполнена И. В. Шмидт из тонкой щепы дентина (рис. 1). Исходная форма была подвергнута трем процедурам: вымачивание в воде (2 дня), грубая обточка размягченной поверхности каменным отщепом и последующая шлифовка на абразивной поверхности (в нашем случае мелкозернистая наждачная бумага P400, снятие следов грубого абразива P1200) до получения заготовки. Длина / ширина / толщина изделия: 6,5 / 0,6 / 0,3 см. Форма поперечного сечения неодинакова: в проксимальной части она уплощенная, в медиальной – эллипсоидная, в дистальной – округлая. На кончике острия заметен небольшой дефект (неглубокое расщепление), нивелировка которого должна была произойти в процессе использования (рис. 1Б).

Этап изготовления иглы (без замачивания) занял 47 мин. Из сопутствующих наблюдений отметим легкость обработки сырья. По форме полученный образец напоминает утолщенные варианты со стоянки Ла Мадлен [Vanhaeren, D'Errico, 2001, p. 217, fig. 15: d] и рассчитан на работу со шкурами грубой выделки, для которой тонкие / грацильные иглы явно не предназначены.

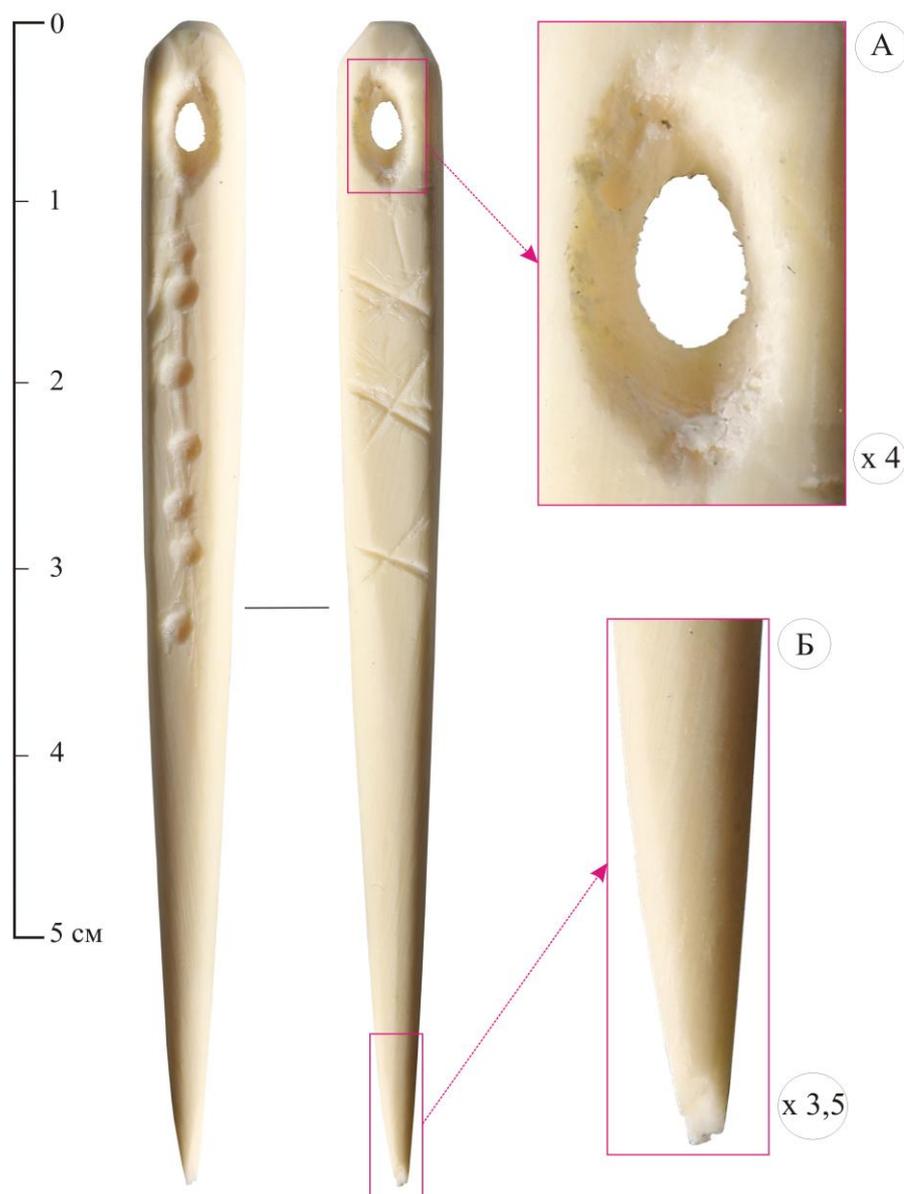


Рис. 1. Начальное состояние и морфологические особенности экспериментальной иглы:  
 А – проксимальная зона (ушко); Б – дистальная зона (острие)  
 (фото И. В. Шмидт)

Fig. 1. Initial state and morphological features of the experimental needle:  
 A – proximal zone (eye); B – distal zone (point)  
 (photo by I. V. Schmidt)

Конструктивным признаком иглы является ее ушко (рис. 1А). Оно выполнено в режиме двусторонней прорези с последующим развертыванием, характерной для костенковской техники получения отверстий [Верхний палеолит..., 2016, с. 158]; сибирские косторезы предпочитали технику двустороннего конического сверления. Прорезь выполнена кремневым острием через его раскачивание и центронаправленные «ковыряющие» движения / скобление вдоль продольной оси изделия. Затраты времени на производство ушка составили полчаса

в условиях периодического смачивания водой обрабатываемой зоны и инструмента. Параметры сквозного отверстия:  $2,3 \times 1,8 \times 4$  мм. В ходе производства острие иногда срывалось с точки углубления, оставляя вокруг отверстия неглубокие царапины. Внутренняя поверхность отверстия характеризуется заметной шероховатостью (см. рис. 1А).

Декорирование – финальная фаза производства. Судя по археологическим источникам, не являлась обязательной / необходимой для данного рода изделий. Изредка для оформления игл обращались к нанесению в зоне ниже ушка простых, неглубоких, округлой формы лунок или насечек [Федорченко, Белоусова, 2021, с. 224, рис. 2, 4; Питулько, Павлова, 2019, рис. 12, 16]. В нашем случае использован черноозерский мотив «жемчужной нити» – прорезь и просверленные в ней округлые лунки; на обороте – три резных косых креста (см. рис. 1). Никакого смысла в данное оформление не вложено.

*Huti* получены из сухожилий ноги молодого лося (рис. 2). Сбор материалов по технологии получения и само их производство осуществлены Е. А. Ковальченко. Материал выбран с расчетом работы по жесткому материалу, для которого льняные нити, известные в палеолите [Kvavadze et al., 2009], скорее всего, непригодны. Вторая причина обращения именно к данному материалу – большая доля вероятности получения заметных следов износа ушка иглы.

Сухожилия были высушены и разбиты на пучки. Для размягчения и получения в дальнейшем тонких нитей их теребят, разделяют на более тонкие волокна, после скручивают в жгут необходимой толщины и длины (рис. 3). Производство нитей длиной до 40 см не вызвало особых сложностей.



Рис. 2. Расщепленные сухожилия (макрофото И. В. Шмидт)  
Fig. 2. Split tendons (macro photo by I. V. Schmidt)



Рис. 3. Используемая в эксперименте игла с нитью в ушке (макрофото И. В. Шмидт)  
Fig. 3. The needle used in the experiment with a thread in the eye (macro photo by I. V. Schmidt)

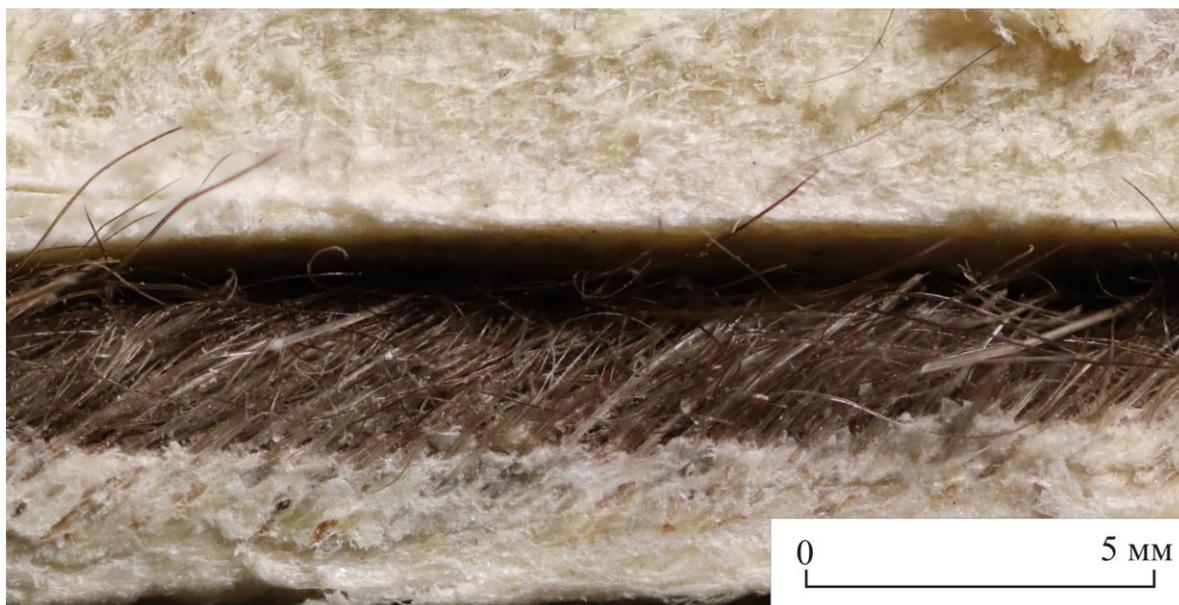


Рис. 4. Фрагмент шкуры грубой выделки: поверхность и поперечный разрез (макрофото И. В. Шмидт)  
Fig. 4. Fragment of rough workmanship hide: surface and cross section (macro photo by I. V. Schmidt)

Фрагмент шкуры получен из ноги косули. Грубость выделки отвечала требованиям предшествующего эксперимента, в котором он был задействован (рис. 4). Толщина полотна 1,8–2 мм. Этот показатель оставлен без изменений – грубо выделанные шкуры, безусловно, находили применение в палеолите. Плотность образца позволяла его сгибать, но получить плотного облепания поверхности при данной обработке невозможно.

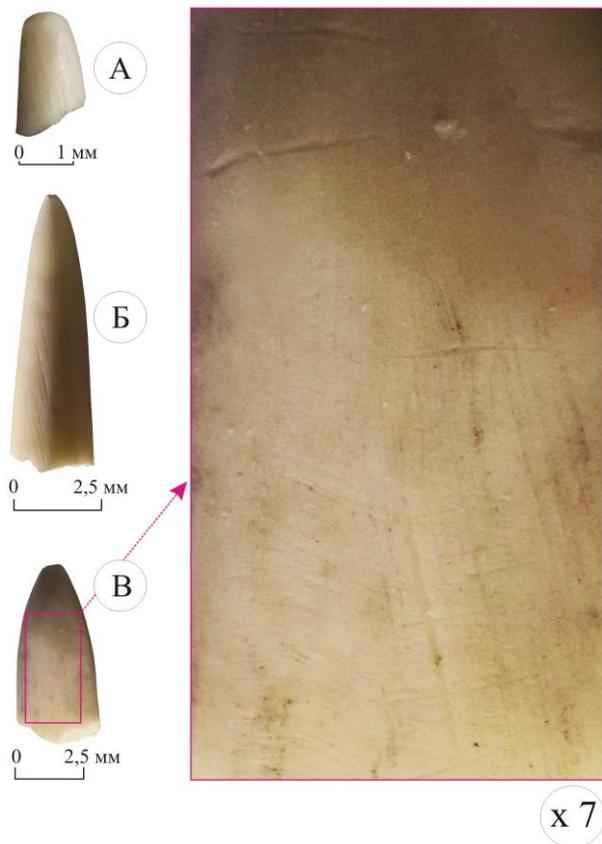
*Протокол эксперимента.* Исходя из современной практики шитья, процедура работы иглой интуитивно понятна: нить вдевается в ушко, поверхность полотна перфорируется с мездровой стороны прямым поступательным проникновением острия инструмента, игла и нить протягиваются через полученное отверстие, расширяя его по толщине иглы. Отдельные теоретические представления менялись в ходе реализации процедуры. Первое, что пришлось изменить, – кинематику перфорирующего движения. В условиях прямого проникновения игла не могла проколоть шкуру. При надавливании ее приходилось проворачивать, «завинчивать» в материал под небольшим углом. На получение одного отверстия уходило до 6–8 минут.

Первый слом острия иглы наступил в процессе третьей перфорации (рис. 5А). Он прошел по диагонали кончика острия, на расстоянии 2 мм от дистального окончания инструмента. Следы износа не успели сформироваться на его поверхности, лишь слегка притупилось острие. Для продолжения работы место слома было заострено трением по наждачной бумаге.

Второй слом произошел при реализации четвертой перфорации (рис. 5Б). Место слома отмечено прямым профилем и характерной ребристостью поверхности, естественной для данного сырья. Длина отломленной части инструмента равна 7 мм. У линии слома сохранились следы предшествующей заточки в виде параллельных, диагонально ориентированных царапин, оставленных наждаком. Ближе к притупленному острию они не фиксируются; его поверхность идеально ровная, обладает слабым блеском начавшейся заполировки.

Очередным заострением нарушенного дистального конца изделия было сформировано конусовидное острие длиной до 4 мм с резким углом перехода между медиальной и дистальной частями изделия. Выбор данной формы острия продиктован желанием предупредить его быстрое повреждение, что имело незначительный эффект. Его слом произошел в ходе шестой перфорации. Особенности формы острия сказались на увеличении промежутка времени,

необходимого для получения отверстия, до 10–12 минут. На поверхности конусовидного острия, в отдельных его зонах зафиксированы слабовыраженные «полуконцентрические» бороздки от проворачивающих движений, а у зоны слома – следы предшествующей заточки (рис. 5В).

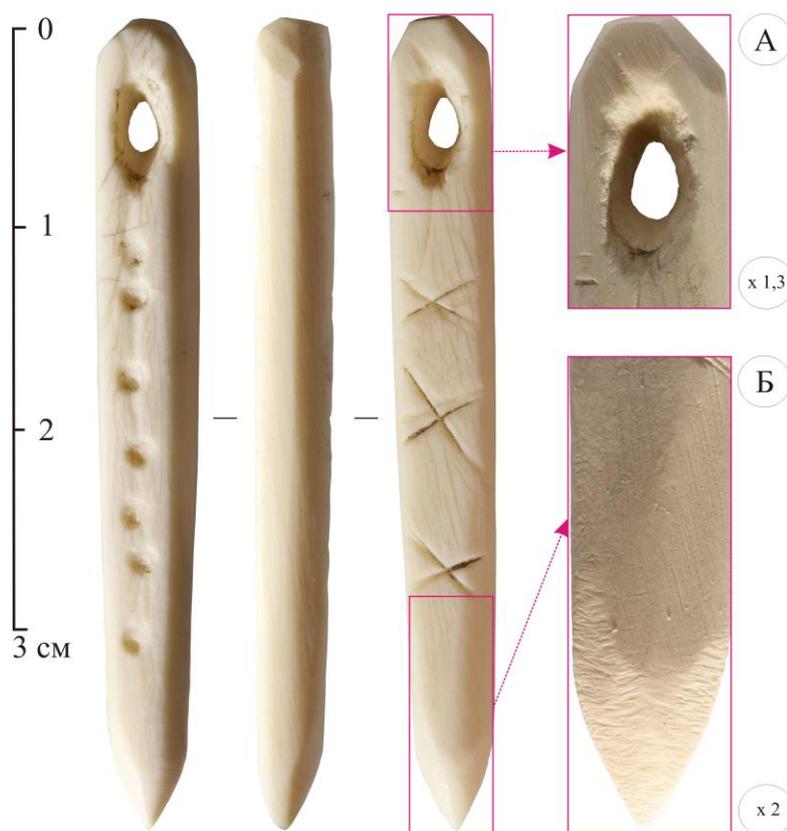


*Рис. 5.* Дистальные фрагменты иглы, полученные в ходе эксперимента: *A* – после первого слома; *B* – после второго; *B* – после третьего (с увеличением зоны концентрации следов износа) (фото И. В. Шмидт)

*Fig. 5.* Distal fragments of the needle obtained during the experiment: *A* – after the first fracture; *B* – after the second fracture; *C* – after the third fracture (with increased zone of concentration of wear marks) (photo by I. V. Schmidt)

После последней, четвертой «конусовидной» заточки острия оно больше не ломалось. Им выполнено около 90 отверстий (общее их количество достигает 100). Но изменившиеся параметры инструмента (теперь уже мало схожего с иглой) сказались на быстроте перфорирующего процесса. На производство отверстия требовалось от 13–14 до 25 мин. Кинематика процесса – проворачивание / «ввинчивание», усилия необходимые для перфорации и протаскивания иглы позволяют сопоставить процесс с работой скорняка, а не портного. Сам инструмент функционально сравним с шилом, но не с иглой. Диаметр получаемых отверстий 4,5 мм.

Финальное состояние инструмента характеризуется изменением его параметров. Изделие сократилось почти в половину, до 3,9 см; ширина неравномерно уменьшилась на 0,8 мм. Из перечня типичных для перфорации следов износа заметны: заполированность – медиальная и проксимальная части; сглаженность следов производства изделия в зоне ушка, особенно его



*Рис. 6.* Игла после завершения эксперимента:  
 А – дистальная зона; Б – проксимальная зона.  
 Макрофото с использованием магниевого напыления (фото И. В. Шмидт)

*Fig. 6.* Needle after the conclusion of the experiment:  
 А – distal zone; Б – proximal zone.  
 Macro photo with the use of magnesium coating (photo by I. V. Schmidt)

внутренней части (рис. 6А); концентрические и полуконцентрические, не выдержанной горизонтальности следы от проворачивания на конусовидном острие и несколько выше в дистальной зоне изделия (рис. 6 Б). Если признаки заполированности, сопровождающиеся сеточкой трещин «лака» были вполне ожидаемы, то интенсивность образования следов проворачивания на острие неожиданна. Менее заметны следы износа в зоне ушка, но тоже демонстрируют определенную податливость материала (бивня) физическому воздействию.

### Обсуждение результатов и заключение

Сотня перфорирующих движений значительно изменила форму иглы – плотность материала и кинематика перфораций откорректировали ее длину, толщину, состояние ключевых рабочих поверхностей. Процесс производства оставил хорошо наблюдаемые следы на всей поверхности изделия, но особенно они заметны в зоне острия. Полученный образец дает повод к обсуждению сходных процессов и их следов, параметров аналогичных изделий многочисленных коллекций; игла перестает быть феноменом, ее можно попытаться «прочсть», провести интерпретацию и самого изделия, и процессов, в которых она была задействована.

Иглы ввиду легкости и быстроты их производства не могут быть отнесены к числу редких инструментов – их должно быть много, и они создавались для различных процедур, связанных прежде всего с прокалыванием различных материалов и ведением «нити» через полу-

ченное отверстие. Количество дистальных фрагментов может в несколько раз превышать гипотетическое число игл; после слома они легко подправляются, их использование продолжается.

Известно большое количество коллекций игл [Федорченко, Белоусова, 2021]. Даже у такого «простого» изделия есть модель / тип, признаками которого являются параметры форм и особенности конструктивных зон (ушка, сечения, длины острия / жала). В публикациях, посвященных иглам палеолита, как правило, внимание обращено на сырье, из которого выполнено изделие, но следы его износа обсуждаются не всегда. Как показал эксперимент, даже такой прочный во многих отношениях материал, как бивень может ими обладать, если предмет использовался для работ по грубому материалу без участия инструментов-посредников – каменных или костяных проколов и шильев.

Получив первые результаты, мы можем провести сопоставление экспериментальных данных и оригинальных археологических артефактов. Речь не о глубоком анализе и глобальных выводах, скорее о порядке наблюдения оригинальных артефактов на основе экспериментальных данных и на конкретном примере.

Иглы сибирского региона удивляют длиной образцов и фрагментов. К примеру, игла, обнаруженная в пещере Страшной, в слое, перекрытом отложениями возрастом около 44 тыс. л. [Шалагина и др., 2018, с. 92], во фрагментированном состоянии значительно превышает финальную длину экспериментального образца. Ее можно было бы подправить и использовать в дальнейшем, но подобного внимания к ней не проявили. Ею продолжали пользоваться, возможно, в несколько измененном режиме: «на сломах фиксируются следы заполировки и макроследы, свидетельствующие о последующем использовании иглы после слома» [Там же, с. 91]. Специфика зафиксированных следов не описана, поэтому мы не можем предположить, как изменилось использование предмета, но форма его острия, очевидно, была не важна. Из эксплуатации изделие было выведено после слома ушка [Там же, с. 91], следовательно, даже в измененном режиме использования оно выполняло функцию, связанную с «транспортировкой нити». С учетом того, что производство нового отверстия / ушка не является сложной процедурой, но по каким-то причинам она не была реализована, можно сделать заключение о важности определенных метрических параметров изделия – оно должно было быть определенной длины. Если работа ведется по материалу с высоким ворсом, то длина инструмента, действительно, имеет значение. Короткие иглы в данном случае неудобны. Второе – специфика подправки меняла физические характеристики изделия. Короткая игла обладает меньшей гибкостью / упругостью, по сравнению с длинной. При работе с тонко выделанной кожей или шкурой данный факт имеет значение. Лишившись ушка, инструмент обесценивается, переводится в другую группу инструментов, к примеру шильев, для которых наличие / отсутствие ушка не столь важно.

Профиль дистального слома оригинальной иглы характерно диагонален, что тоже нетипично для наших экспериментальных случаев. Очевидно, нарушение произошло в контексте иного процесса, в любом случае, его кинематика значительно отличалась от экспериментальной. При вертикальном (с легкими отклонениями) давлении, характерном для нашего эксперимента, формируется иная морфология слома, с получением либо прямого профиля, либо с тупым углом и коротким «язычком».

Интересно и то, что иглы пещеры Страшной нарушены в медиальной зоне<sup>1</sup>. Надлом экспериментального образца всегда происходил в дистальной зоне (зоне острия). Следовательно, иглы из Страшной использовались отличным от экспериментального образом.

Из следов утилизации авторами статьи особо отмечены следы заполированности артефакта. С учетом полученной в ходе эксперимента заполированности поверхности экспериментального образца рассуждать о данном процессе как о фазе подготовки изделия к эксплуатации [Шалагина и др., 2018, с. 91], на наш взгляд, не совсем верно – вряд ли игла полируется

<sup>1</sup> В статье, на которую дается ссылка, представлены два игловидных изделия.

перед использованием. Заполировка очень быстро образуется при работе с любого вида шкурой. Первые признаки ее формирования были заметны на острие изделия уже после нескольких перфораций. Если иглу использовали для получения сотни отверстий, то ее поверхность теряет даже грубые следы первых фаз производства в основных, соприкасающихся с кожей частях. Разумеется, качество материала, с которым работают иглой, очень важно. Толстая шкура грубой выделки, очевидно, более агрессивно уничтожает любые следы на поверхности костяного инструмента, чем кожа тонкой выделки, следовательно, и полирует поверхность инструмента интенсивнее (тезис необходимо экспериментально проверить). Безусловно, важны для обсуждения данного вопроса и многие другие параметры: вид животного, состояние материала (свежее, сухое, специфика выделки), особенности тафономического контекста депонирования инструментов (как он мог повлиять на состояние «лака» заполировки). К получению этих данных необходимо стремиться в ходе продолжения экспериментов.

Резюмируя сказанное, отметим важность полученных данных для реконструкции процессов кожевенного производства палеолитической эпохи. Качественным и важным результатом предложенного эксперимента являются показатели интенсивности воздействия обрабатываемого материала на костяной инструмент. Характерные следы процедур, оставленные на поверхности иглы, сформировались за короткий промежуток времени использования инструмента и в условиях конкретных алгоритмов действий. Поиск аналогичных следов необходимо организовать, по-видимому, не столько на иглах, сколько на костяных шильях, провертках, проколках [Sidéra, Legrand, 2006, p. 29–301, fig. 10–11; D’Errico, Henshilwood, 2007, p. 152, fig. 14], позволяющих ускорить и значительно облегчить процесс перфорации [Семенов, Коробкова, 1983, с. 35]. Иглы в контексте их участия / подключения использовались лишь для проведения нити через полученные отверстия, что сохраняло им их грацильность и длину, обеспечивало функциональную активность после дистальных сломов. Но, зная тягу палеолитического человека к комбинированным орудиям, нельзя исключать комбинаций и в данном случае – «иглы-провертки» могли существовать, эксперимент позволяет это предположить.

Исследования в данном направлении будут продолжены, что необходимо для формирования базы эталонных образцов следов производственных процессов на инструментах, связанных с обработкой шкур и кожи. Эта информация поможет нам в понимании процессов производства глубокой первобытности, функционала привычных нам инструментов, в корректировке современных орудийных типологий.

### Список литературы

- Аяпова Д. Б., Умиткалиев У. У.** История экспериментальных исследований в археологии // Вестник Евразийского нац. ун-та Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2019. № 3 (128). С. 8–14.
- Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. 384 с.
- Гиря Е. Ю.** Возможности эксперимента в археологии // Экспериментальная археология: Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1992. С. 3–17.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю.** Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь // *Stratum plus*. 2019. № 1. С. 157–224.
- Семенов С. А.** Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА, № 54)
- Семенов С. А., Коробкова Г. Ф.** Технология древнейших производств. Мезолит, энеолит. Л.: Наука, 1983. 256 с.

- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.** Хронология и культурная атрибуция древнейших костяных игл верхнего палеолита Сибири // *Stratum plus*. 2021. № 1. С. 217–257.
- Хлопачев Г. А., Гиря Е. Ю.** Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.
- Шалагина А. В., Боманн М., Колобова К. А., Кривошапкин А. И.** Костяные иглы из верхнепалеолитических комплексов Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 21, № 1. С. 89–98.
- Bednarik R. G.** The methodology of examining very early engravings. *Rock Art Research*, 2006, vol. 23, no. 1, pp. 125–128.
- D'Errico F.** Lecture technologique de l'art mobilier gravé nouvelles méthodes et premiers résultats sur les galets gravés de Rochedane. *L'Anthropologie*, 1988, vol. 92-1, pp. 101–122.
- D'Errico F.** Microscopic and statistical criteria for the identification of prehistoric systems of notation. *Rock Art Research*, 1991, no. 8, pp. 83–93.
- D'Errico F.** L'art gravé azilien: De la technique à la signification. CNRS edition, 1994, 325 p. (Gallia Préhistoire, vol. 31)
- D'Errico F., Henshilwood Ch. S.** Additional evidence for bone technology in the southern African Middle Stone Age. *Journal of Human Evolution*, 2007, no. 52, pp. 142–163.
- Kvavadze E., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto E., Jakeli N., Matskevich Z., Meshveliani T.** 30,000-Year-Old Wild Flax Fibers. *Science*, 2009, no. 11, vol. 325, iss. 5946, p. 1359.
- Marshack A.** Theoretical concepts that lead to new analytic methods, modes of enquiry and classes of data. *Rock Art Research*, 1985, vol. 2, pp. 95–111.
- Marshack A.** Methodology in the analysis and interpretation of Upper Palaeolithic image: theory versus contextual analysis. *Rock Art Research*, 1989, vol. 6, pp. 17–38.
- Sidéra I., Legrand A.** Tracéologie fonctionnelle des matières osseuses : une méthode. *Bulletin de la Société préhistorique française*, 2006, vol. 103, no. 2, pp. 291–304.
- Vanhaeren M., D'Errico F.** La Parure de l'enfant de la Madeleine (Fouilles Peyrony). Un nouveau regard sur l'enfance au Paléolithique supérieur. *PALEO*, 2001, no. 13, pp. 201–240.

### References

- Ayapova D. B., Umitkaliev U. U.** Istoriya eksperimental'nykh issledovaniy v arkheologii [History of experimental research in archeology]. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta L. N. Gumileva. Seriya Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie* [Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series], 2019, no. 3 (128), pp. 8–14. (in Russ.)
- Bednarik R. G.** The methodology of examining very early engravings. *Rock Art Research*, 2006, vol. 23, no. 1, pp. 125–128.
- D'Errico F.** Lecture technologique de l'art mobilier gravé nouvelles méthodes et premiers résultats sur les galets gravés de Rochedane. *L'Anthropologie*, 1988, vol. 92-1, pp. 101–122.
- D'Errico F.** Microscopic and statistical criteria for the identification of prehistoric systems of notation. *Rock Art Research*, 1991, no. 8, pp. 83–93.
- D'Errico F.** L'art gravé azilien : De la technique à la signification. CNRS edition, 1994, 325 p. (Gallia Préhistoire, vol. 31)
- D'Errico F., Henshilwood Ch. S.** Additional evidence for bone technology in the southern African Middle Stone Age. *Journal of Human Evolution*, 2007, no. 52, pp. 142–163.
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E.** Khronologiya i kul'turnaya atributsiya drevneyshikh kostyanykh igl verkhnego paleolita Sibiri [Chronology and Cultural Attribution of the Earliest Upper Palaeolithic Bone Needles of Siberia]. *Stratum plus*, 2021, no. 1, pp. 217–257. (in Russ.)
- Girya E. Yu.** Vozmozhnosti eksperimenta v arkheologii [Experimental possibilities in archeology]. In: *Eksperimental'naya arkheologiya: Izvestiya laboratorii eksperimental'noj arkheologii*

Tobol'skogo pedinstitutu [Experimental Archeology: Proceedings of the Laboratory of Experimental Archeology of the Tobolsk Pedagogical Institute]. Tobolsk, Tobolsk State Pedagogical Institute Publ., 1992, pp. 3–17. (in Russ.)

- Khlopachev G. A.** (ed.). Verkhniy paleolit: Obrazy, simvoly, znaki: Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikalnykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN [The Upper Paleolithic: Images, Symbols, Signs. Catalogue of art objects of small forms and unique finds of the Upper Paleolithic from the MAE RAS Archaeological Collection]. St. Petersburg, Extraprint, 2016, 387 p. (in Russ.)
- Khlopachev G. A., Girya E. Yu.** Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoy Evropy i Sibiri: priemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke (po arkheologicheskim i eksperimental'nym dannym) [Secrets of ancient carvers of Eastern Europe and Siberia: treatment techniques of ivory and reindeer antler in the stone age]. St. Petersburg, Nauka, 2010, 144 p. (in Russ.)
- Kvavadze E., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto E., Jakeli N., Matskevich Z., Meshveliani T.** 30,000-Year-Old Wild Flax Fibers. *Science*, 2009, no. 11, vol. 325, iss. 5946, p. 1359.
- Marshack A.** Theoretical concepts that lead to new analytic methods, modes of enquiry and classes of data. *Rock Art Research*, 1985, vol. 2, pp. 95–111.
- Marshack A.** Methodology in the analysis and interpretation of Upper Palaeolithic image: theory versus contextual analysis. *Rock Art Research*, 1989, vol. 6, pp. 17–38.
- Pitulko V. V., Pavlova E. Yu.** Verkhnepaleoliticheskoe shveynoe proizvodstvo na Yanskoj stanke, Arkticheskaya Sibir' [Upper Palaeolithic Sewing Kit from the Yana Site, Arctic Siberia]. *Stratum plus*, 2019, no. 1, pp. 157–224. (in Russ.)
- Semenov S. A.** Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneyshikh orudiy i izdeliy po sledam raboty) [Primitive technique (experience of studying the oldest tools and products on the traces of work)]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1957, 240 p. (in Russ.) (Materials and research on the archaeology of the USSR, № 54)
- Semenov S. A., Korobkova G. F.** Tekhnologiya drevneyshikh proizvodstv. Mezolit, eneolit [The technology of the ancient industries. Mesolithic, Eneolithic]. Leningrad, Nauka, 1983, 256 p. (in Russ.)
- Shalagina A. V., Bomann M., Kolobova K. A., Krivoshapkin A. I.** Kostyanye igly iz verkhnepaleoliticheskikh kompleksov Strashnoy peshchery (Severo-Zapadnyy Altai) [Bone needles from Upper Paleolithic complexes of the Strashnaya cave (North-Western Altai)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of archaeological research], 2018, vol. 21, no. 1, pp. 89–98. (in Russ.)
- Sidéra I., Legrand A.** Tracéologie fonctionnelle des matières osseuses : une méthode. *Bulletin de la Société préhistorique française*, 2006, vol. 103, no. 2, pp. 291–304.
- Vanhaeren M., D'Errico F.** La Parure de l'enfant de la Madeleine (Fouilles Peyrony). Un nouveau regard sur l'enfance au Paléolithique supérieur. *PALEO*, 2001, no. 13, pp. 201–240.

### Информация об авторах

**Ирина Викторовна Шмидт**, кандидат исторических наук, доцент  
**Елизавета Александровна Ковальченко**, студентка 3 курса

### Information about the Authors

**Irina V. Shmidt**, Candidate of Sciences (History), Associate Professor  
**Elizaveta Kovalchenko**, 3<sup>rd</sup> year student

Статья поступила в редакцию 12.10.2021;  
одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 20.02.2022  
The article was submitted 12.10.2021;  
approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 20.02.2022

Научная статья

УДК 903.01

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-32-45

## Ударно-абразивные инструменты второго культурного горизонта стоянки Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан)

Александр Юрьевич Федорченко<sup>1</sup>  
Максим Владимирович Селецкий<sup>2</sup> ✉  
Аида Калыдаевна Абдыканова<sup>3</sup>  
Салтанат Алишер кызы<sup>4</sup>  
Светлана Владимировна Шнайдер<sup>5</sup>

<sup>1,2</sup> Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>3</sup> Американский университет в Центральной Азии  
Бишкек, Кыргызстан

<sup>4,5</sup> Международная лаборатория «Археозоология в Сибири  
и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013,  
Национальный центр научных исследований –  
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения  
Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>1</sup> winteralex2008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

<sup>2</sup> archmax95@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

<sup>3</sup> abdykanova\_a@auca.kg, <https://orcid.org/0000-0002-7238-9065>

<sup>4</sup> saltanat.alisher.kyzy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3138-0942>

<sup>5</sup> sveta.shnayder@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

### Аннотация

Ударно-абразивные орудия представляют собой важную часть инструментария, применявшегося в каменном веке для обработки минерального и органического сырья. Цель настоящего исследования заключалась в реконструкции функционального назначения каменных ударно-абразивных инструментов ( $n = 13$ ) второго культурного горизонта памятника Обишир-5 (Ферганская долина), которые идентифицировались при анализе археологической коллекции. В результате проведенной работы был выявлен вариативный набор каменных инструментов, применявшихся обитателями стоянки для различных целей. Обнаружение ретушеров и отбойников вместе с многочисленными дебитажем и нуклеусами позволяет судить о производившейся на стоянке Обишир-5 массовой обработке каменного сырья для получения заготовок и их дальнейшего оформления в орудия. Важным итогом анализа стало выявление терочных плит и песта, которые, вероятнее всего, использовались для измельчения и перетирания органических материалов.

### Ключевые слова

Центральная Азия, Ферганская долина, эпилеолит, ранний голоцен, ударно-абразивные орудия, экспериментально-трасологический анализ, 3D-моделирование

© Федорченко А. Ю., Селецкий М. В., Абдыканова А.,  
Алишер кызы С., Шнайдер С. В., 2022

**Благодарности**

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 19-78-10053 «Происхождение производящего хозяйства в горной части Центральной Азии»

**Для цитирования**

Федорченко А. Ю., Селецкий М. В., Абдыканова А., Алишер кызы С., Шнайдер С. В. Ударно-абразивные инструменты второго культурного горизонта стоянки Обишир-5 (Ферганская долина, Кыргызстан) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 32–45. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-32-45

## Percussive-Abrasive Tools from Obishir-5 Site, Cultural Horizon 2 (Fergana Valley, Kyrgyzstan)

Alexander Yu. Fedorchenko<sup>1</sup>, Maxim V. Seletskiy<sup>2</sup> ✉

Aida K. Abdykanova<sup>3</sup>, Saltanat Alisher kyzy<sup>4</sup>

Svetlana V. Shnaider<sup>5</sup>

<sup>1,2</sup> Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>3</sup> American University of Central Asia  
Bishkek, Kyrgyzstan

<sup>4,5</sup> ArchaeoZOOlogy in Siberia and Central Asia – ZooSCAN,  
National Center of the Scientific Research –  
Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,  
International Research Laboratory, IRL 2013  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>1</sup> winteralex2008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

<sup>2</sup> archmax95@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2581-8792>

<sup>3</sup> abdykanova\_a@auca.kg, <https://orcid.org/0000-0002-7238-9065>

<sup>4</sup> saltanat.alisher.kyzy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3138-0942>

<sup>5</sup> sveta.shnayder@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

**Abstract**

**Purpose.** Percussive-abrasive tools are essential for the Stone Age toolkits to process mineral and organic raw materials. This study aimed to reconstruct the functions of stone percussive-abrasive tools ( $n = 13$ ) of the second cultural horizon of the Obishir-5 site (Fergana Valley), which were identified as a result of the archaeological collection analysis.

**Results.** As a result of this study, we identified a variable set of stone instruments used by the site inhabitants for various purposes. The discovery of retouchers and hammer-stones, together with numerous debitage and cores, makes it possible to judge the presence at the Obishir-5 site of mass processing of stone raw materials to obtain blanks and their further processing into the tools. An essential result of the analysis was the identification of plates and pestle, which were most likely used for grinding organic materials.

**Conclusion.** A new series of percussive-abrasive tools, identified as a result of the collection analysis from excavations in 2017–2021, allows us to significantly supplement the available data on the Middle Holocene lithic assemblage of the Obishir-5 site.

**Keywords**

Central Asia, Ferghana Valley, Epipalaeolithic, Early Holocene, Percussive-Abrasive Tools, Use-wear analysis, 3D-modeling

**Acknowledgements**

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-78-10053 “The emergence of food-producing economies in the high mountains of interior Central Asia”

**For citation**

Fedorchenko A. Yu., Seletskiy M. V., Abdykanova A., Alisher kyzy S., Shnaider S. V. Percussive-Abrasive Tools from Obishir-5 Site, Cultural Horizon 2 (Fergana Valley, Kyrgyzstan). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 32–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-32-45

## Введение

Обрамленная горами Тянь-Шаня, Памиро-Алая и Гиссаро-Алая Ферганская долина представляет собой замкнутую межгорную котловину, расположенную на территории нескольких современных государств Центральной Азии – Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. На протяжении многих тысячелетий этот регион являлся оживленным «перекрестком», где встречались различные культуры. Результаты недавних изысканий показывают, что уже в эпоху МИС 5 эта территория активно заселялась среднепалеолитическими популяциями [Krivoshapkin et al., 2020]. По современным данным, интенсивное освоение региона человеком современного типа происходит на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена [Исламов, Тимофеев, 1986]. Среди нескольких десятков археологических памятников этого времени, обнаруженных в Ферганской долине к настоящему моменту, одним из наиболее известных является многослойная стоянка Обишир-5. Наличие надежного стратиграфического контекста, серии абсолютных определений возраста, выразительных археологических и палеофаунистических коллекций позволяет рассматривать этот памятник в качестве опорного археологического объекта для территории Ферганской долины [Шнайдер и др., 2016].

Новейшие зооархеологические, биомолекулярные и палеогенетические исследования палеофаунистических коллекций, полученных из ранне- и среднеголоценовых отложений памятника Обишир-5, продемонстрировали относительно раннее распространение в регионе производящего типа экономики, связанного с разведением домашних овец и коз [Taylor et al., 2021]. На настоящем этапе изысканий актуальной проблемой является происхождение и развитие на территории Ферганской долины иных усложненных форм хозяйствования. Результаты проведенных палинологических исследований продемонстрировали слабую сохранность пыльцы в отложениях стоянки Обишир-5. Отсутствие естественнонаучных данных относительно использования растительной пищи оставляет дискуссионными целый ряд вопросов: было ли знакомо древним обитателям региона только скотоводство, или же оно существовало со специализированным собирательством или ранними формами земледелия, возникали ли все эти формы хозяйства независимо друг от друга, могли ли они существовать параллельно и т. д.

Важнейшим археологическим источником, способным пролить свет на решение этих вопросов, выступают каменные ударно-абразивные орудия. Указанные инструменты использовались для обработки минерального и органического сырья путем расщепления, дробления, перетиранья и т. д., в качестве заготовок для таких орудий использовались гальки, валуны или плиты с естественной поверхностью [Beaune, 1993; Степанова, 2015]. В предыдущие годы исследований каменный инструментальный комплекс позднего плейстоцена и раннего голоцена Центральной Азии редко становился предметом целенаправленных экспериментально-трассологических исследований [Коробкова, 1989; Коробкова, Джаракулов, 1999]. В настоящей работе впервые представлены результаты функционального анализа коллекции каменных ударно-абразивных орудий, полученной при раскопках второго культурного горизонта стоянки Обишир-5 в 2017–2021 гг.

## Общий археологический контекст

Многослойный памятник Обишир-5 расположен на юге Республики Кыргызстан, в южной части Ферганской долины (рис. 1, а). В истории исследования этого археологического объекта выделяются два этапа. Первый охватывает 1965–1973 гг. – с момента открытия стоянки экспедицией Института истории и археологии АН УзССР под руководством У. И. Исламова до проведения первых полномасштабных полевых работ, которые позволили получить выразительные коллекции каменного инвентаря, охарактеризовать стратиграфию и культурно-хронологическую позицию памятника [Исламов, 1980]. Второй этап связан с возобновлением

археологических исследований стоянки Обишир-5 в 2014–2021 гг. силами российско-кыргызстанской экспедиции [Шнайдер и др., 2016]. На новом этапе работ общая площадь составила 22 кв. м. Проведенные стратиграфические, геохронологические и археологические изыскания позволили определить последовательность заселения памятника на протяжении финала плейстоцена и различных периодов эпохи голоцена.

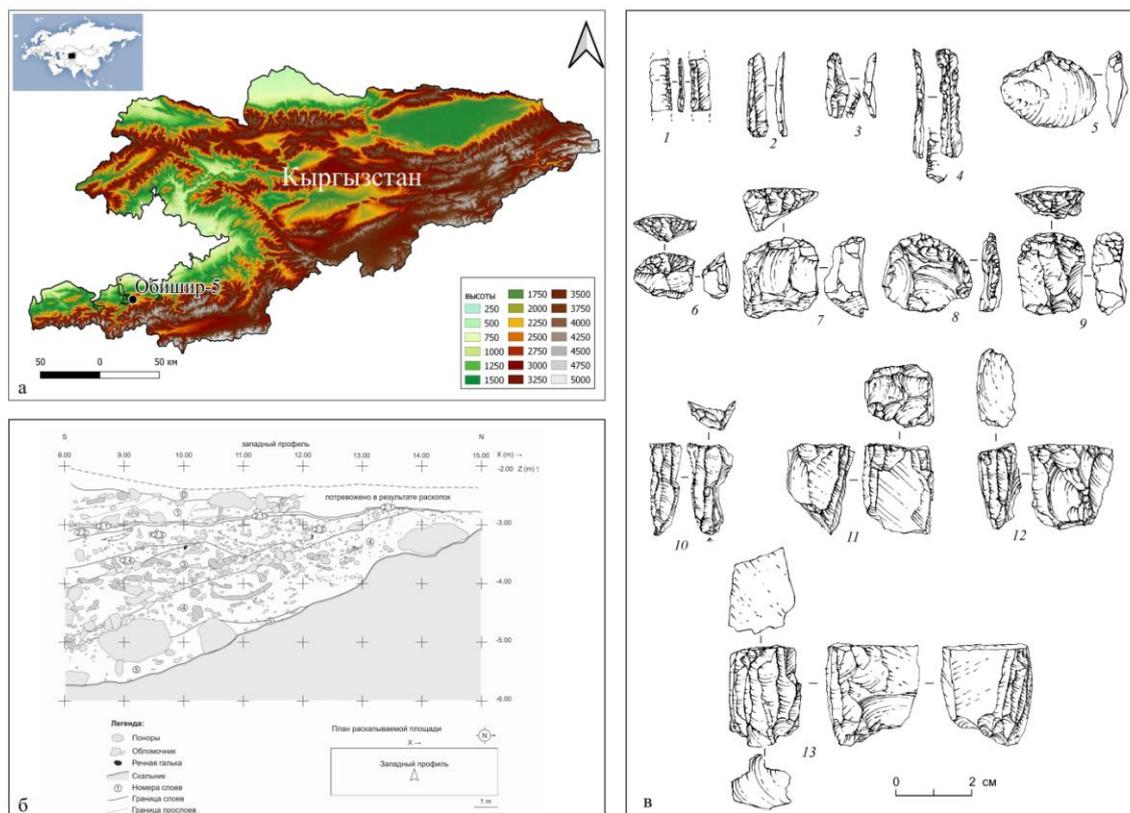


Рис. 1. Памятник Обишир-5: а – расположение стоянки; б – стратиграфия западного разреза (подготовлена М. Т. Крайцаржем); в – каменная индустрия второго культурного горизонта стоянки Обишир-5: 1 – пластинка с вентральной ретушью; 2, 3 – пластинки с ретушью; 4 – выемчатое орудие; 5 – шиповидное орудие; 6–9 – концевые скребки; 10–12 – торцовые нуклеусы; 13 – цилиндрический нуклеус

Fig. 1. Obishir-5 archaeological site: а – location of the site; б – stratigraphy of the western section (prepared by M. T. Krajcarz); в – lithic assemblage of the second cultural horizon of the Obishir-5 site: 1 – bladelet with ventral retouch; 2, 3 – retouched bladelets; 4 – notched tool; 5 – spur-like tool; 6–9 – end-scrapers; 10–12 – edge-faceted cores; 13 – cylindrical core

Первый культурный горизонт на стоянке Обишир-5 залегает в литологическом слое 1 (рис. 1, б), представленном суглинками от светло-серого до серо-коричневого цвета; в культурном и хронологическом отношении этот горизонт атрибутирован в границах бронзового века – Средневековья. Второй культурный горизонт залегает в литологических слоях 2 и 3, сложенных суглинками коллювиального генезиса от светло-коричневого до темно-коричневого цвета. Имеющиеся данные радиоуглеродного AMS датирования демонстрируют его среднеголоценовый возраст, набор полученных значений укладывается в диапазон 9,3–4,4 тыс. л. н. [Taylor et al., 2021]. Третий культурный горизонт залегает на стоянке Обишир-5 в отложениях литологических слоев 4 и 5, представленных плотным суглинком от кремового до желтовато-коричневого цвета с малым количеством обломочного материала [Шнайдер

и др., 2016]. По данным радиоуглеродного и термолюминесцентного датирования возраст этого горизонта определен в границах 14–9,8 тыс. л. н. [Taylor et al., 2021].

Коллекция каменных артефактов из литологических слоев 2 и 3, составляющих культурный горизонт 2, отличается относительной гомогенностью и значительным технико-типологическим сходством. Для первичного расщепления этого культурного горизонта характерна утилизация призматических и торцовых нуклеусов для получения микропластин и пластинок. В орудийном наборе выделены микропластины с вентральной ретушью, проколки, выемчатые орудия на пластинках, концевые скребки, микродолотовидные орудия, а также единичные пластинки с притупленным краем и трапеции (рис. 1, в) [Shnaider et al., 2017]. Коллекцию каменных артефактов культурного горизонта 2 дополняют подвески из поделочных пород камня, выполненные в технике шлифовки и биконического сверления [Fedorchenko et al., 2018].

### Материалы и методы

Предметом настоящего исследования послужили каменные ударно-абразивные орудия ( $n = 13$ ) второго культурного горизонта памятника Обишир-5, которые идентифицировались в результате анализа археологической коллекции. В качестве основного научного инструмента для изучения подобных орудий применялся экспериментально-трасологический метод, предполагавший выявление и анализ макро- и микроследов утилизации на поверхности артефактов [Семенов, 1953; Beaune, 1993; Zampetti et al., 2007; Степанова, 2015]. Микроскопическому анализу ударно-абразивных инструментов предшествовала их очистка в ультразвуковой ванне, необходимая для удаления карбонатной корки и иных загрязнений с поверхности галек. Поиск и идентификация следов утилизации в рамках данного исследования осуществлялись при среднем и малом увеличении ( $\times 7,5$ – $\times 100$ ) под бинокулярным микроскопом Altamí CM0745-T с косым освещением. Все выявленные инструменты были подвергнуты 3D-моделированию посредством сканера структурированного подсвета RangeVision Spectrum. Дальнейшее сведение и редактирование полученных моделей осуществлялось в программах «RangeVision ScanCentre», «RangeVision ScanMerge» и «GeoMagic» (trial версии). Трехмерное сканирование использовалось для наиболее точной фиксации макроследов утилизации на изучаемых орудиях и их морфометрических характеристик.

Для интерпретации фиксируемых блоков следов нами использовались эталоны, полученные в результате собственных экспериментов [Белоусова и др., 2017; Селецкий и др., 2020; Seletsky et al., 2021], а также опубликованные данные трасологических изысканий каменного инструментария археологических памятников Северной и Центральной Азии, обладающих близкой сырьевой базой [Гричан, 2006; Харевич и др., 2020]. В результате исследования были получены сведения о характере следов износа на экспериментальных орудиях различных типов.

При утилизации *твердых минеральных отбойников, применявшихся для расщепления камня*, рабочие зоны инструментов располагаются на вершинах и ребрах галек, при срабатывании они приобретают разнообразные формы. Контактные участки этих артефактов обычно несут следы крупных овальных выбоин и выщербин, сильную забитость и выкрошенность, которые сопровождаются негативами сколов. Рабочие участки экспериментальных *ретушеров для вторичной обработки каменных заготовок* располагаются на ребрах и вершинах используемых галек, несут следы мелких выбоин и выщербин удлиненной формы, сочетаемые со слабой забитостью и линейными следами. Негативы мелких сколов образуются на контактной поверхности ретушеров, как правило, только в 30 % случаев – в результате контр-удара при обработке каменных заготовок.

Для инструментов, объединяемых в категорию *абразивов*, характерно наличие рабочих участков, расположенных, преимущественно, на одной из широких сторон используемых отдельностей. Зоны износа образованы ярко выраженными, как правило, удлиненными па-

параллельными линейными следами, которые многократно накладываются и перекрывают друг друга; утилизированные поверхности в значительной степени сглажены, рельеф сильно изменен. Плиты для растирания органических или минеральных веществ располагают зачастую единственной рабочей зоной, расположенной в центральной части одной из широких сторон отдельности. На сработанном участке фиксируются разнонаправленные линейные следы, сильная истертость, которая часто приводит к появлению углублений на утилизационных зонах.

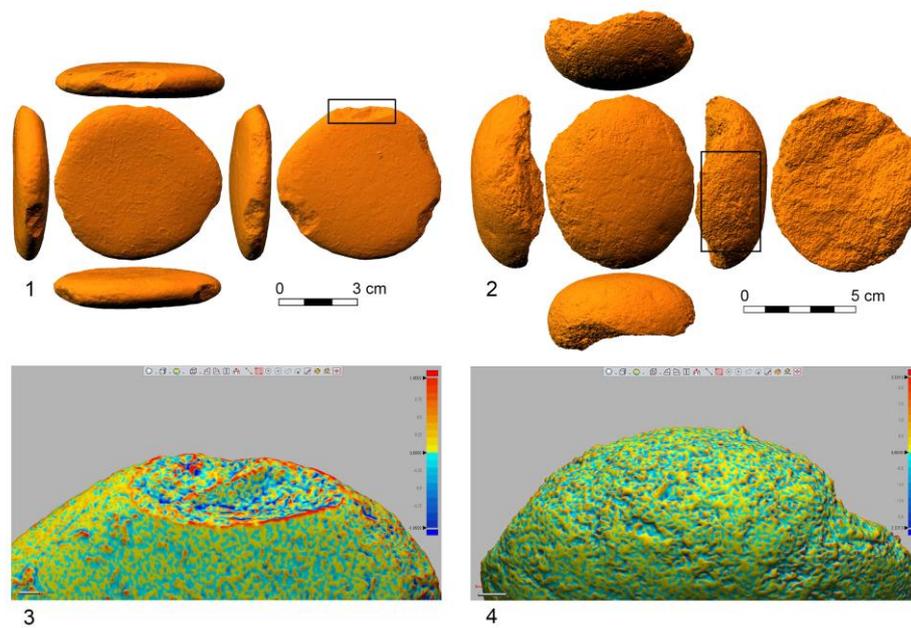
Определение стадии утилизации выявляемых ударно-абразивных инструментов осуществлялось по характеру сработанности рабочих поверхностей. Для артефактов, оставленных на ранней стадии утилизации, отмечаются отдельные слабо выраженные признаки износа, которые не изменяют рельеф рабочей поверхности. Орудия ударно-абразивного действия на средней стадии утилизации имеют рабочие поверхности, поврежденные трещинами, крупными выбоинами и выщербинами, мелкими сколами; рельеф подобных зон износа зачастую является сглаженным. Стадия сильной утилизации идентифицируется по наличию на изношенных участках инструментов крупных сколов и сломов, а также фрагментации артефактов, после которой их дальнейшее использование являлось затруднительным.

### Результаты исследования

В результате анализа археологической коллекции культурного горизонта 2 стоянки Обишир-5 было выявлено 13 каменных ударно-абразивных орудий нескольких типов: ретушеры ( $n = 5$ ), отбойники ( $n = 4$ ), плиты для растирания и измельчения ( $n = 2$ ), песты ( $n = 1$ ) и абразивы ( $n = 1$ ). Согласно предварительным наблюдениям, в качестве исходных заготовок выявленных инструментов использовалось разнообразное минеральное сырье местного происхождения. Вероятнее всего, гальки крупнозернистых песчаников и алевропесчаников отбирались обитателями памятника с берегов ближайших водотоков. Вместе с тем окатанные отдельности гранита, порфирита, известняка и пегматита, также используемые в качестве ударно-абразивных орудий, могли попадать в контекст вмещающих отложений в результате действий селевых потоков и склоновых процессов.

Проведенный функциональный анализ позволил установить, что пять артефактов использовались в изучаемой коллекции как ретушеры (рис. 2, 1, 2); заготовками указанных инструментов служили гальки осадочных пород овальной (80 %) и подтреугольной (20 %) форм. Длина выявленных артефактов варьируется от 40,82 до 101,44 мм, ширина – 37,02–76,14 мм, толщина – 12,57–24,2 мм. Рабочие поверхности ретушеров приурочены к вершинам используемых галек, для половины выявленных орудий данного типа в коллекции характерно наличие негативов сколов утилизации. На фиксируемых контактных участках отмечены мелкие выбоины и выщербины, слабая сглаженность рельефа и линейных следов, направленных центростремительно. Наличие последних может указывать на использование ретушеров в качестве инструментов для подготовки зоны расщепления нуклеусов мелкими сколами и абразивной обработкой. В целом характер отмеченных следов позволяет отнести представленные орудия к средней (60 %) и финальной (40 %) стадии утилизации.

Четыре артефакта в материалах второго культурного горизонта стоянки Обишир-5 использовались в качестве отбойников (рис. 2, 3, 4) для первичного расщепления минерального сырья. Заготовками этих инструментов послужили гальки овальной вытянутой формы. Рассматриваемые артефакты имеют от 68,65 до 133,51 мм в длину, ширина составляет 31,42–66,9 мм, толщина – и 27,02–62,38 мм. На всех отбойниках выявлено по одной крупной рабочей зоне, приуроченной к вершинам галек. Изношенные участки образованы сочетанием крупных выбоин, выщерблин и забитости, негативы утилизационных сколов при этом отсутствуют. Два отбойника в изучаемой коллекции являются поперечно фрагментированными. Все изученные инструменты этого типа находились на стадии сильной утилизации.



*Рис. 2.* Каменные ударно-абразивные инструменты для обработки минерального сырья второго культурного горизонта стоянки Обишир-5: 1 – 3D-модель ретушера; 2 – 3D-модель отбойника; 3 – карта кривизны сетки, визуализирующая рабочую поверхность ретушера; 4 – карта кривизны сетки, визуализирующая рабочую поверхность отбойника

*Fig. 2.* Stone percussive-abrasive tools for processing mineral raw materials of the Obishir-5 site, second cultural horizon: 1 – 3D-model of the retoucher; 2 – 3D-model of the hammer-stone; 3 – Mesh curvature map visualizing of the retoucher working surface; 4 – Mesh curvature map visualizing of the hammer-stone working surface

В качестве плит для растирания и измельчения (рис. 3, 1) растительных или минеральных веществ обитателями стоянки были использованы две гальки осадочной породы вытянутой овальной и округлой формы. Первое орудие достигает в длину 104,92 мм, в ширину – 97,56 мм, в толщину – 51,4 мм. Артефакт имеет два контактных участка, приуроченные к широким уплощенным сторонам гальки. На первом рабочем участке зафиксирован наиболее выразительный комплекс следов, связанный с растиранием, – локальная зона износа (рис. 3, 3, 4) округлой формы с уплощенной поверхностью, выровненной и пришлифованной в результате использования. Границы этой зоны четко контрастируют с естественной поверхностью гальки. В ее центре прослеживается скопление из полутора десятка глубоких округлых лунок-выбоин со сглаженными краями, которые, вероятно, можно рассматривать в качестве свидетельства дробления обрабатываемого материала. При общей выровненности рельефа, поверхность рабочей зоны покрыта мелкими и тонкими линейными следами различной ориентации. Комплекс следов утилизации на втором участке менее выразителен, но в целом повторяет ситуацию на противоположной поверхности. Границы зоны износа выражены нечетко, в центральной части орудия она в значительной степени выровнена и пришлифована от использования. В центре участка также прослеживается небольшое по размерам скопление глубоких округлых выбоин со сглаженными краями. По всей поверхности рабочего участка прослеживаются единичные разнонаправленные тонкие укороченные линейные следы. Второй инструмент размером 79,8 × 54,6 × 49,4 мм имеет единственную рабочую зону, расположенную на одной из широких сторон галечной отдельности; здесь отмечены притертость поверхности и линейные следы, направленные как параллельно продольным краям, так и под углом 45° относительно них.

В единственном экземпляре в коллекции культурного горизонта 2 стоянки Обишир-5 представлено комбинированное орудие (рис. 4), сочетающее несколько участков, со следами использования в качестве песта и наковальни. Артефакт выполнен на удлиненной гальке подпрямоугольной формы и поперечного сечения. Все четыре широкие стороны артефакта обладают естественным уплощенным профилем. Длина орудия составляет 131,07 мм, ширина – 68,09 мм, толщина – 48,45 мм. На двух вершинах гальки зафиксированы рабочие зоны (рис. 4, 4, 5) со сглаженной поверхностью и мелкими выбоинами, которым сопутствуют два негатива мелких сколов на одном участке и негатив более крупного снятия – на противоположном. Первая зона износа находится на средней стадии утилизации, вторая – на финальной. Две другие рабочие поверхности (рис. 4, 2, 3, 6) располагаются на двух смежных широких сторонах гальки – здесь зафиксированы скопления глубоких линейных выбоин и более мелких выщербин подпрямоугольной или округлой формы.

Один артефакт в изучаемой коллекции использовался в качестве абразива (рис. 3, 2). Орудие выполнено на поперечно фрагментированной плитке сланцеватой породы подпрямоугольной формы и сечения, его длина составляет 48,32 мм, ширина – 50,01 мм, толщина – 12,72 мм. Поверхность широких сторон абразива обладает равномерно заглаженным и уплощенным рельефом (рис. 3, 5, 6). На большей части рабочих участков прослежены многочисленные укороченные неглубокие линейные следы, борозды и «штрихи», в большинстве случаев образующие скопления из двух-трех линий, в единичных случаях – перекрывающие друг друга под прямым углом. Судя по характеру сработанности, рассматриваемый инструмент находится на средней стадии утилизации и мог использоваться для обработки органического материала.

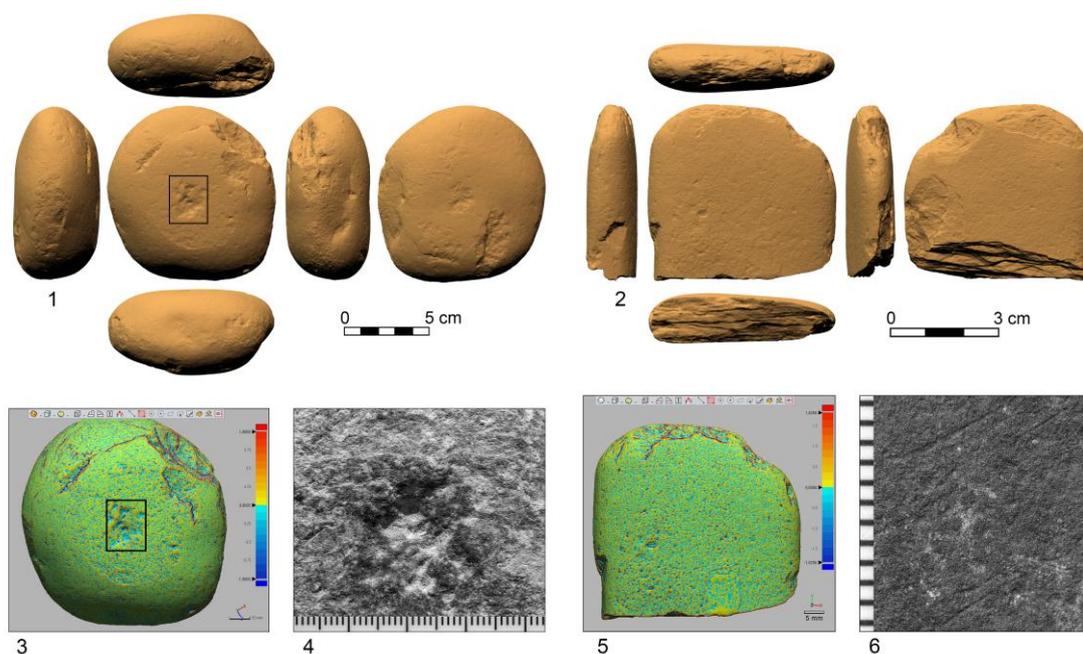


Рис. 3. Каменные ударно-абразивные инструменты для обработки минерального сырья второго культурного горизонта стоянки Обишир-5: 1 – 3D-модель плиты для растирания и измельчения растительного материала; 2 – 3D-модель абразива; 3 – карта кривизны сетки, визуализирующая рабочую поверхность плитки для измельчения и растирания; 4 – следы износа на рабочей поверхности плитки; 5 – карта кривизны сетки, визуализирующая рабочую поверхность абразива; 6 – следы износа на рабочей поверхности абразива

Fig. 3. Stone percussive-abrasive tools for processing mineral raw materials of the Obishir-5 site, second cultural horizon of the: 1 – 3D model of a plate for grinding plant material; 2 – 3D model of the abrasive tool; 3 – mesh curvature map visualizing of the grinding plate working surface; 4 – use-wear trace on the working surface of plate; 5 – mesh curvature map visualizing of the abrasive working surface; 6 – use-wear trace on the working surface of the abrasive

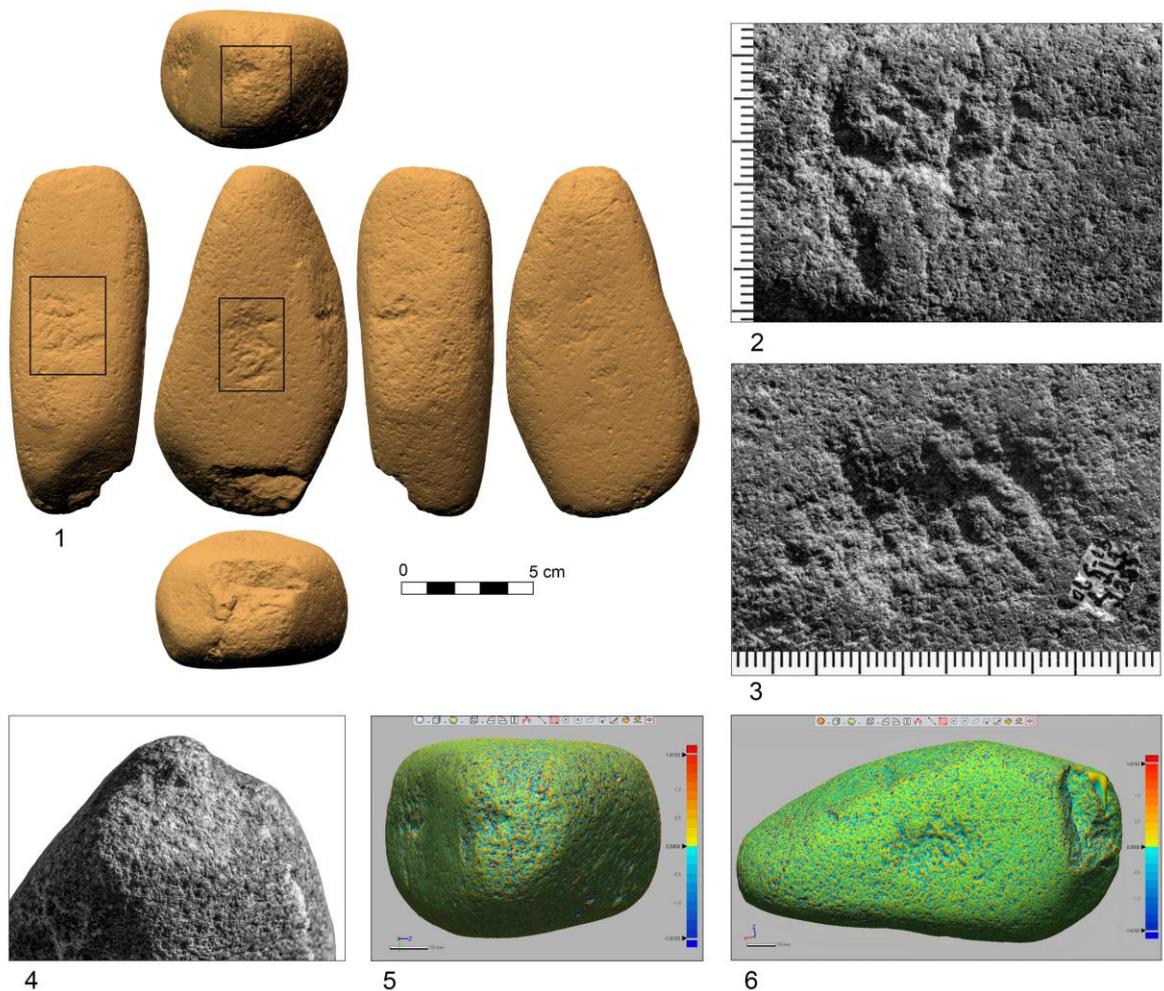


Рис. 4. Комбинированное орудие (пест-наковальня) второго культурного горизонта стоянки Обишир-5: 1 – 3D-модель; 2–4 – следы износа на рабочих поверхностях; 5, 6 – карты кривизны сетки, визуализирующие рабочие поверхности

Fig. 4. Combination tool (pestle-anvil) of the second cultural horizon of the Obishir-5 site: 1 – 3D-model; 2–4 – use-wear trace on the working surfaces; 5, 6 – mesh curvature map visualizing of the working surfaces

### Обсуждение и выводы

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о существовании в каменной индустрии второго культурного горизонта памятника Обишир-5 вариативного набора ударно-абразивных орудий, используемых для различных целей. В предыдущие годы в ранне- и среднеголоценовых материалах этой стоянки выделено шесть подобных артефактов. Четыре из них были получены из культурного слоя 1 (по У. И. Исламову): фрагмент абразивного инструмента с желобками и следами заполировки; гладильник из крупной гальки с рукояточной частью, выделенной в технике пикетажа; два ложила со следами сильной заполировки. Еще два предмета происходили из выделенного исследователем слоя 2: фрагмент ретушера со следами параллельных борозд и штрихов, а также отбойник со следами забитости и выкрошенности, сконцентрированными на небольшом участке [Исламов, 1980, с. 71–72]. Указанные инструменты дополняли характеристику каменной индустрии стоянки Обишир-5. Так, наличие в едином комплексе ложила и гладильника для обработки шкур коррелировало

с находками концевых скребков и скребел, костяной иглы и шильев [Исламов, 1980, с. 73]; подобное сочетание указывает на полный цикл кожевенного производства, осуществляемый непосредственно на стоянке.

Новая серия ударно-абразивных орудий, выявленная в результате анализа материалов из раскопок 2017–2021 гг., позволяет существенно дополнить имеющиеся данные о каменной индустрии комплекса второго культурного горизонта памятника Обишир-5. На данном этапе исследования можно судить, что исходными заготовками для артефактов подобного типа служили отдельные исключительно местного сырья осадочного происхождения, резко контрастировавшие по облику с относительно качественным кремнем, который использовался обитателями стоянки для получения типовых заготовок – микропластин и пластинок. В результате проведенного анализа признаки предварительной искусственной модификации рабочих поверхностей используемых галек не выявлены. Очевидно, для реализации тех или иных задач обитателями стоянки отбирались и использовались гальки необходимой для этой конфигурации – округлые, уплощенные и т. д.

Обнаружение сильно изношенных ретушеров и отбойников вместе с многочисленными дебитажем и нуклеусами позволяет судить о наличии на стоянке Обишир-5 относительно массовой обработки минерального сырья с целью получения заготовок и их дальнейшей модификации в орудия. Выявление в комплексе наковальни со следами интенсивного использования, вероятно, может указывать на использование в комплексе контрударного расщепления. Интересной выглядит находка абразивной плитки со следами работы по относительно мягкому, по всей видимости, органическому материалу. Список достоверно реконструируемых древнейших производств, существовавших на памятнике, пополнился операциями по измельчению сырья в мелкую фракцию. Полное отсутствие следов охры и любых иных красящих веществ на поверхности изученных нами терочных плит и песте позволяет предполагать использование указанных инструментов для измельчения и перетиравания органических материалов – вероятно, зерен или орехов.

Коллекция ударно-абразивных орудий, выявленная в результате исследования материалов второго культурного горизонта стоянки Обишир-5, является одной из наиболее представительных среди памятников Ферганской долины. Сходный набор каменного инструментария для первичной обработки каменного сырья достаточно широко распространен на территории Центральной Азии начиная с эпохи верхнего палеолита [Коробкова, Джаракулов, 1999; Колобова и др., 2013]. На ближайшей к обсуждаемому памятнику археологической стоянке Обишир-1 ранее отмечались находки двух лоцил из удлиненных галек со следами интенсивного износа на широких сторонах [Исламов, 1980, с. 107]. Единичные находки немодифицированных орудий из галечного сырья в виде отбойников, ретушеров и абразивов происходят из более поздних неолитических комплексов этого региона: Дарбазакыр II, Большой Тузкан 30 и 32, Аччик-куль 3 и т. д. [Гулямов и др., 1966; Исламов, Тимофеев, 1986]. Вне территории Ферганы наиболее близкий комплекс ударно-абразивных орудий выявлен на поселении Джейтун. Наряду с многочисленными отбойниками и отжимниками-ретушерами, в материалах этого памятника отмечены терочники и песты для измельчения охры, а также терочные камни для обработки зерна [Массон, 1971; Коробкова, 1989].

В целом проведенный комплексный анализ ударно-абразивных орудий со стоянки Обишир-5 позволил выделить три основных функциональных группы – вспомогательные инструменты при первичном расщеплении и подготовке каменных орудий (отбойники и ретушеры), инструменты для работы по органическому материалу (плитка по работе с органическим материалом), орудия для измельчения и растирания органических материалов (терочные плиты и пест); дополняют этот набор выделенные У. И. Исламовым орудия для обработки шкур (лощило и гладильник). Таким образом, на памятнике были представлены различные виды деятельности – первичное расщепление, подготовка каменных и костяных орудий, обработка кожи и перетирание органических материалов. Факт наличия терочных плит и песта

говорит о том, что древними обитателями Обишир-5 совместно с мясной пищей использовались и растительные ресурсы.

### Список литературы

- Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Рыбин Е. П., Козликин М. Б.** Особенности технологии производства крупных пластин в индустриях начала верхнего палеолита Горного Алтая // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: АлтГУ, 2017. Т. 1. С. 16–21.
- Гричан Ю. В.** Новые аспекты палеоэкономики в позднепалеолитических памятниках Забайкалья (по материалам поселения Варварина Гора) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии / Отв. ред. А. П. Деревянко, Т. И. Нохрина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 9–16.
- Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А.** Первобытная культура и возникновения орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент: Фан, 1966. 203 с.
- Исламов У. И.** Обиширская культура. Ташкент: Фан, 1980. 178 с.
- Исламов У. И., Тимофеев В. И.** Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент: Фан, 1986. 304 с.
- Колобова К. А., Флас Д., Деревянко А. П., Павленок К. К., Исламов У. И., Кривошапкин А. И.** Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 3–25.
- Коробкова Г. Ф.** Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 149–174.
- Коробкова Г. Ф., Джаракулов М. Д.** Новые трасологические исследования каменной индустрии из верхнего слоя Самаркандской верхнепалеолитической стоянки // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 52–56.
- Массон В. М.** Поселение Джейтун (проблемы становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971. 208 с.
- Селецкий М. В., Чистяков П. В., Федорченко А. Ю.** Возможности трехмерного моделирования при исследовании каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 231–237.
- Семенов С. А.** Каменные ретушеры позднего палеолита // Палеолит и неолит СССР. М.: АН СССР, 1953. С. 446–454.
- Степанова К. Н.** Классификации ударно-абразивных орудий верхнего палеолита // Зап. ИИМК. 2015. № 11. С. 7–21.
- Харевич В. М., Зоткина Л. В., Анойкин А. А., Таймагамбетов Ж. К.** Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // Stratum plus. 2020. № 1. С. 239–256.
- Шнайдер С. В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А. И., Колобова К. А., Романенко М. Е., Алишер-кызы С.** Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 194–198.
- Beaune S. A. de.** Nonflint Stone Tools of the Early Upper Paleolithic. In: Knecht H., Pike-Tay A., White R. (eds.). Before Lascaux: The complex record of the Early Upper Paleolithic. Boca Raton, CRC Press, 1993, pp. 163–191.
- Fedorchenko A. Y., Shneider S. V., Krajcarz M. T., Romanenko M. E., Abdykanova A. K., Kolobova K. A., Alisher kyzy S., Taylor W., Krivoshapkin A. I.** Personal ornament production technology in the Early Holocene complexes of Western Central Asia: Insights from

Obishir-5. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, no. 1, pp. 3–15.

- Krivoshapkin A., Viola B., Charginov T., Krajcarz M. T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K.** Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 88–103.
- Seletsky M. V., Fedorchenko A. Y., Chistyakov P. V., Markin S. V., Kolobova K. A.** Percussive-Abrasive Stone Tools from Chagyrskaya Cave: Results of Functional Analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, vol. 49/2, pp. 23–31.
- Shnaider S. V., Krajcarz M. T., Viola T. B., Abdykanova A., Kolobova K. A., Fedorchenko A. Yu., Alisher kyzy S., Krivoshapkin A. I.** New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360, pp. 1–7.
- Taylor W. T. T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M. T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S.** Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia. *Nature Human Behaviour*, 2021, vol. 5, pp. 1169–1179.
- Zampetti D., Lemorini C., Massussi M.** Art et vie quotidienne dans l'Épigravettien final. Les galets utilisés de la Grotta della Ferrovia. In: Beaune S. A. de (ed.). *Chasseurs-cueilleurs: Comment vivaient nos ancêtres du Paléolithique supérieur: Méthodes d'analyse et d'interprétation en Préhistoire*. Paris, CNRS, 2007, pp. 171–185.

#### References

- Beaune S. A. de.** Nonflint Stone Tools of the Early Upper Paleolithic. In: Knecht H., Pike-Tay A., White R. (eds.). *Before Lascaux: The complex record of the Early Upper Paleolithic*. Boca Raton, CRC Press, 1993, pp. 163–191.
- Belousova N. E., Fedorchenko A. Yu., Rybin E. P., Kozlikin M. B.** Osobennosti tekhnologii proizvodstva krupnykh plastin v industriyakh nachala verkhnego paleolita Gornogo Altaya. In: Trudy V (XXI) Vseros. arkheol. S'ezda v Barnaule – Belokurihe. Barnaul, AltSU Press, 2017, vol. 1, pp. 16–21. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Y., Shnaider S. V., Krajcarz M. T., Romanenko M. E., Abdykanova A. K., Kolobova K. A., Alisher kyzy S., Taylor W., Krivoshapkin A. I.** Personal ornament production technology in the Early Holocene complexes of Western Central Asia: Insights from Obishir-5. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, no. 1, pp. 3–15.
- Grichan Yu. V.** Novye aspekty paleoekonomiki v pozdnepaleoliticheskikh pamyatnikakh Zabaykalya (po materialam poseleniya Varvarina Gora). In: Derevianko A. P., Nokhrina T. I. (ed.). *Chelovek i prostranstvo v kul'turakh kamennogo veka Evrazii*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2006, pp. 9–16. (in Russ.)
- Gulyamov Ya. G., Islamov U. I., Askarov A.** Pervobytnaya kul'tura i vozniknovenie oroshaemogo zemledeliya v nizov'yakh Zerafshana. Tashkent, Fan, 1996, 203 p. (in Russ.)
- Islamov U. I.** Obishirskaya kul'tura [Obishir culture]. Tashkent, Fan, 1980, 178 p. (in Russ.)
- Islamov U. I., Timofeyev V. I.** Kul'tura kamennogo veka Tsentral'noy Fergany [Stone Age Culture of Central Ferghana]. Tashkent, Fan, 1986, 304 p. (in Russ.)
- Kharevich V. M., Zotkina L. V., Anoikin A. A., Taimagambetov Zh. K.** Auxiliary Knapping Tools in the Initial Upper Palaeolithic Stone Assemblages (with particular reference to the materials of the Ushbulak site). *Stratum plus*, 2020, no. 1, pp. 239–256. (in Russ.)
- Kolobova K. A., Flas D., Derevyanko A. P., Pavlenok K. K., Islamov U. I., Krivoshapkin A. I.** The Kulbilak Bladelet Tradition in the Upper Paleolithic of Central Asia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2013, vol. 2 (54), pp. 3–25. (in Russ.)

- Korobkova G. F.** Mezolit Sredney Azii i Kazahstana [Mesolithic of Central Asia and Kazakhstan]. Mezolit SSSR [Mesolithic of the USSR]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 149–174. (in Russ.)
- Korobkova G. F., Dzharakulov M. D.** Novye trasologicheskie issledovaniya kamennoy industrii iz verkhnego sloya Samarkandskoy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki [New tracological studies of the stone industry from the upper layer of the Samarkand Upper Paleolithic site]. In: *Sovremennye eksperimental'no-trasologicheskie i tekhniko-tipologicheskie razrabotki v arkhologii* [Modern experimental-tracological and technical-technological developments in archeology]. St. Petersburg, IHMK RAS Publ., 1999, pp. 52–56. (in Russ.)
- Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M. T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K.** Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 88–103.
- Masson V. M.** Poselenie Dzheyntun (problemy stanovleniya proizvodnyashchey ekonomiki). Leningrad, Nauka, 1971, 208 p. (in Russ.)
- Seletsky M. V., Chistyakov P. V., Fedorchenko A. Yu.** 3D Modelling of Paleolithic Percussive-Abrasive Stone Tools: Research Opportunities. In: *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2020, vol. 26, pp. 231–237. (in Russ.)
- Seletsky M. V., Fedorchenko A. Y., Chistyakov P. V., Markin S. V., Kolobova K. A.** Percussive-Abrasive Stone Tools from Chagyrskaya Cave: Results of Functional Analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, vol. 49/2, pp. 23–31.
- Semyonov S. A.** Kamennye retushery pozdnego paleolita [Stone retouchers of the late Paleolithic]. In: *Paleolit i neolit SSSR* [Paleolithic and Neolithic of the USSR]. Moscow, AS USSR Publ., 1953, pp. 446–454. (in Russ.)
- Shnaider S. V., Krajcarz M. T., Viola T. B., Abdykanova A., Kolobova K. A., Fedorchenko A. Yu., Alisher kyzy S., Krivoshapkin A. I.** New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360, pp. 1–7.
- Shnaider S. V., Abdykanova A., Krajcarz M., Krivoshapkin A. I., Kolobova K. A., Romanenko M. E., Alisher kyzy S.** The Results of Archaeological Excavations at the Obishir-5 Site in 2016. In: *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 22, pp. 194–198. (in Russ.)
- Stepanova K. N.** Classification of the percussive-abrasive tools from the upper paleolithic sites of the Russian Plain. *Transactions of the IHMK*, 2015, vol. 11, pp. 7–21. (in Russ.)
- Taylor W. T. T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M. T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S.** Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia. *Nature Human Behaviour*, 2021, vol. 5, pp. 1169–1179.
- Zampetti D., Lemorini C., Massussi M.** Art et vie quotidienne dans l'Épigravettien final. Les galets utilisés de la Grotta della Ferrovia. In: *Beaune S. A. de (ed.). Chasseurs-cueilleurs: Comment vivaient nos ancêtres du Paléolithique supérieur: Méthodes d'analyse et d'interprétation en Préhistoire*. Paris, CNRS, 2007, pp. 171–185.

### **Информация об авторах**

**Александр Юрьевич Федорченко**, научный сотрудник

**Максим Владимирович Селецкий**, младший научный сотрудник

**Аида Калыдаевна Абдыканова**, доцент кафедры антропологии

**Салтанат Алишер кызы**, младший научный сотрудник

**Светлана Владимировна Шнайдер**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

### **Information about the Authors**

**Alexander Yu. Fedorchenko**, Researcher

**Maxim V. Seletskiy**, Junior Researcher

**Aida K. Abdykanova**, Associate Professor of Anthropology Program

**Saltanat Alisher kyzy**, Junior Researcher

**Svetlana V. Shnaider**, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;  
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 20.02.2022  
The article was submitted 15.01.2022;  
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 20.02.2022*

Научная статья

УДК 902.21

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-46-59

## Новые данные по ямам-хранилищам барабинской культуры эпохи раннего неолита (Обь-Иртышская лесостепь)

Вячеслав Иванович Молодин<sup>1</sup>

Юлия Николаевна Ненахова<sup>2</sup>

Людмила Николаевна Мыльникова<sup>3</sup>

Дмитрий Алексеевич Ненахов<sup>4</sup>

<sup>1-4</sup> Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>1</sup> molodin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

<sup>2</sup> nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

<sup>3</sup> l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

<sup>4</sup> nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0820-9410>

### Аннотация

Представлены результаты исследования ямы-хранилища для рыбных припасов 1741 памятника Тартас-1. Памятник является базовым для изучения барабинской культуры раннего неолита. Сегодня культура обеспечена набором памятников, хозяйственными и бытовыми объектами, культовым комплексом, серией радиоуглеродных дат. В результате многолетних исследований рыбных ям предложена методика их раскопок. В полевой сезон 2021 г. по данной методике раскопана яма 1741. По характеристикам относится к типу объектов с диаметром более 1 м и глубиной более 2 м. Ее особенностью является отсутствие приклада в виде какого-либо животного, фиксируемых в других подобных ямах. Из орудия на роге животного (тур?) получена дата, которая коррелируется с датами из других объектов. Яма 1741 датируется VII тыс. до н. э.

### Ключевые слова

Обь-Иртышская лесостепь, барабинская культура, ранний неолит, ямы для хранения рыбы

### Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технология, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006) (руководитель – академик В. И. Молодин)

### Для цитирования

Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А. Новые данные по ямам-хранилищам барабинской культуры эпохи раннего неолита (Обь-Иртышская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 46–59. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-46-59

© Молодин В. И., Ненахова Ю. Н., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 46–59

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 46–59

## New Data on the Storage Pits of the Baraba Culture of the Early Neolithic Era (Ob-Irtysh Forest-Steppe)

Vyacheslav I. Molodin<sup>1</sup>, Yuliya N. Nenakhova<sup>2</sup>  
Lyudmila N. Mylnikova<sup>3</sup>, Dmitrii A. Nenakhov<sup>4</sup>

<sup>1-4</sup> Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>1</sup> molodin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

<sup>2</sup> nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

<sup>3</sup> l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

<sup>4</sup> nenaxoffsurgut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0820-9410>

### Abstract

*Purpose.* The Tartas-1 complex of burials, ritual places and settlement takes a special place. Due to the excavation method of full opening of the site area, today the followings are explored and fully studied: an area of more than 36,000 m<sup>2</sup>, 802 burials and related structures in the form of ditches, 1745 pits of various orientations, ritual complexes of various eras and cultures, including an early Neolithic settlement. The settlement is represented by two household structures (dwellings) and a complex of storage pits for fish, dated to the 7<sup>th</sup> millennium BC and attributed to the Baraba culture of the early Neolithic. The purpose of this article is to present the characteristics and dating of the new fish pit studied in the 2021 field season in the context of the known data.

*Results.* The fish pits excavation method, mainly based on the enclosing soil-fill study, is proposed. The stratigraphy characteristic and the parameters of the pit are presented. A feature of the absence of any animal skeleton (dog, hare, fox, wolverine, etc.) placed in the pit as a sacrificial offering is noted. The date of (MAMS 53633) BP 7714 ± 29 Cal BCE 1 σ (Intcal 20) 6588–6502 2σ (Intcal 20) 6636–6469, obtained from an animal horn tool (tur?) found in the pit at the depth of 2.36 m below bedrock, is presented. The analysis was carried out at the Curt-Engelhom-Centre for Archaeometry (Germany). Calibration of the date by 1σ and 2σ demonstrates a complete correlation with the already available dates from the pit samples. The period of the Baraba culture's existence – the 7<sup>th</sup> millennium BC – is confirmed.

*Conclusion.* The manifestation of economic practice among the bearers of the early Neolithic Baraba culture is a demonstration of innovation. It consists of the improvements on the appropriating economy with the increasing role of water resources, and the transition to a less mobile way of life, found among the ancient Siberian population at the end of the 8<sup>th</sup> – 6<sup>th</sup> millennium BC. Pit no. 1741 also existed in this time period.

### Keywords

Ob-Irtysh forest-steppe, Baraba culture, early Neolithic, fish storage pits

### Acknowledgements

The study was conducted within the framework of the project “Comprehensive studies of ancient cultures of Siberia and adjacent territories: chronology, technology, adaptation and cultural ties” (FWZG-2022-0006) (head – Academician V. I. Molodin)

### For citation

Molodin V. I., Nenakhova Yu. N., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A. New Data on the Storage Pits of the Baraba Culture of the Early Neolithic Era (Ob-Irtysh Forest-Steppe). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 46–59. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-46-59

## Введение

Среди многочисленных археологических памятников Западносибирской лесостепи погребально-ритуально-поселенческий комплекс Тартас-1 занимает особое место. Благодаря применению методики полного вскрытия площади памятника, когда исследовались все без исключения объекты, попадающие в изучаемый раскоп, сегодня вскрыта площадь более 36 000 кв. м, полностью изучено 802 захоронения и сопутствующие некоторым из них земляные сооружения в виде ровиков; 1745 ям различной направленности, ритуальные комплексы разных эпох и культур, а также раннеолитическое поселение. Оно было представлено двумя хозяйственными строениями (жилищами) и комплексом ям – хранилищ рыбных припасов (рыбные ямы). Подобные ямы известны из этнографии [Алексеевко, 1967; Логинов,

2000; Саввин, 2005]. Исследование в течение ряда лет ям на Тартасе-1, а также открытие подобных объектов на памятнике Усть-Тартас-1, материалы памятников Венгерово-2, Автодром-2 и Старый Московский Тракт-5<sup>1</sup>, позволили выделить барабинскую культуру раннего неолита. Культура обеспечена хозяйственными и бытовыми объектами, культовым комплексом, серией радиоуглеродных дат (более 20), полученных в лабораториях Германии и России, и датирована в пределах VII тыс. до н. э. с частичным попаданием в VIII и VI тыс. до н. э. [Молодин и др., 2019; Molodin et al., 2021]. Материалы введены в научный оборот в России [Молодин и др., 2020] и в Германии [Molodin et al., 2021]. Напомним, что до появления памятников барабинской неолитической культуры ранние датировки неолитических памятников Западной Сибири не принимались научным сообществом во внимание. В настоящее время эта ситуация в корне изменилась и стала общепринятой (см.: [Дубовцева, Косинская, 2021; Дубовцева и др., 2020; Еньшин, 2020; Кардаш и др., 2020; Мосин, 2020; 2021; Piezonka et al., 2020] и др.). Несмотря на данные обстоятельства, каждый новый объект, относящийся к барабинской культуре, представляет существенный научный интерес, а каждое такое сооружение – несомненное явление, тем более что, по большому счету, такие сооружения пока единичны, и любое из них дает в руки исследователей новые оригинальные источники.

Памятник Тартас-1 расположен в западной части Барабинской лесостепи, в 500 км к западу от г. Новосибирска и в 250 км к востоку от г. Омска, в Венгеровском р-не Новосибирской области, в 5,7 км к югу от одноименного рабочего поселка, на второй надпойменной террасе правого берега р. Тартас (рис. 1). В полевой сезон 2021 г. один из участков работ располагался на краю второй надпойменной террасы правого берега урочища Таи, продолжая в северном и западном направлении многолетние раскопы памятника.

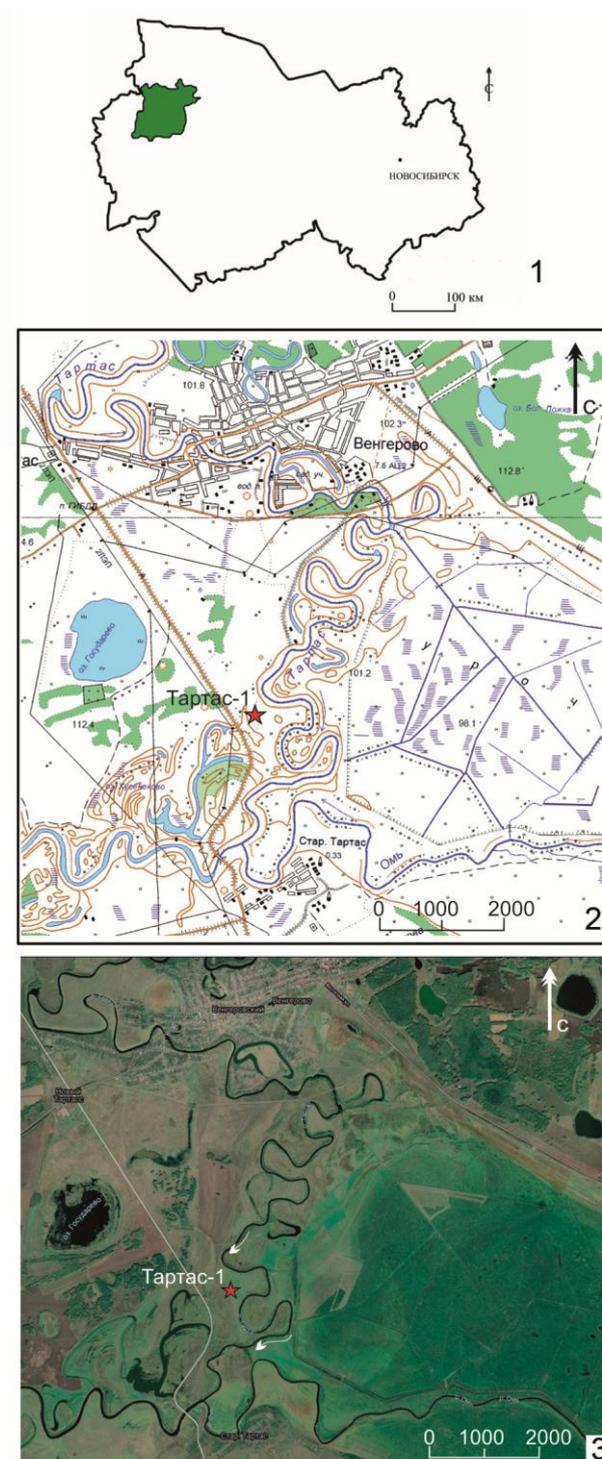
Цель данной работы – представить характеристику и датировку изученной в полевой сезон 2021 г. новой рыбной ямы в контексте уже известных данных.

### Методика раскопок

В настоящее время на памятнике Тартас-1 насчитывается 22 объекта, идентифицированные как ямы-хранилища для рыбы и относящиеся к хозяйственному комплексу барабинской ранне-неолитической культуры. Работы с рыбными ямами в течение ряда лет дали возможность накопить знания об особенностях их конструирования и заполнения.

Одной из важных проблем, стоящей перед исследователем, является обнаружение объекта на уровне материка. С одной стороны, цвет пятна типичен для всей серии и, следовательно, узнаваем. С другой – выявление его проблематично в силу специфики планиграфического расположения, времени сооружения и, следовательно, заполнения, включающего минимальный гумусированный слой темно-серой супеси, который при сооружении ям перемешивался с желтой супесью, а затем нарушался морозобойными трещинами, заполнявшимися более гумусированной почвой темно-серого и серого цвета. Как результат, при зачистке площади раскопа по материк эти объекты не всегда имеют ярко выраженные контуры. Порой сложно предположить реальные размеры объекта (рис. 2). Следует отметить, что расположение ям на самом краю террасы, где не слишком мощный культурный слой, также сыграло свою роль, поскольку вся территория памятника в прошлом веке сначала была распахана, затем по краю террасы (как раз по линии неолитических ям) проходила проселочная дорога. При этом объекты эпохи бронзы на уровне материка значительно отличаются своими характеристиками. Это плотная гумусированная почва темно-серого (почти черного) цвета.

<sup>1</sup> Авторами раскопок памятники Автодром-2 и Старый Московский Тракт-5 отнесены к боборыкинской культуре (см., например: [Бобров и др., 2012; 2019] и др.), что не выдержало проверки временем.



*Рис. 1.* Расположение памятника Тартас-1: 1 – расположение Венгеровского района в границах Новосибирской области; 2 – выкопировка из крупномасштабной карты (ГГЦ); 3 – участок карты Google Earth (дата обращения 01.05.2021)

*Fig. 1.* The Tartas-1 location: 1 – location of the Vengerovsky district within the boundaries of the Novosibirsk region; 2 – a copy from a large-scale map (state geoinformation center); 3 – a section of the Google Earth map (accessed 01.05.2021)

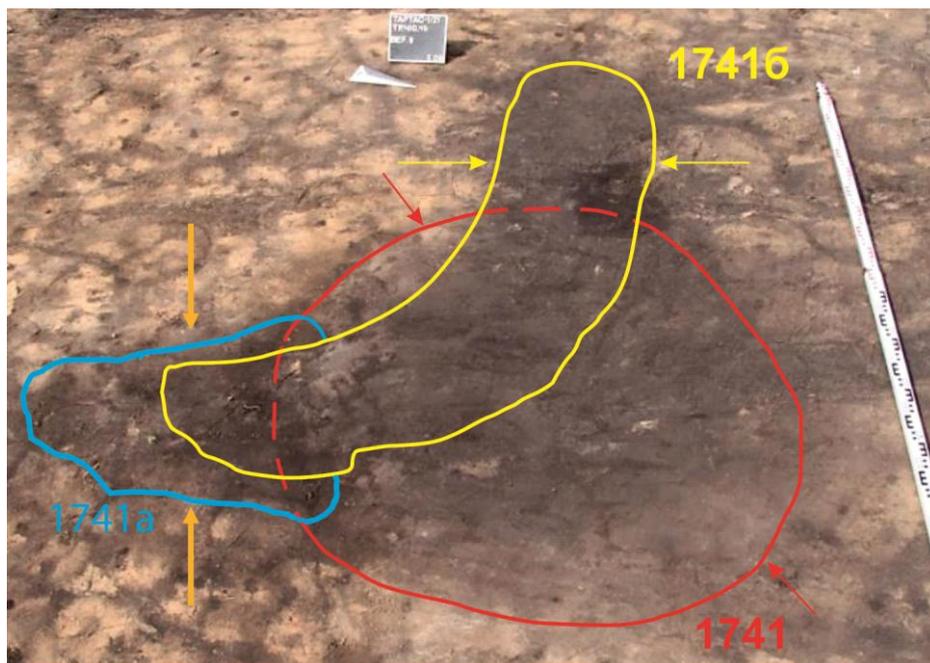


Рис. 2 (фото). Ямы № 1741, 1741а, 1741б до выборки заполнения  
 Fig. 2 (photo). Pits no. 1741, 1741a, 1741b before filling excavation

Исследованные раннеолитические ямы имели овальную (округлую) форму, прямые, почти отвесные стенки и ровное дно. Диаметр их варьировался от 1,4 до 2,2 м, глубина – от 0,65 до 2,37 м. Имеется яма глубиной 0,25 м с размерами по верхнему абрису 2,2 × 1,8 м, ее можно рассматривать как «заготовку», видимо, предполагалось сооружение глубокого объекта. Ямы более 1,0 м глубиной использовались как контейнеры для долговременного хранения припасов (рыбы, а также прикладов), мелкие (до 1,0 м), как правило, кроме остатков рыбы имели обожженные стены, что свидетельствует о специальной ее обработке. Зачастую, уже на уровне материка при зачистке пятна отмечаются разрозненные единичные кости рыбы. На уровне дна заполнение глубоких ям включало большое количество чешуи и костей рыбы, причем в каждом объекте зафиксировано значительное количество особей (50–80). Большая часть их принадлежала очень крупным представителям карася и язя в возрасте 7, 9, 11 и 12 лет<sup>2</sup>. В целом же останки рыб той или иной сохранности и на разных глубинах от уровня материка выявлены в 13 ямах.

Второй этап работы связан с выборкой заполнения объекта. Зафиксированы шесть эпизодов перекрытия ям более поздними структурами (конструкциями, ямами, погребениями). В этих случаях при выборке поздних объектов под ними четко читается весьма характерное заполнение раннеолитического слоя.

В целом второй этап – это общепринятый формат выборки заполнения, когда сначала расчищается ½ объекта для отслеживания стратиграфической ситуации (рис. 3, 1–4). При наложении на ранний объект позднего особенно важно прочесть ненарушенную часть пятна на уровне материка, чтобы оценить примерный диаметр и наметить линию разреза, характеризующего стратиграфическую ситуацию для обоих объектов.

<sup>2</sup> Определение рыбы произведено канд. биол. наук Л. А. Коневой.

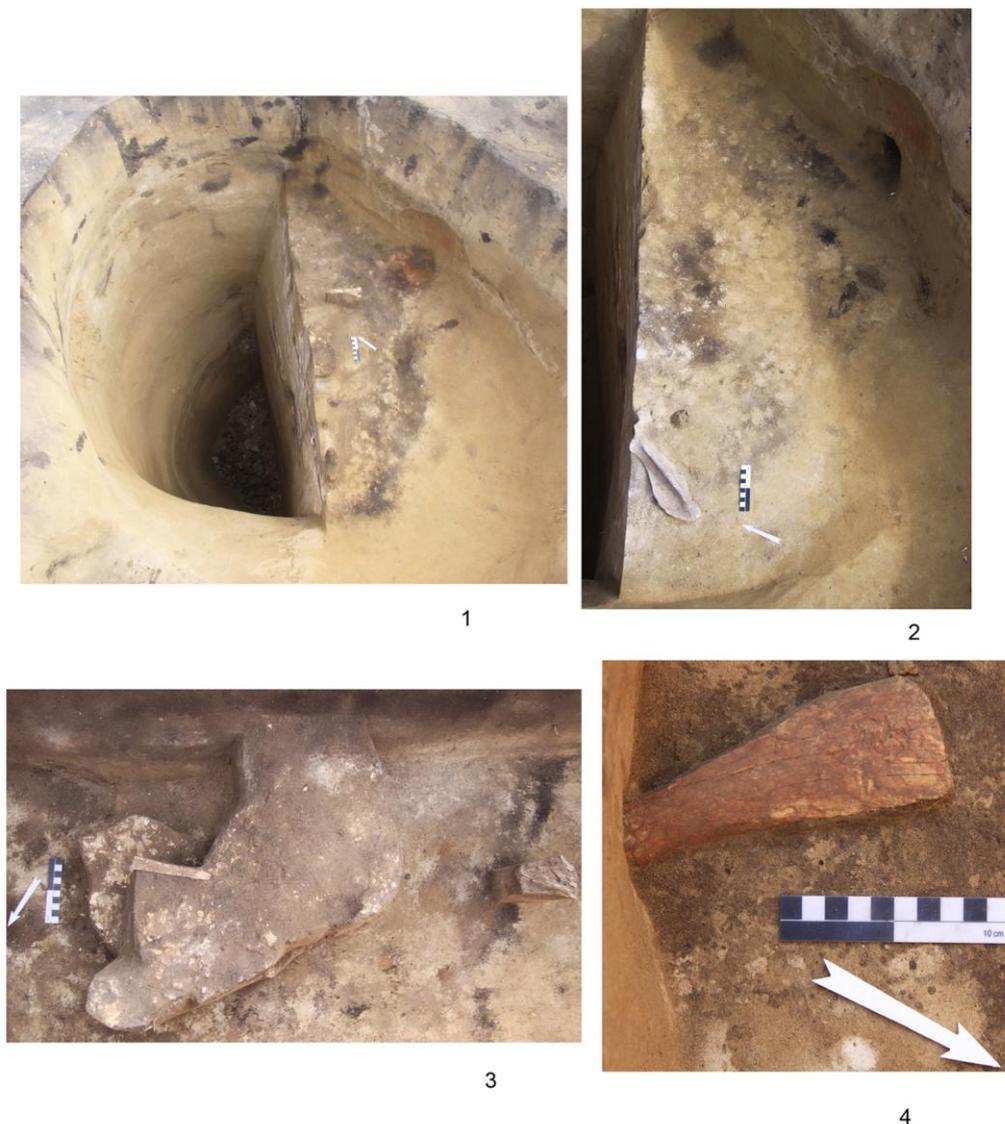


Рис. 3 (фото). Яма 1741 в процессе исследования заполнения:

1 – после выборки верхних горизонтов, расположение обломка кости животного; 2 – уровень залегания орудия из лопатки животного (лошадь?); 3 – (деталь). Уровень залегания чешуи рыбы, орудие из ребра (нож); 4 – (деталь). Орудие из рога (тур?)

Fig. 3 (photo). Pit 1741 in the process of filling studying:

1 – after sampling the upper horizons, an animal bone fragment location; 2 – the level of occurrence of the shoulder blade of an animal tool (a horse?); 3 – (piece). The level of occurrence of fish scales, a tool from the rib (a knife); 4 – (piece). Gun from the horn (a tur?)

Выборка заполнения половины ямы осуществляется горизонтами, с фото- и графической фиксацией всех особенностей и находок. Более сложен вопрос работы с грунтом. Если в верхней части при начале выборки заполнение понятно и читаемо (0,10–0,30 м), то глубже идут перемежающиеся слой линзы, близкие по структуре (по цвету и даже плотности) к материковому слою, что может быть связано с возможным оползанием стенок ямы. Выборку за-

полнения каждого горизонта следует начинать рядом с линией разреза, так как именно на разрезе четко прослеживаются особенности заполнения в отличие от периметра ямы.

Дно у глубоких объектов отбивается четко, так как представляет собой суглинистую почву желтого цвета, и также отмечается определенная слоистость, характеризующая формирование террасы.

### Результаты исследования

Новый объект – рыбная яма ранненеолитической эпохи – расположен в тр. 410–411, в кв. R<sup>VI</sup>-P<sup>VI</sup>/1-2, в 70 м к северо-западу от изученного поселенческого комплекса барабинской культуры. Яме присвоен порядковый номер 1741.

Объект зафиксирован на уровне материка в виде аморфного пятна. Его размеры до выборки заполнения – 2,60 × 3,36 м. В итоге выявлено, что ямы 1741а и 1741б, относящиеся к эпохе бронзы, нарушили изначальные границы объекта 1741 неолитической эпохи. На уровне материка границы этого объекта читались частично: в северо-восточной и юго-западной части как пятно супеси светло-серого цвета, мешаной с серо-желтой супесью. Тем не менее, можно предположить изначальную округлую конфигурацию объекта 1741 (см. рис. 2), о котором идет речь в настоящей работе.

Выборка заполнения ямы осуществлялась по охарактеризованной выше методике путем разборки поочередно двух ее частей для фиксации стратиграфического разреза (рис. 3; 4).

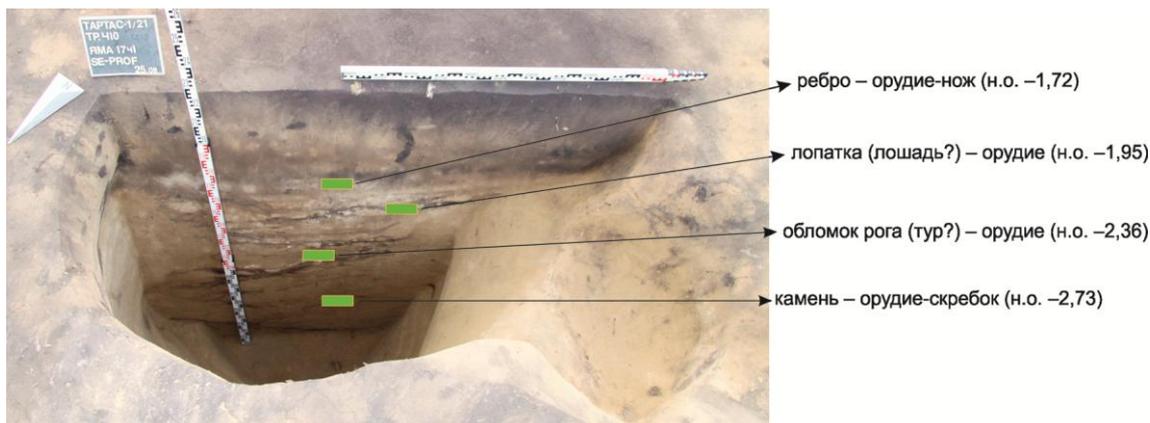


Рис. 4. Стратиграфический разрез ямы 1741 с отметками уровня залегания основных орудий  
Fig. 4. Stratigraphic section of the pit 1741 with marks of the main tools level of occurrence

Заполнение ямы неоднородно. В верхней части оно представлено слоем плотной темно-серой (почти черной) супеси мощностью до 0,17 м. В слое имеется линза желто-серой супеси (0,05 × 0,05 м), в которой зафиксирован обломок зуба животного (?). Этот слой темно-серой супеси с линзой следует соотносить с ямой 1741б. Ниже располагаются слои, характерные для неолитических хозяйственных ям.

Верхняя часть заполнения была занята слоем плотной серой супеси (мощностью до 0,23 см), который не доходил до северо-восточной стенки. Эту часть и нижележащую по всему разрезу линзу представлял слой плотной мешаной серой супеси с линзами желто-серой супеси, нарушенный норами. Слой имел мощность до 0,52 м. В месте сужения ямы располагался слой рыхлой, пестрой сильно мешаной супеси (серого, желтого, белесого цвета, с белыми кальцинированными вкраплениями, с включениями оранжевой глины, вероятно, занесенными норными животными из ямы 1741а). В этом слое находилось орудие из лопатки крупного животного. Нижний абрис слоя (как и у предшествующего) чашевидный (просев-

ший). Его перерезают прослойки почвы черного цвета, мощностью до 0,06 м. Ниже залегает участок слоя рыхлой желтой, желто-серой супеси с тонкими прослойками черной супеси (в одной из них найдены орудие из рога (тур?) и каменный скребок), мощностью 1,16–1,34 м. Материк – тонкие прослойки светло-желтого песка, перемежающиеся с темным суглинистым материалом (см. рис. 4).

В процессе выборки заполнения яма 1741 приобрела округлую форму. Стенки ее ровные, имеется отрицательный уклон на глубине от уровня материка 0,65 м. Затем яма сужается, стенки становятся пологими. В придонной части яма сужается еще раз, на глубине 1,73 м имеется ступенька, которая по периметру располагается вдоль северной, восточной и южной частей ямы. Объекты с подобными архитектурными деталями встречались в неолитическом комплексе на памятнике Тартас-1 и ранее. Абрис дна имеет подпрямоугольную форму (рис. 5; 6). У юго-западной стороны ямы, в верхней части, по всей видимости, была ниша, которую почти разрушила яма 1741б. Оставшаяся ее часть имеет глубину от уровня материка 0,54 м, размеры – 0,64 × 0,77 м. Дно ямы 1741 – с уклоном с востока на запад с перепадом в 0,05 м. Размеры ямы по верхнему абрису составляют 2,00 × 1,99 м, по нижнему – 0,95 × 1,15 м. Глубина ямы от уровня материка в восточной части – 2,16 м, в западной – 2,26 м.

Реально глубина ямы могла достигать примерно 2,40 м, если учесть уровень погребенной почвы. Наблюдения над подобными объектами показывают, что нижняя часть ямы активно не использовалась обитателями стоянки, а углублялась ими специально для обеспечения качественного дренажа в яме дождевой воды и, возможно, выведения жидкости от рыбы. Достигнув на глубине порядка 2 м слоев песков и перерезав их, знавшие физические свойства местных почв неолитические рыболовы оберегали, таким образом, рыбные запасы от затопления, которое привело бы к их порче и уничтожению.

По мере выборки заполнения были обнаружены следующие предметы. Обломок черепа животного со следами воздействия огня (н. о. –1,67)<sup>3</sup>; обломки длинной кости животного (н. о. –1,69); неопределимые кости животного (н. о. –1,70); орудие (нож) из ребра животного – (н. о. –1,72); скол (н. о. –1,73), обломок лопатки животного (н. о. –1,75), ножевидная пластина с ретушью (н. о. –1,76), скол с нуклеуса (н. о. –1,78); орудие на лопатке животного с заточенным по периметру лезвием (н. о. –1,95); орудие на обломке рога со срезом на одном конце, образующим, вероятно, скребковую часть (н. о. –2,36); скребок с рабочей частью, оформленной в виде равнобедренного треугольника, однорядной ретушью (н. о. –2,73) (рис. 7).

На глубине 0,52 м от уровня материка отмечена область распространения останков рыбы. Преобладали находки чешуи, а жаберных крышек, ребер и позвонков отмечалось минимальное количество, не сопоставимое с объемом чешуи. Возможно, это связано с обработкой рыбы при ее изъятии на месте, о чем может свидетельствовать находка костяного ножа. С другой стороны, подобная ситуация говорит и о разложении органики: зафиксированные останки рыбы имели плохую сохранность, чешуя была спрессована, чешуйки не отделялись друг от друга, ребра и жаберные крышки рассыпались. Очевидно, после изъятия основного количества биомассы, яма оставалась открытой, и останки подвергались внешнему воздействию.

Проблема датирования барабинской культуры чрезвычайно важна. Культура обеспечена уже достаточно презентабельным банком данных, представленным 11 датами только из рыбных ям памятника Тартас-1, а в общей сложности по памятникам Тартас-1 (включая даты из жилищных конструкций), Усть-Тартас-1 и Венгерovo-2 он составляет 23 даты. При этом каждое новое датирование из четко определенных стратиграфических контекстов представляет уникальный материал для понимания абсолютной хронологии и временной последова-

<sup>3</sup> Нивелировочная отметка.

тельности планиграфического развития как отдельных памятников (в данном случае Тарта-са-1), так и памятников культуры в целом.



Рис. 5 (фото). Яма 1741 после выборки заполнения  
Fig. 5 (photo). Pit 1741 after filling excavation

Из ямы 1741 был отобран образец из орудия на обломке рога крупного животного (тур?). Согласно данным о глубине залегания находки, она составила  $-2,36$  м от уровня материка. Анализ проведен в Центре археометрии им. К. Энгельхорна (Германия). В результате была получена дата (MAMS 53633) BP 7714  $\pm$  29 Cal BCE 1 $\sigma$  (Intcal 20) 6588–6502 2 $\sigma$  (Intcal 20) 6636–6469. Произведенная калибровка полученной даты по 1 $\sigma$  и 2 $\sigma$  демонстрирует полную корреляцию с уже имеющимися датами по образцам из ям. Например, близки к этой дате результаты датирования ямы 1383 – Cal BCE 2  $\sigma$  (Intcal 20) 6566–6232; из ямы 1508 – Cal BCE 2  $\sigma$  (Intcal 20) 6595–6230, и две даты из ямы 938 – Cal BCE 2  $\sigma$  (Intcal 20) 6655–6433 и 6685–6433 [Molodin et al., 2021].

Рис. 6. План и разрез ямы № 1741:

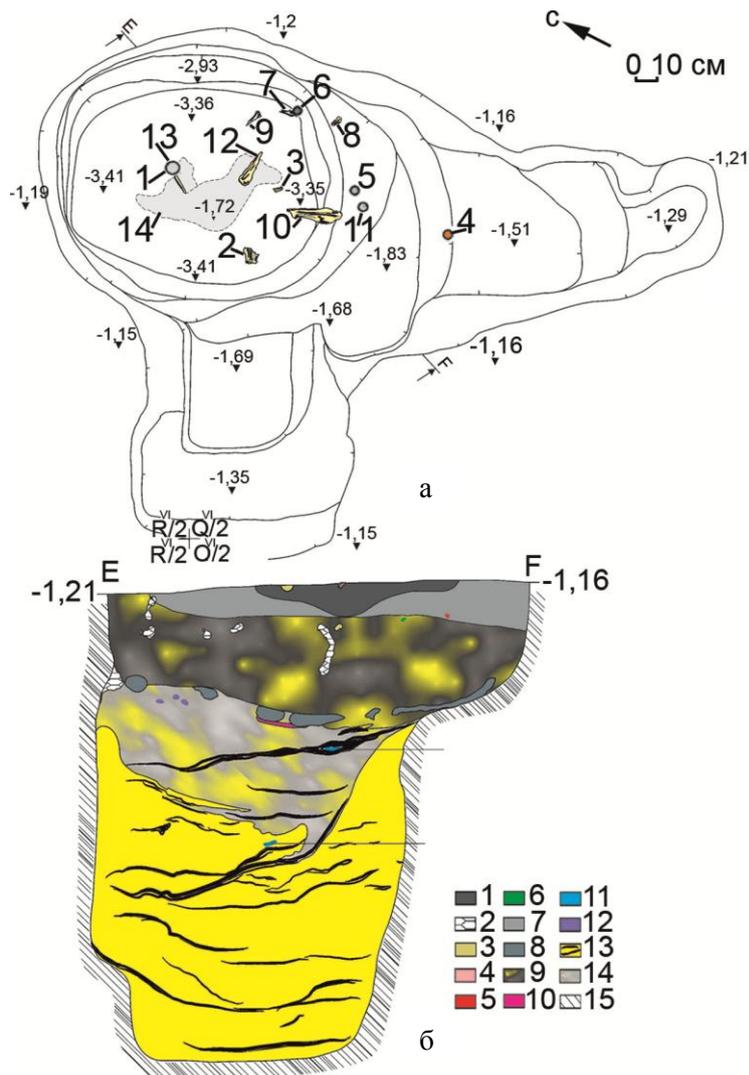
*a* – план (1 – ребро-орудие (нож) (н. о. –1,72); 2 – обломок лопатки животного (н. о. –1,75); 3 – зуб животного (н. о. –1,16); 4 – глиняный шарик (керамика) (н. о. –1,36); 5 – ножевидная пластина с ретушью (н. о. –1,76); 6 – скол (камень) (н. о. –1,73); 7 – обломок длинной кости животного (н. о. –1,69); 8 – обломок черепа животного со следами воздействия огня (н. о. –1,67); 9 – обломок кости животного (н. о. –1,70); 10 – лопатка животного – орудие (н. о. –1,95); 11 – скребок (камень) (н. о. –2,73); 12 – орудие из рога (н. о. –2,36); 13 – скол с нуклеуса (н. о. –1,78); 14 – скопление чешуи рыбы);

*б* – разрез по линии E–F (1 – плотная темно-серая супесь; 2 – черная супесь (нора); 3 – рыхлая желто-серая супесь (нора); 4 – зуб животного (?); 5 – спек; 6 – фрагмент керамики; 7 – плотная серая супесь; 8 – плотная темно-серая супесь; 9 – плотная мешаная серая супесь с линзами желто-серой супеси; 10 – чешуя; 11 – орудия из кости и рога; 12 – вкрапления оранжевой глины; 13 – рыхлая желтая, желто-серая супесь с прослойками черной супеси; 14 – рыхлая, пестрая, сильно мешаная серая, желто-белесая супесь с белыми кальцинированными вкраплениями и прослойками черной супеси; 15 – желтая супесь (материк))

Fig. 6. Plan and section of the pit no. 1741:

*a* – plan (1 – rib-tool (knife) (l. m. (a leveling mark) –1,72); 2 – an animal blade fragment (l. m. –1,75); 3 – an animal tooth (l. m. –1,16); 4 – clay ball (ceramics) (l. m. –1,36); 5 – a knife-shaped plate with retouching (l. m. –1,76); 6 – chip (stone) (l. m. –1,73); 7 – an animal long bone fragment (l. m. –1,69); 8 – an animal's skull with traces of fire fragment (l. m. –1,67); 9 – an animal bone fragment (l. m. –1,70); 10 – animal shoulder blade – tool (l. m. –1,95); 11 – scraper (stone) (l. m. –2,73); 12 – horn gun (l. m. –2,36); 13 – chip from the nucleus (l. m. –1,78); 14 – fish scales accumulation;

*b* – section along the line E–F (1 – dense dark gray loam; 2 – black loam (burrow); 3 – loose yellow-gray loam (burrow); 4 – an animal tooth (?); 5 – spec; 6 – a fragment of ceramics; 7 – dense gray loam; 8 – dense dark gray loam; 9 – dense mixed gray loam with lenses of yellow-gray loam; 10 – fish scales; 11 – tools made of bone and horn; 12 – inclusions of orange clay; 13 – loose yellow, yellow-gray loam with layers of black loam; 14 – loose, variegated, strongly mixed gray, yellow-whitish loam with white calcified inclusions and layers of black loam; 15 – yellow loam (mainland))



Таким образом, полученная дата по образцу кости из ямы 1741 подтверждает, что барабинская неолитическая культура относится к VII тыс. до н. э.

### Заключение

Многолетние раскопки на памятнике Тартас-1, исследование нового вида объектов – рыбных ям-хранилищ, не только выявили их конструктивные особенности, но и позволили выработать методику их изучения, где главным является работа с грунтом. По данной методике была изучена и яма 1741.

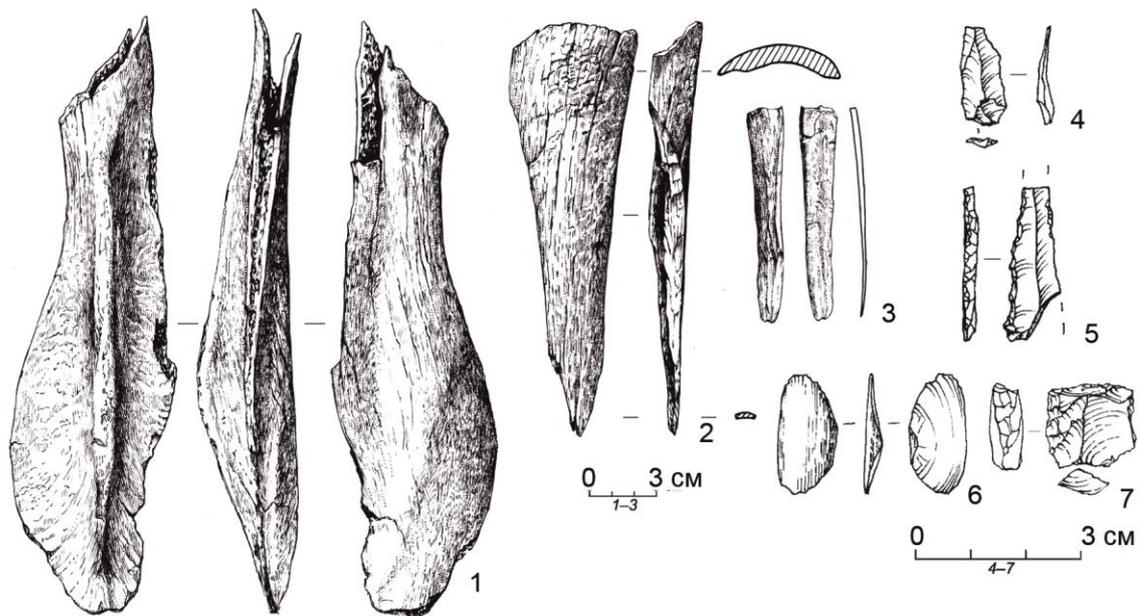


Рис. 7. Находки из ямы 1741:

1, 3 – изделия из кости; 2 – изделие из рога; 4 – скол с нуклеуса (н. о. –1,78);  
5 – ножевидная пластина с ретушью (н. о. –1,76); 6 – скол (камень) (н. о. –1,73);  
7 – скребок (камень) (н. о. –2,73)

Fig. 7. Finds from the pit of 1741

1, 3 – bone products; 2 – a product made of horn; 4 – nucleus chip (l. m. –1,78);  
5 – knife-shaped plate with retouching (l. m. –1,76); 6 – chip (stone) (l. m. –1,73);  
7 – scraper (stone) (l. m. –2,73)

По своим характеристикам яма 1741 относится к тому же типу объектов, которые изучены ранее на памятнике Тартас-1. Устойчивое проявление экономической практики у носителей раннеэнеолитической барабинской культуры является демонстрацией инновации, проявившейся в совершенствовании присваивающего типа хозяйства с возрастающей ролью рыболовства, и свидетельствует о переходе к менее мобильному образу жизни, фиксирующемуся у древнего населения Сибири в конце VIII – VI тыс. до н. э. [Чаиркина, Пиесонка, 2021]. В этом промежутке времени функционировала и яма 1741.

Можно отметить одну особенность, не влияющую на общую оценку значимости объекта. На разных этапах функционирования ям в них помещали своеобразные приклады (варианты жертвенного комплекса) – трупы разнообразных животных. Анализируемый объект от аналогичных конструкций на Тартасе-1 и Усть-Тартасе-1 отличается отсутствием в нем скелета какого-либо жертвенного животного (собака, заяц, лиса, росомаха и др.). Объяснением данного обстоятельства может быть предположение о достаточной удаленности изученного объекта от собственно поселения.

### Список литературы

- Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967. 266 с.  
Бобров В. В. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение боборькинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.

- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Веретенников А. В.** Южная группа жилищ поселения Старый Московский Тракт-5 в Барабинской лесостепи (итоги работ 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 328–335.
- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л.** Хронология и периодизация неолита таёжной зоны Западной Сибири // Тверской археологический сборник. Материалы 21-го – 22-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2021. С. 11–29.
- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пицонка Х., Чаиркина Н. М.** Поселения амнинского культурного типа в контексте раннего неолита севера Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 94–108. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-94-108
- Еньшин Д. Н.** К вопросу о хронологических позициях боборыкинских и кошкиных комплексов в Нижнем Приишимье (по материалам поселения Мергень-6) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 203–215. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215
- Кардаш О. В., Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н., Пицонка Х.** Новые исследования городища раннего неолита Каюково-2 на севере Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 109–124. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-109-124
- Логинов К. К.** Чем питались люди в древнем Заонежье // Кижский вестник. № 5 / Отв. ред. И. В. Мельников; Музей-заповедник «Кижский». Петрозаводск, 2000. URL: <http://kizhi.karelia.ru>
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А.** Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 69–93. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-69-93
- Молодин В. И., Ненахов Д. А., Мыльникова Л. Н., Райнхольд С., Пархомчук Е. В., Калинин П. Н., Пархомчук В. В., Растигеев С. А.** Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 1. С. 15–22.
- Мосин В. С.** Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите от Дона до Иртыша: хронологический аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 139–149. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-139-149
- Мосин В. С.** Ранний неолит Зауралья: современные проблемы интерпретации // В познании дописьменного периода истории: Сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Изд-во ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования», 2021. С. 40–48.
- Саввин А. А.** Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. 376 с.
- Чаиркина Н. М., Пицонка Х.** Экологический фон инноваций раннего неолита севера Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 6–14.
- Molodin V. I., Hansen S., Mylnikova L. N., Reinhold S., Nenachov D. A., Nesterova M. S., Durakov I. A., Kobleva L. S., Nenachova Ju. N.** Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland). In: Eurasia Antiqua, 2017. Bonn, Rudolf Habelt Verlag, 2021, Bd. 23, S. 27–87.
- Piezonka H., Kosinskaya L., Kovaleva V., Dubovtseva E., Zykov A., Chemyakin Y., Enshin D., Skochina S., Zakh V., Hartz S., Panina S., Savchenko S., Terberger T., Zhilin M.** The emergence of hunter-gatherer Pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. *Journal of Archaeological Science*, April 2020, vol. 116, p. 105100.

## References

- Alekseenko E. A.** Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Kets. Historical and ethnographic essays]. Leningrad, Nauka, 1967, 266 p. (in Russ.)
- Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu.** Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi) [Settlement of the Boborykino culture Autodrome 2/2 (northwestern regions of the Baraba forest-steppe)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*], 2012, no. 3 (18), pp. 4–13. (in Russ.)
- Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Veretennikov A. V.** Yuzhnaya gruppa zhilishch poseleniya Staryi Moskovskii Trakt-5 v Barabinskoi lesostepi (itogi rabot 2019 goda) [The southern group of dwellings of the settlement of Old Moscow Tract-5 in the Baraba forest-steppe (results of work in 2019)]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, vol. 25, pp. 328–335. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.328-335
- Chairkina N. M., Pietsonka Kh.** Ekologicheskii fon innovatsii rannego neolita severa Zapadnoi Sibiri [The ecological background of early neolithic innovations in the north of western Siberia]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [*Ural Historical Bulletin*], 2021, no. 3 (72), pp. 6–14. (in Russ.)
- Dubovtseva E. N., Kosinskaya L. L.** Khronologiya i periodizatsiya neolita taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri [Chronology and periodization of the Neolithic in the taiga zone of Western Siberia]. In: Tverskoi arkheologicheskii sbornik. Materialy 21-go – 22-go zasedanii nauchno-metodicheskogo seminarina “Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v drevnosti” [Tver archaeological collection. Materials of the 21<sup>st</sup> – 22<sup>nd</sup> meetings of the scientific and methodological seminar “Tver land and adjacent territories in antiquity”]. Tver, 2021, pp. 11–29. (in Russ.)
- Dubovtseva E. N., Kosinskaya L. L., Pietsonka Kh., Chairkina N. M.** Settlements of the Amnin Cultural Type in the Context of the Early Neolithic in the North of Western Siberia. *Vestnik NGU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 94–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-94-108
- Enshin D. N.** The Chronological Positions of the Boborykino and Koshkino Complexes in the Lower Ishim River Region (Based on Materials of the Mergen-6 Settlement). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 203–215. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215
- Kardash O. V., Chairkina N. M., Dubovtseva E. N., Piezonka H.** New Research on the Early Neolithic Enclosed Settlement Kayukovo-2 in the North of Western Siberia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 109–124. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-109-124
- Loginov K. K.** Chem pitalis' lyudi v drevnem Zaonezh'e [What did people eat in ancient Zaonezhie]. *Kizhskii vestnik* [*Kizhi Bulletin*], 2000, no. 5. URL: <http://kizhi.karelia.ru> (in Russ.)
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Kobeleva L. S., Nenakhov D. A.** Baraba Culture of Early Neolithic Period. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 69–93. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-69-93
- Molodin V. I., Nenakhov D. A., Mylnikova L. N., Rainkhold S., Parkhomchuk E. V., Kalinkin P. N., Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. D.** Radiouglerodnoe datirovanie kompleksa epokhi rannego neolita pamyatnika Tartas-1 (Srednee Priom'e) s ispol'zovaniem ustanovki “Uskoritel' mass-spektrometr IYaF SO RAN” [Radiocarbon dating of the complex of the Early Neolithic era of the Tartas-1 site (Middle Priymye) using the “Accelerator mass spectrometer of the INP SB RAS”]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [*Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*], 2019, vol. 47, no. 1, pp. 15–22. (in Russ.)

- Molodin V. I., Hansen S., Mylnikova L. N., Reinhold S., Nenachov D. A., Nesterova M. S., Durakov I. A., Kobeleva L. S., Nenachova Ju. N.** Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland). In: *Eurasia Antiqua*, 2017. Bonn, Rudolf Habelt Verlag, 2021, Bd. 23, S. 27–87.
- Mosin V. S.** Complexes with Flat-Bottomed Ceramics in the Neolithic from the Don to the Irtysh: A Chronological Aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 139–149. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-139-149
- Mosin V. S.** Rannii neolit Zaural'ya: sovremennye problemy interpretatsii [Early Neolithic of the Trans-Urals: Modern Problems of Interpretation]. In: *V poznanii dopis'mennogo perioda istorii* [In the knowledge of the preliterate period of history]. Collection of scientific papers. Ed. by V. V. Bobrov. Kemerovo, GOU DPO (PK) С “Kuzbasskii regional'nyi institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya” Press, 2021, pp. 40–48. (in Russ.)
- Piezonka H., Kosinskaya L., Kovaleva V., Dubovtseva E., Zykov A., Chemyakin Y., Enshin D., Skochina S., Zakh V., Hartz S., Panina S., Savchenko S., Terberger T., Zhilin M.** The emergence of hunter-gatherer Pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. *Journal of Archaeological Science*, April 2020, vol. 116, p. 105100.
- Savvin A. A.** Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoi monografii) [Food of the Yakuts before the development of agriculture (the experience of a historical and ethnographic monograph)]. Yakutsk, IGI AN RS(Ya), 2005, 376 p. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Вячеслав Иванович Молодин**, академик РАН, доктор исторических наук, профессор  
**Юлия Николаевна Ненахова**, кандидат исторических наук, научный сотрудник  
**Людмила Николаевна Мыльникова**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник  
**Дмитрий Алексеевич Ненахов**, ведущий инженер-исследователь

### Information about the Authors

**Vyacheslav I. Molodin**, Academician of RAS, Doctor of Sciences (History), Professor  
**Yuliya N. Nenakhova**, Candidate of Sciences (History), Researcher  
**Lyudmila N. Mylnikova**, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher  
**Dmitrii A. Nenakhov**, Leading Engineer

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;  
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 20.02.2022  
The article was submitted 15.01.2022;  
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 20.02.2022*

Научная статья

УДК 947.04(571.6)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-60-70

## Фортификационные памятники бассейна Маргаритовки в Восточном Приморье

Ольга Васильевна Дьякова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения Российской академии наук

Владивосток, Россия

Emelianova49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5306-2390>

### Аннотация

Фортификационные памятники Восточного Приморья до сих пор практически не изучены. В целях решения данной проблемы исследованы городища, укрепления и защитные стены бассейна Маргаритовки. Выявлено четыре разнотипных укрепленных памятника: горное Щербаковское городище чжурчжэньского государства Восточное Ся XIII в., а также относящиеся к эпохе Средневековья мысовое городище Сенокосное-1, сопоставимое с польцевской культурой, мысовое городище Маргаритово, Каменный вал в устье Маргаритовки. Геофизическая характеристика территории – замыкание верховьев Маргаритовки на г. Перевальная с расположенной на ней одноименной контрольно-пропускной средневековой крепостью и выход устья реки в бухту Моряк-Рыболов – свидетельствует о функционировании здесь сухопутной дороги, идущей с западной стороны Сихотэ-Алиня через г. Перевальная в сторону Японского моря. Сухопутная и морская дорожно-транспортные артерии требовали охраны и контроля, что подтверждается возведением длинного каменного вала по горному отрогу Сихотэ-Алиня в устье Маргаритовки.

### Ключевые слова

Восточное Приморье, Средневековье, городища, укрепления, стена, польцевская культура, чжурчжэни, Восточное Ся

### Для цитирования

Дьякова О. В. Фортификационные памятники бассейна Маргаритовки в Восточном Приморье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 60–70. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-60-70

## Medieval Fortresses of the Margaritovka Basin in Eastern Primorye

Olga V. Dyakova

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East

of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

Vladivostok, Russian Federation

Emelianova49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5306-2390>

### Abstract

*Introduction.* Studies of ancient fortifications in the Eastern Primorye of Russia in the Margaritovka River basin are conducted for the first time by complex methods: mapping, geophysical characteristics, classification by shape, size, functional purpose.

© Дьякова О. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 60–70

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 60–70

*Results.* Four fortification sites have been identified: Shcherbakovskoye settlement, Senokosnoe-1 fortification, Margaritovo fortress, Margaritovskaya stone defensive wall. Shcherbakovskoye settlement belongs to the mountain type. It is characterized by a closed configuration of shafts, corner and wall towers, stone-throwing platforms, an inner city, residential estates. Shcherbakovskoye settlement is a gift of the 13<sup>th</sup> century period of the state of Eastern Xia. The Senokosnoe-1 fortification belongs to the cape type. It is protected by earthen ramparts and a moat. The fortification is comparable in archaeological material with the Polzevskaya culture of the early Middle Ages. The Margaritovo fortress belongs to the cape type and dates from the post-Bohai period. The Margaritovskaya stone wall is located on the Sikhote-Alin mountain spur. It is equipped with a watchtower. It was built in the Middle Ages.

*Conclusion.* The location of the fortifications and the stone rampart indicate the functioning of a land and river route in the Margaritovka River basin. The road began on the mountain Perevalnaya. The final point of the road was the bay of the Morayak-Ribolov of the Sea of Japan. The entrance to the bay and the mouth of the Margaritovka River was protected by a stone wall with signal towers.

*Keywords*

Eastern Primorye, Middle Ages, ancient settlements, fortifications, wall, Polish culture, Jurchen, Eastern Xia

*For citation*

Dyakova O. V. Medieval Fortresses of the Margaritovka Basin in Eastern Primorye. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 60–70. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-60-70

## Введение

В археологии Восточного Приморья проблема фортификаций практически не звучала, хотя данная территория в силу своего геофизического расположения – морское побережье с судоходными бухтами, горно-таежная зона с богатой флорой, фауной и полезными ископаемыми – во все времена привлекала внимание не только проживавших здесь палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских аборигенов, но и население сопредельных территорий, включая Корею, Японию и Китай.

Начатое автором в 1973 г. обследование древних укреплений Северо-Восточного Приморья показало, что расположение и тип фортификаций связаны с геофизикой региона, поставленной на службу историко-военно-культурно-экономических задач региона. Все укрепления Северо-Восточного Приморья оказались возведены в бассейнах 20 рек, ограниченных с западной стороны хребтами Сихотэ-Алиня, с восточной – бухтами Японского моря и Татарского пролива. Этим обусловлено расположение сухопутных и морских дорожно-транспортных магистралей. Сухопутные дороги спускались с перевалов к морским бухтам, охраняемым укреплениями. Установлено, что транспортная система функционировала в эпоху бронзы, в раннем железном веке, в Средневековье.

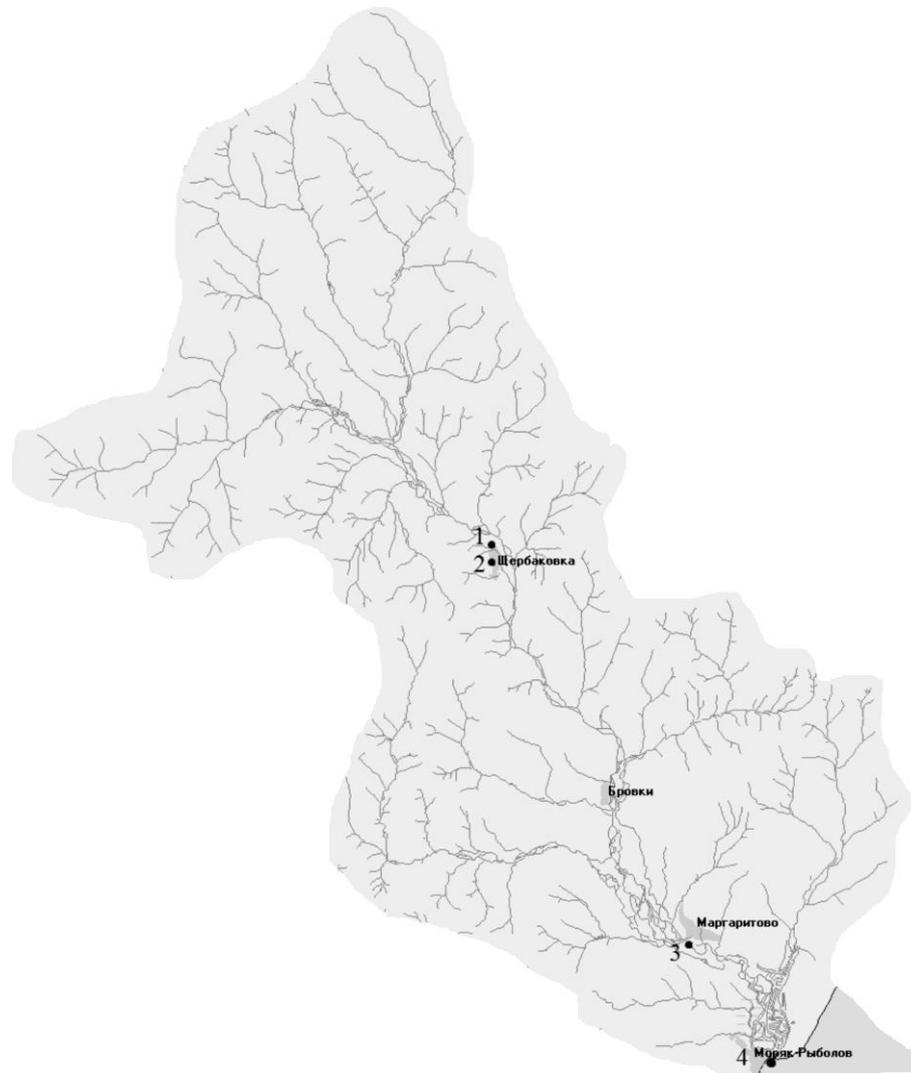
В данной статье автор предлагает анализ укреплений бассейна р. Маргаритовки (до 1972 г. называемой *Пфусунг*, *Тубаца* и *Вангоу*), расположенной южнее ранее изученных в Северо-Восточном и Восточном Приморье. В качестве базового используется комплексный подход, включающий картирование городищ и крепостей по бассейнам рек, классификацию по геофизическому местонахождению – долинные, мысовые, горные; по форме, размерам, фортификационным деталям, функциональному назначению.

## Результаты исследования

Начало р. Маргаритовки, протекающей в Ольгинском районе Приморского края, приходится на стык западных и восточных хребтов Сихотэ-Алиня, разделяющих Приморье на морскую и континентальную части. Реки Маргаритовка, Извилинка (западный склон Сихотэ-Алиня) и Аввакумовка (восточный склон Сихотэ-Алиня) своими истоками замыкаются на один горный перевал под названием г. Перевальная, где располагается крепость Песчаный Перевал<sup>1</sup> [Ресурсы поверхностных вод СССР, 1970, с. 592].

<sup>1</sup> Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 10 177.

В бассейне Маргаритовки открыто четыре укрепления: Щербаковское городище, Сенокосное-1, Маргаритово, Каменный вал в устье Маргаритовки (рис. 1). Характеристика памятников предлагается от верховья реки к устью.



*Рис. 1.* Карта укреплений бассейна Маргаритовки (Ольгинский район, Приморский край):  
1 – Щербаковское городище; 2 – Сенокосное-1; 3 – Маргаритово; 4 – Каменный вал в устье Маргаритовки

*Fig. 1.* Map of fortifications of the Margaritovka River basin (Olginsky District, Primorsky Krai):  
1 – Shcherbakovskoye settlement; 2 – Haymaking-1; 3 – Margaritovo; 4 – Stone shaft at the mouth of the Margaritovka

**Щербаковское городище** (рис. 1, 1; 2). Расположено на правом берегу Маргаритовки между р. Малая Маргаритовка и ручьем в пади Попельной в 6 км к северо-западу от северной окраины с. Щербаковки Ольгинского района Приморского края. Впервые обследовано и снято на план в 1958 г. Г. И. Андреевым<sup>2</sup>. В 1983 г. переобследовано и снято на план О. С. Га-

<sup>2</sup> Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1777; 1777 а.

лактионовым<sup>3</sup>. Через 20 лет, в 2003 г., разведочные работы на памятнике проводились Амуро-Приморской археологической экспедицией под руководством О. В. Дьяковой.

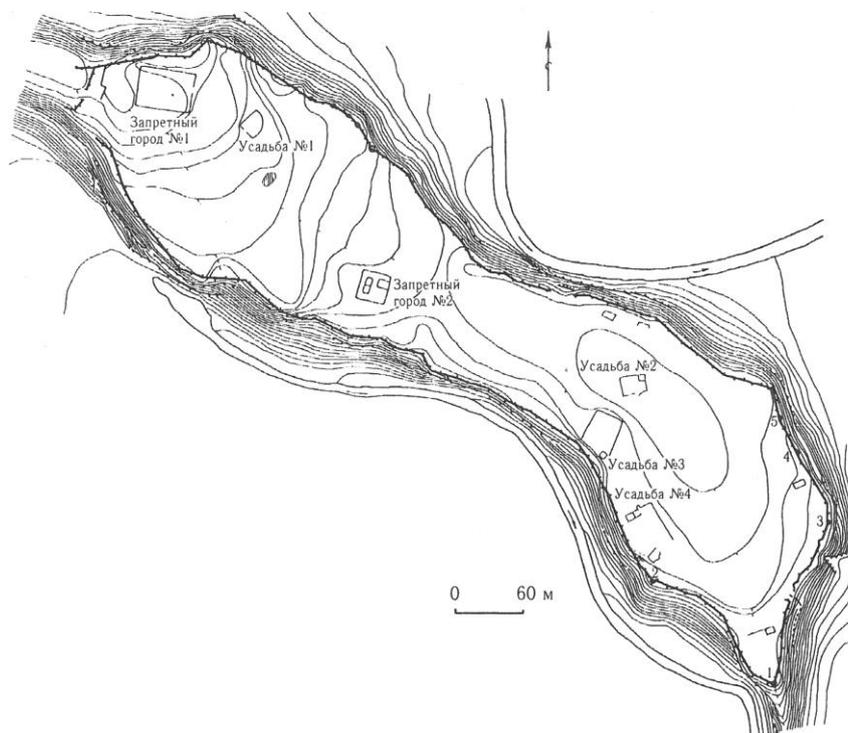


Рис. 2. План Щербаковского городища (Ольгинский район, Приморский край)  
Fig. 2. Plan of the Shcherbakovsky settlement (Olginsky district, Primorsky Krai)

Городище занимает 700-метровую мысовую оконечность водораздельного отрога Сихотэ-Алиня, ориентированного северо-запад – юго-восток. Склоны отрога крутые, скалистые. Максимальная ширина отрога 160 м, минимальная 80 м. Северо-западная часть городища выше юго-восточной. Особенностью городища является отсутствие искусственных террас, что объясняется уплощенным рельефом мыса. Как правило, горные городища занимали крутые распадки, обращенные к реке, на склонах которых необходимо было сооружать искусственные террасы и располагать на них жилища. Кроме того, обязательным было наличие в распадке ручья или ключа. Рельеф Щербаковского городища позволял отказаться от террас. В северо-западной (верхней) части городища выявлены два запретных (внутренних) города, одна усадьба и вход (ворота). В юго-восточной части (нижней) зафиксировано три усадьбы, несколько прямоугольных обвалованных площадок и пять башен [Сакмаров, 2004].

Внутренняя топография городища представлена двумя запретными городами, четырьмя усадьбами.

*Запретный город № 1* возведен в самой высокой точке северо-западной части городища вблизи камнеметной площадки, северной стороной соприкасается со рвом. Прямоугольной формы (30 × 40 м). По периметру окружен валом высотой 1 м, рвом шириной 1,5 м, глубиной 0,3 м. Вход в запретный город располагался с восточной стороны, представлен простым 2,5 м разрывом вала.

<sup>3</sup> Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 10 177.

*Запретный город № 2* возведен на нижней площадке. Квадратной формы (21 × 21 м). Сторонами ориентирован по сторонам света. Высота валов 1,2–1,4 м.

*Усадьба № 1.* Построена вблизи северного вала между запретными городами, сегментовидной формы: с прямым западным углом, концы которого соединены дугой. Высота вала 0,5 м. Вход в виде простого разрыва вала расположен с юго-западной стороны. В 25 м к югу от усадьбы имеется искусственный водоем размером 6 × 12 м.

В юго-западном углу нижнего участка городища зафиксировано три усадьбы и несколько прямоугольных обвалованных площадок.

*Усадьба № 2.* Построена в центре возвышенной части городища, прямоугольной формы, размером 19 × 13 м, длинной стороной ориентирована на восток – запад, по всему периметру окантована валом высотой до 0,4 м. Вход расположен с южной стороны. В северо-западном углу усадьбы зафиксирована квадратная площадка размером 4 × 4 м, отделенная валом от остальной части.

*Усадьба № 3.* Построена на южном склоне ниже усадьбы № 2. Прямоугольной формы, размером 20 × 70 м. Длинной стороной ориентирована северо-восток – юго-запад. Вал прослежен с северной, восточной и западной сторон. С южной стороны, примыкающей ко рву, вместо вала зафиксирована квадратная обвалованная западина размером 4 × 4 м, высотой 0,3 м, ориентирована углами по сторонам света.

*Усадьба № 4.* Построена на южном склоне возле башни № 2. Прямоугольной формы, размером 20 × 32 м. Ориентирована углами по сторонам света. Обвалована с двух сторон, обращенных во внутреннюю часть городища. По углам усадьбы прослежены две прямоугольные обвалованные площадки размером 10 × 5 м.

Фортификации представлены валом, рвом, пятью башнями и четырьмя камнеметными площадками. Вал отсыпан по гребню отрога и повторяет его конфигурацию. Протяженность вала 1567 м, площадь городища 6,2 га. Высота вала на западном участке достигает 7 м, на северо-западном – более 2 м, на остальных – 1–1,2 м. Вал состоит из чередующихся горизонтальных слоев глины и щебня, т. е. возведен из вязких и сыпучих материалов с их последующей утрамбовкой, известной как техника ханту. С внутренней стороны вал защищен рвом, служившим одновременно дорогой. Ширина рва 2–3 м. Вал дополнительно оборудован фортификационными объектами: башнями – одной угловой и четырьмя фронтальными, позволяющими атаковать приблизившегося к укреплению противника; складом с каменными ядрами и четырьмя камнеметными площадками. Ворота с внутренней стороны городища защищены дугообразным валом.

*Башня № 1* (угловая). Возведена в юго-восточной части городища на стыке двух валов в виде выступающей на 4 м во внешнюю сторону сегментовидной площадки с выпуклой верхней поверхностью высотой 0,5 м. Диаметр основания башни 2,5 м. Высота от уровня поверхности городища 1,5 м.

*Башня № 2* (фронтальная). Возведена на южном участке вала в 115 м от угловой башни № 1 в виде выступающего во внешнюю сторону полукруглого сегмента с выпуклой внешней поверхностью. Высота башни от уровня дна рва 1,5 м, от гребня вала – 1,1 м.

*Башня № 3* (фронтальная). Возведена на северном участке вала в 105 м от угловой башни № 1. Башня полуовальной формы, ширина в основании 3 м, длина выступа 2 м. Верх башни плоский, находится на одном уровне с гребнем вала. Высота башни от дна рва 1,4 м.

*Башня № 4* (фронтальная). Возведена на северном участке вала в 165 м от угловой башни № 1. Башня полуовальной формы, ширина в основании 3 м, длина выступа 2,5 м. Верх башни плоский, находится на одном уровне с внутренней поверхностью городища. На башне зафиксирована яма овальной формы с обваловкой по внешней стороне, размером 2,5 × 1,5 м, глубиной 0,4 м.

*Башня № 5* (фронтальная). Возведена на северном участке вала в 195 м от угловой башни № 1. Башня полуовальной формы, ширина в основании 3 м, длина выступа 2,5 м. Верх баш-

ни выше уровня вала на 0,5 м. На башне зафиксирована яма круглой формы диаметром 0,5 м, глубиной 0,2 м.

*Площадки.* Кроме башен на северном участке вала зафиксированы четыре, выступающие в обе стороны вала, округлые площадки диаметром 1 м, отстоящие друг от друга на 20, 14 и 10 м. Верх площадок находился на одном уровне с валом. Между площадками расположены ямы округлой формы с обваловкой. Диаметр ям 1–1,5 м, глубина 0,2 м, высота обваловки 0,2–0,35 м.

*Камнеметная площадка.* Размещена на северо-западном участке вала, частично разрушена. Сохранившаяся часть площадки Г-образной формы, длиной 20 м, шириной 8–12 м, высотой 1,5 м. Внутренняя сторона камнеметной площадки обвалована. На площадке расположен склад каменных ядер для камнеметных орудий (диаметр ядер не превышает 20 см, вес – 3 кг).

*Вход* в городище расположен в 60 м от угловой башни № 1 и представлен простым разрывом вала. От его оконечности внутрь городища отходит 6-метровый траверс, напротив которого обнаружено углубление (2 × 1,15 м) с каменной обкладкой. В северной части вала в месте сужения отрога зафиксирован 10-метровый проход, дополнительно прикрытый 8-метровым валом [Сакмаров, 2004]. Это защитное предвратное укрепление в форме полумесяца, усиливавшее фортификации, известное в России под названием «захаб», в Китае – «вэньмэнь». От входа вниз по склону по террасированному уступу прослежена дорога, обрывающаяся через 40 м крутым спуском.

В 2020 г. Амуро-Приморская археологическая экспедиция при осмотре памятника выявила многочисленные повреждения культурного слоя «черными археологами». По информации местных жителей, основной добычей «копателей» являлись металлические изделия, в частности наконечники стрел, по описанию аналогичные для чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1234 гг.). Таким образом, по топографической характеристике Щербаковское городище горное, с замкнутой конфигурацией валов; нетеррасированное, размещенное на двух высотных уплощенных уровнях; со слоено-почвенной структурой валов (способ ханту); с угловыми и настенными башенными сооружениями; с камнеметными площадками; запретными (внутренними) городами; по функциональному назначению городище – военно-административное, жилое. Тип городища, расположение, характер и способ сооружения фортификации, внутренняя планировка и артефакты (наконечники стрел) позволяют однозначно отнести памятник к культуре чжурчжэньского государства Восточное Ся, датируемое первой половиной XIII в. Важнейшей особенностью памятника является использование горного рельефа как естественной защиты.

*Укрепление Сенокосное-1* (рис. 1, 2; 3, 4). Расположено на правом берегу Маргаритовки в 4,3 км на северо-запад от центра с. Щербаковка. Обнаружено в 2013 г. С. С. Малковым. Занимает уплощенную поверхность мысовидной оконечности горного хребта, простирающегося параллельно руслу реки. В плане оконечность мыса удлиненно-треугольной формы, ее высота составляет 10 м от поймы Маргаритовки. С севера мыс соединен узким (10 м) перешейком с горным хребтом. С запада, юга и востока территория поселения ограничена крутыми склонами.

Узкая часть перешейка перегорожена двумя параллельными, отстоящими друг от друга на 5 м, земляными валами длиной 10 м, высотой 0,3–0,5 м, шириной в основании 3 м. Вдоль западного склона зафиксирован ров глубиной до 0,3 м, шириной 1–1,5 м. Ров начинается у валов, тянется вдоль склона мыса и заканчивается у его южной оконечности. Вероятно, это остатки дороги. Площадь укрепления около 0,34 га (42 × 80 м).

В шурфе обнаружен археологический материал: два каменных терочника и лепная керамика. Один терочник изготовлен из плоской песчаниковой гальки с оббитым краем (размер 13 × 8 × 2 см), второй – из массивной плиты крупнозернистого песчаника. Орнамент стенок лепных сосудов представлен рядами ногтевых отпечатков и горизонтальным поясом из двух

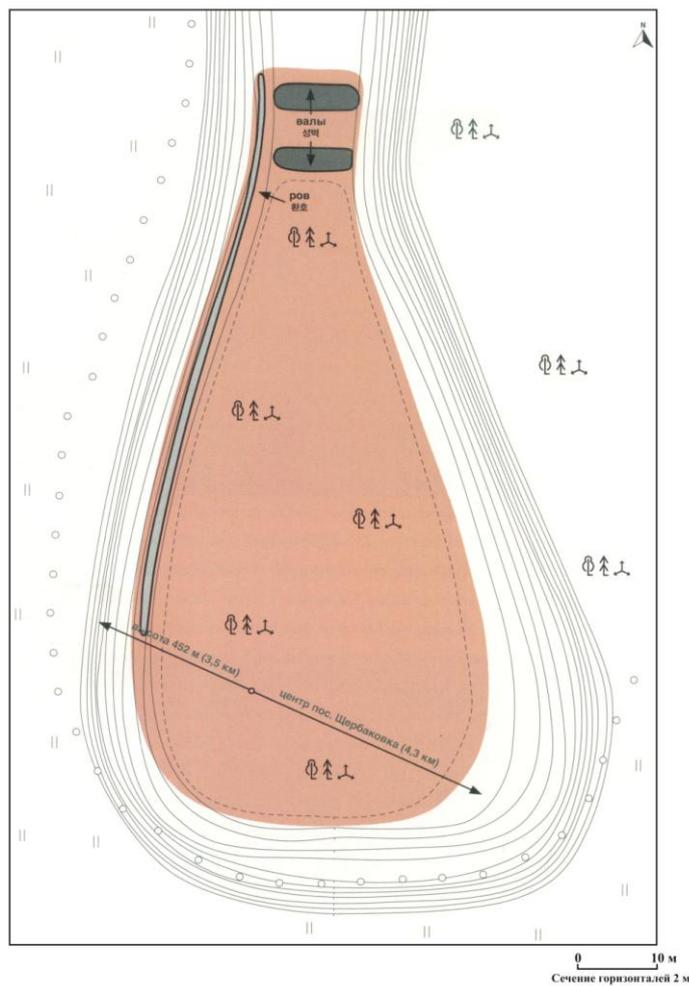


Рис. 3. План укрепления Сенокосное-1 (Ольгинский район, Приморский край)  
(по: [Клюев и др., 2014, с. 237])

Fig. 3. Strengthening Hay-1 (Olginsky district, Primorsky Krai)  
(by: [Klyuev et al., 2014, p. 237])

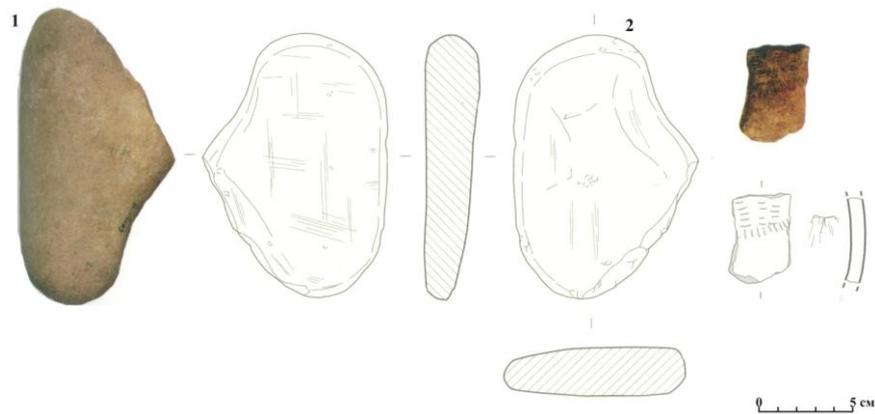


Рис. 4. Материал укрепления Сенокосное-1 (Ольгинский район, Приморский край):  
1 – каменный терочник; 2 – лепная керамика (по: [Клюев и др., 2014, с. 237])

Fig. 4. Material strengthening of Grass-1 (Olginsky district, Primorsky Krai):  
1 – stone marochnik; 2 – molded ceramics (by: [Klyuev et al., 2014, p. 237])

борозд, между которыми нанесены «галочки». Светло- и темно-коричневая поверхность керамики хорошо заглажена, на трех фрагментах на внешней поверхности отмечен слой обмазки и лощение, толщина стенок 0,5–0,6 см.

Предварительно материалы памятника отнесены к эпохе палеометалла [Клюев и др., 2014, с. 237]. Однако раскопки Михайловского городища, расположенного в бассейне Аввакумовки, показали, что данный тип керамики соответствует сосудам польцевской культуры и датируется VI в. н. э., т. е. эпохой Средневековья [Дьякова, 2020]. Укрепление Сенокосное-1 по типу мысовое с простыми земляными валами и рвом, по размеру малое, по назначению жилое. По археологическому материалу сопоставимо с польцевской культурой эпохи Средневековья.

**Укрепление Маргаритово** (рис. 1, 3). Расположено на правом берегу Маргаритовки, в 4 км ниже одноименного села, в 12 км от бухты Моряк-Рыболов. Обследовано в 1958 г. Г. И. Андреевым и обозначено как «Пункт 7». Указано, что средневековое поселение находится у подножия мыса, на мысу – небольшое укрепление. Культурный слой значительно поврежден пашнями. Собрано большое количество круговой керамики<sup>4</sup>. В настоящее время памятник разрушен. Укрепление Маргаритово мысового типа, форма и структура валов неизвестны. Заметим, что сочетание долинного поселения и мысового укрепления характерно для памятников постбохайского времени.

**Вал в устье Маргаритовки** (рис. 1, 4; 5–7). Расположен в 2,4 км к северо-востоку от пос. Моряк-Рыболов, в 800 м от устья левого берега Маргаритовки. Первая информация о вале приведена в 1958 г. Г. И. Андреевым<sup>5</sup>. В 1974 г. памятник обследован археологами Института истории ДВНЦ АН СССР<sup>6</sup>. В 2003 г. разведочные работы проводились Амуро-Приморской археологической экспедицией под руководством О. В. Дьяковой. Вал возведен на гребне водораздельного отрога, перегораживающего переход от бухты Евстафия к устью Маргаритовки, отделяющего морское побережье от долины реки. Склоны хребта крутые со скальными обрывами. Длина вала 400 м. С внешней стороны вал сливался со склоном отрога и превращался в неприступную стену, с внутренней достигал высоты 1,5 м, ширина основания вала до 20 м. Камень для возведения вала добывался здесь же, на горном отроге. На западном участке вала зафиксирована дозорная башня для подачи сигнального огня (высота 1 м, диаметр 2 м) и две круглые ямы (диаметр 1 и 2 м). В восточной части хребта обнаружены три террасовидные площадки с круглыми западинами глубиной до 0,3 м, диаметром 3–5 м<sup>7</sup>. Наличие башни и площадок на валу свидетельствуют о его коммуникативной функции. Кроме защитно-оборонительного назначения, вал с башней использовался в качестве дозорно-сигнального объекта, оповещавшего население и воинские подразделения о том, кто и в каком количестве приближается к территории. В качестве связи использовался «огневой телеграф», передача сигнала шла по эстафете от моря до перевального городища и обратно.

По геофизической характеристике вал относится к укреплениям горного типа, по структуре каменный, с наличием башенной фортификации, по назначению – охранно-дозорно-сигнально-сторожевой объект, контролирующий вход в бухту Моряк-Рыболов, отделяющий бухту Евстафия от устья Маргаритовки. Аналогичные технические приемы возведения вала – добыча строительного материала непосредственно на месте – прослежены на каменных крепостях северо-восточного Приморья (Васьковское, Ключи, Ключи II, Заболоченная (Алтарь), Шмырков Ключ), соответствующие по технико-технологической характеристике когурёским градостроительным традициям эпохи Средневековья.

<sup>4</sup> Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1777; 1777а.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. № 5738.

<sup>7</sup> ИИАЭ НДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 545.

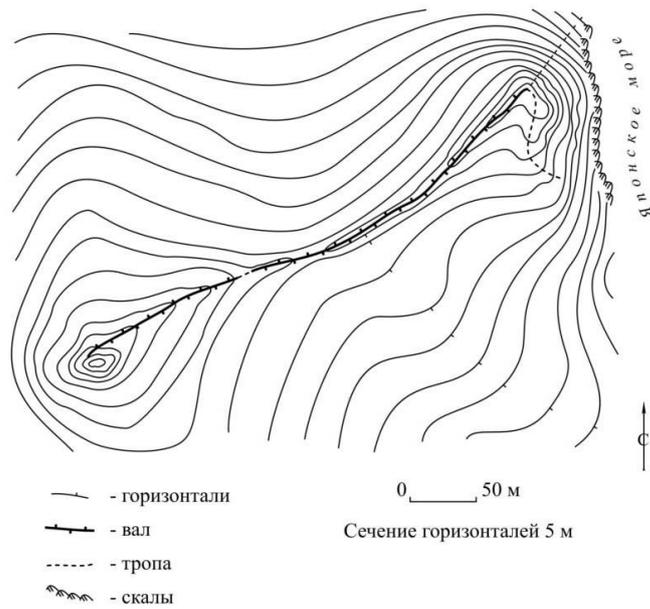


Рис. 5. План каменного вала в устье Маргаритовки (Ольгинский район, Приморский край)

Fig. 5. Plan a stone at the mouth of the shaft Margaritovka (Olginsky district, Primorsky Krai)



Рис. 6. Вид каменного вала в устье Маргаритовки (Ольгинский район, Приморский край) в месте сужения гребня хребта – внешняя сторона

Fig. 6. A stone shaft in the mouth of Margaritovka (Olginsky district, Primorsky Krai) to the site of the narrowing of the crest of a ridge – the external side



Рис. 7 (фото). Каменный вал в устье Маргаритовки (Ольгинский район, Приморский край), вид от устья Маргаритовки

Fig. 7 (photo). Stone wall at the mouth of the Margaritovka river (Olginsky district, Primorsky Krai), view from the mouth of the Margaritovka River

### Заключение

В бассейне Маргаритовки открыты четыре укрепленных памятника: Щербаковское городище чжурчжэньского государства Восточное Ся XIII в. горного типа, а также относящиеся к эпохе Средневековья городище Сенокосное-1 мысового типа, сопоставимое по материалу с польцевской культурой, мысовое городище Маргаритово, Каменный вал в устье Маргаритовки. Геофизическая характеристика территории – замыкание верховьев Маргаритовки на г. Перевальная с расположенной на ней одноименной контрольно-пропускной средневековой крепостью и выход устья реки в бухту Моряк-Рыболов – свидетельствуют о функционировании здесь сухопутной дороги, идущей с западной стороны Сихотэ-Алиня через г. Перевальная в сторону Японского моря. Сухопутная и морская дорожно-транспортные артерии требовали охраны и контроля, что и подтверждается возведением длинного каменного вала по горному отрогу Сихотэ-Алиня в устье Маргаритовки. Бухта Моряк-Рыболов являлась одной из точек морской магистрали Японского моря.

### Список литературы

- Дьякова О. В. Укрепления бассейна Аввакумовки в Восточном Приморье // КСИА. 2020. № 260. С. 368–386.
- Клюев Н. А., Батаршев С. В., Гладченков А. А., Гридасова И. В., Дорофеева Н. А. Крутых Е. Б., Малков С. С., Морева О. Л., Слепцов И. Ю., Якупов М. А., Юн Хёнг Чжун, Ким Дон Хун, Им Ну Ри. Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья. Тэджон, 2014, 237 с.
- Ресурсы поверхностных вод СССР: Гидрологическая изученность. Дальний Восток. Л.: Гидрометеиздат, 1970. Т. 18, вып. 2. 592 с.
- Сакмаров С. А. Щербаковское городище. Внешняя и внутренняя планировка // Россия и АТР. 2004. № 3. С. 50–56.

### Список источников

- Андреев Г. И. Отчет об археологических исследованиях Прибрежного отряда в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края в 1958 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 1777; 1777а. С. 15.
- Галактионов О. С. Отчет об археологической разведке в Приморском крае в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10 177.
- Татарников В. А. Археологическая разведка по побережью Приморского края в пос. Ольга до пос. Преображение в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 14743.
- Хорев В. А. Отчет об археологической разведке в Лазовском, Ольгинском, Михайловском и Октябрьском районах Приморского края в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5738.
- Шумкова А. Л. Отчет о разведочных археологических работах в Ольгинском и Чугуевском районах Приморского края в 2003 г. // Архив ИИАЭ НДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 545.

### References

- Dyakova O. V. Ukrepleniya basseyna Avvakumovki v Vostochnom Primor'e [Strengthening of the Avvakumovka basin in Eastern Primorye]. *KSIA*, 2020, no. 260, pp. 368–386. (in Russ.)
- Klyuev N. A., Batarshev S. V., Gladchenkov A. A., Gridasova I. V., Dorofeeva N. A. Krutyh E. B., Malkov S. S., Moreva O. L., Slepcev I. Yu., Yakupov M. A., Yun Hyong Chzhun, Kim Don Hun, Im Nu Ri. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi paleometalla i rannego Srednevekov'ya Primor'ya*. Tadzhon, 2014, 237 p. (in Russ.)

- Resursy poverkhnostnykh vod SSSR: Gidrologicheskaya izuchennost' [Surface water resources of the USSR: Hydrological knowledge]. Dal'niy Vostok. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1970, vol. 18, iss. 2, 592 p. (in Russ.)
- Sakmarov S. A.** Shcherbakovskoe gorodishche. Vneshnyaya i vnutrennyaya planirovka [Shcherbakovskoe gorodishche. External and internal layout]. *Rossiya i ATR*, 2004, no. 3, pp. 50–56. (in Russ.)

### List of Sources

- Andreev G. I.** Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Pribrezhnogo otryada v Lazovskom, Ol'ginskom i Hasanskom raionakh Primorskogo kraya v 1958 g. [Report on the archaeological research of the Coastal detachment in the Lazovsky, Olginsky and Khasansky districts of Primorsky Krai in 1958]. Arkhiv IA RAN. R-1, no. 1777; 1777a, p. 15 (in Russ.)
- Galaktionov O. S.** Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Primorskom krae v 1983 g. [Report on archaeological exploration in Primorsky Krai in 1983]. Arkhiv IA RAN. R-1, no. 10 177. (in Russ.)
- Khorev V. A.** Othet ob arkheologicheskoi razvedke v Lazovskom, Ol'ginskom, Mikhailovskom i Oktyabr'skom raionakh Primorskogo kraya v 1975 g. [Report on archaeological exploration in the Lazovsky, Olginsky, Mikhailovsky and Oktyabrsky districts of Primorsky Krai in 1975]. Arkhiv of IA RAS. R-1, no. 5738. (in Russ.)
- Tatarnikov V. A.** Arkheologicheskaya razvedka po poberezh'yu Primorskogo kraya v pos. Ol'ga do pos. Preobrazhenie v 1988 g. [Archaeological exploration along the coast of Primorsky Krai in the village of Olga to the village. Transfiguration in 1988]. Arkhiv IA RAN. R-1, no. 14743. (in Russ.)
- Shumkova A. L.** Otchet o razvedochnykh arkheologicheskikh rabotakh v Ol'ginskom i Chuguevskom raionakh Primorskogo kraya v 2003 g. [Report on exploratory archaeological work in the Olginsky and Chuguevsky districts of Primorsky Krai in 2003]. Arkhiv IIAE NDV DVO RAN. Fond 1, series 2, file 545. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Ольга Васильевна Дьякова**, доктор исторических наук, профессор

### Information about the Author

**Olga V. Dyakova**, Doctor of Sciences (History), Professor

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;  
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 20.02.2022  
The article was submitted 15.01.2022;  
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 20.02.2022*

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-71-88

## Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7)

Дмитрий Вадимович Селин<sup>1</sup>  
Юрий Петрович Чемякин<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>2</sup> Уральский государственный педагогический университет  
Екатеринбург, Россия

<sup>1</sup> selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

<sup>2</sup> yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

### Аннотация

Выполнен технико-технологический анализ керамики сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности (КИО) с городищ Барсов городок I/5 (33 сосуда) и I/7 (5 сосудов). На обоих памятниках по представлениям гончаров отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные глины. На городище БГ I/5 выявлено девять рецептов формовочных масс. Основными являются несмешанные рецепты глина + дресва, глина + шамот. Выделяются рецепты с добавкой песка, вводимого в пропорции 1 : 1. На городище БГ I/7 установлено три рецепта. Полое тело сосудов на обоих памятниках наращивалось преимущественно при помощи лоскутов. Зафиксированы случаи использования лент с наложением. Разнообразны комбинации инструментов для обработки поверхности, на городище БГ I/5 установлено 22 варианта. На городище БГ I/7 для 5 сосудов установлено 4 варианта. На обоих памятниках зафиксирован специфический прием заглаживания зубчатым орудием с внутренней стороны места перехода от плеча к тулову. Посуда могла обжигаться в восстановительной и восстановительно-окислительной среде. Гончарные навыки населения обоих городищ вписываются в общие традиции, характерные для гончарства сургутского варианта кулайской КИО. Использование лоскутного налепа вместе с ленточным может отражать сосуществование на этих городищах двух групп гончаров с разными навыками конструирования полого тела. Это может быть связано как с взаимодействием внутри этих городищ населения с разными технологическими традициями, так и с влиянием более ранних гончарных традиций предшествующих культур, известных на Барсовой Горе. Добавка песка может быть связана с взаимодействием населения сургутского варианта кулайской КИО с более восточными кулайскими группами, для которых эта примесь является доминирующей, или являться результатом смешения с более ранней гончарной традицией.

### Ключевые слова

Сургутское Приобье, Барсова Гора, ранний железный век, кулайская культура, керамика, технико-технологический анализ

### Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00039

### Для цитирования

Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 71–88. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-71-88

© Селин Д. В., Чемякин Ю. П., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 71–88  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 71–88

# Technological Traditions in Pottery of the Kulay Cultural-Historical Community on Barsova Gora (Based on the Materials of the Sites Barsov Gorodok I/5 and I/7)

Dmitrii V. Selin<sup>1</sup>, Yuriy P. Chemyakin<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>2</sup> Ural State Pedagogical University  
Ekaterinburg, Russian Federation

<sup>1</sup> selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

<sup>2</sup> yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

## Abstract

*Purpose.* Barsova Gora is a unique archaeological and landscape site located in the Tyumen Region of the Russian Federation. The archaeological sites Barsov gorodok I/5 and I/7 are located on the edge of the bank of Utoplaya River. The aim of the study is to reconstruct the content of the production steps in pottery of the surgut variant of the kulay culture in the sites Barsov gorodok I/5 and I/7.

*Results.* A technical and technological analysis was carried out for 33 vessels from the site Barsov gorodok I/5 and for 5 vessels from the site Barsov gorodok I/7. Nine recipes of clay paste have been found at the site Barsov gorodok I/5. The main ones are unmixed recipes Clay + Broken stone, Clay + Chamotte. Recipes with the addition of sand, introduced in a ratio of 1 : 1, stand out. Three recipes have been found on the site Barsov gorodok I/7. Vessels were molded with the help of flaps. Cases of using tapes with an overlay have been recorded. Various combinations of tools for surface treatment. 22 variants have been found on the site Barsov gorodok I/5. On the site Barsov gorodok I/5, 4 variants were found for 5 vessels. On both sites, a specific method of smoothing down with a serrated tool was recorded on the inside of the transition point from the shoulder to the body. Ware could be fired in a reducing and reducing-oxidizing environment.

*Conclusion.* The pottery skills of the population of both settlements are similar to the general pottery traditions of the kulay culture on Barsova Gora. This is manifested in the similarity of the clays used, a close range of artificial impurities and recipes for clay paste, variability in surface treatment, and the presence of specific technological skills. The difference is manifested in the skills of constructing a hollow body and in the use of sand as an artificial impurity. The use of patchwork molding along with the band molding reflects the coexistence of two groups of potters with different skills in vessel construction at these sites. This may be due to the interaction within these settlements of populations with different technological traditions or to the influence of earlier pottery traditions of previous cultures. The addition of sand may be related to the interaction of this population with the more eastern groups of the kulay culture, for which this admixture is dominant, or be the result of mixing with an earlier pottery tradition.

## Keywords

Surgut Ob region, Barsova Gora, Early Iron Age, Kulay culture, ceramics, technical and technological analysis

## Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, Grant no. 21-78-00039

## For citation

Selin D. V. Chemyakin Yu. P. Technological Traditions in Pottery of the Kulay Cultural-Historical Community on Barsova Gora (Based on the Materials of the Sites Barsov Gorodok I/5 and I/7). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 71–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-71-88

## Введение

Урочище Барсова Гора хорошо известно как уникальная концентрация археологических памятников, датирующихся как минимум с раннего неолита до Нового времени. Оно расположено в 8–15 км к западу от г. Сургута (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) на правом коренном берегу Оби между речками Барцевкой и Калининой, протянувшись с запада на восток на 7,5 км (рис. 1, I). С севера оно ограничено болотами, начинающимися в 1,3–2,5 км от края берега, с юга – поймой и протоками Утоплой (на востоке) и Микишиной

(на западе). Здесь на площади менее 6 кв. км обнаружены сотни селищ, объединявших остатки более 3 000 жилищ и построек, 66 городищ, 7–8 могильников, святилища, клады и т. д. С кулайской культурой связаны 23 городища, 34 селища и местонахождения, 2 (3?) могильника и одиночное погребение, святилище, клад. Двадцать городищ находятся на берегу протоки Утоплой. Расстояние между крайними не превышало 2,1 км [Морозов, Чемякин, 2005, рис. 1]. Пять самых восточных береговых городищ были практически полностью уничтожены во время строительства Сургутской трубной базы, еще до проведения раскопок. В сборах с двух из них присутствует кулайская керамика, но мы не уверены, что памятники принадлежали именно этой культуре.

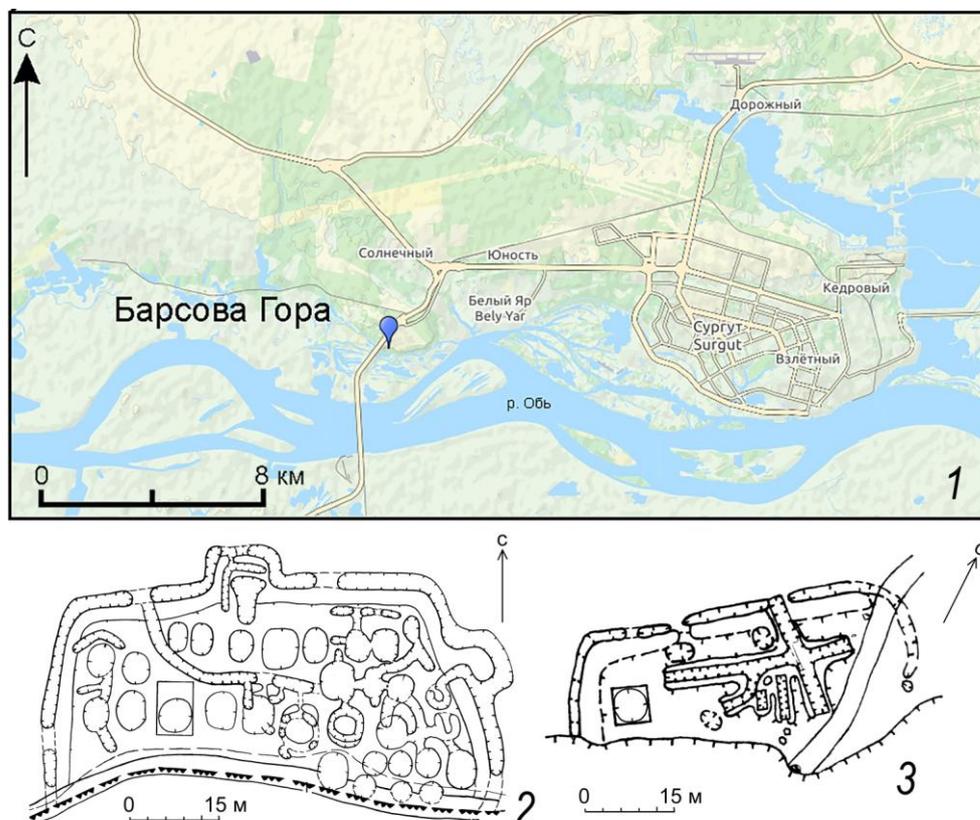


Рис. 1. Урочище Барсова Гора и планы городищ:

1 – схема расположения урочища Барсова Гора с обозначением местоположения памятников;  
2 – план городища Барсов городок I/5; 3 – план городища Барсов городок I/7  
(топосъемка 1973 г.)

Fig. 1. Barsova Gora tract and plans for settlements:

1 – the layout of the tract Barsova Gora with the designation of the location of the sites;  
2 – plan of the settlement Barsov gorodok I/5; 3 – plan of the settlement Barsov gorodok I/7  
(topographic survey 1973)

Сургутский вариант кулайской культурно-исторической общности (КИО) впервые был выделен одним из авторов этой работы [Чемякин, 1989]. Им же была предложена схема культурогенеза, согласно которой этот вариант сложился в результате слияния носителей белоярской (аборигенной) и калинкинской (пришлой) культур. Предварительно, в первую очередь на основании эволюции керамики, в развитии сургутского варианта кулайской КИО были выделены три стадии. При этом отмечалось, что данная схема эволюции и периодиза-

ции не является окончательной. Обращение к самой массовой категории находок – керамике, обработанной с применением ранее недоступных методик, позволит уточнить детали историко-культурных процессов, происходивших в эпоху раннего железа в Сургутском Приобье.

На наш взгляд, в кулайское время на данном относительно небольшом участке Обской террасы могло функционировать только одно укрепленное поселение. Его обитатели регулярно переносили место расположения городка. На некоторых поздних кулайских городищах зафиксированы следы перестроек и разновременные строительные горизонты. Вероятно, в ряде случаев население возвращалось на старые места, обновляя или отстраивая заново жилища, производственные и иные постройки, а также оборонительные системы. Сургутский вариант кулайской КИО предварительно датируется IV–III вв. до н. э. – III–IV вв. н. э. (т. е. примерно шестью-семью столетиями). Таким образом, на один городок приходится не более 50 лет.

Городища Барсов городок (далее – БГ) I/5 и I/7 ранее уже частично опубликованы [Морозов, Чемякин, 2005]. Эта публикация продолжает серию статей, посвященных технико-технологической характеристике кулайских керамических комплексов Барсовой Горы. На ее основе, а также по результатам формально-типологического и статистического анализа орнаментов и формы сосудов предполагается построение хронологической колонки кулайских древностей этого урочища и Сургутского Приобья в целом.

Целью работы является реконструкция содержания ступеней гончарного производства у носителей сургутского варианта кулайской КИО на городищах БГ I/5 и I/7.

### История исследования городищ

Первый условный план городищ был снят в 1925 г. группой тобольских краеведов в составе К. А. Веревкина, А. С. Мерозидова, Н. Я. Павлова и местного охотоведа С. А. Куклина. В 1972 г. В. М. Морозов провел глазомерную топосъемку городищ [Морозов, Чемякин, 2005, рис. 2, 1, 3, 4]. В 1973 г. под общим руководством Ю. П. Чемякина была выполнена их полупланшетная съемка.

Городище БГ I/5 находится в 130 м к югу от окраины пос. Барсово. Оно расположено на краю правого берега протоки Утоплой. Подпрямоугольная площадка городища размером 80 × 40 м окружена валом и рвом. Ширина рва около 2–3 м, глубина от поверхности достигает 1 м. Ширина вала от 2 до 3 м, высота до 1 м. С северной и северо-восточной сторон городища находятся прямоугольные выступы-бастионы, размерами 14 × 6 м (северный) и 15 × 8 м (восточный). С обеих сторон от северного бастиона в оборонительной системе фиксируются разрывы, еще один разрыв – в самом бастионе, четвертый – с западной стороны городища. На внутренней площадке зафиксировано 28 объектов, выраженных в рельефе в виде подчетыреугольных, реже округлых западин размерами от 3 × 2,5 до 6 × 6 м (рис. 1, 2).

В ходе раскопок В. М. Морозовым были выявлены три строительных горизонта – два верхних относились к раннему железному веку, нижний – к энеолиту. Слой был сильно перемешан. Выявлены остатки трех построек. Два жилища, последовательно сооруженные в заплывшем котловане от энеолитической постройки, судя по форме и орнаментации керамики, связаны с кулайской культурой и отражают перестройки внутри городища. С северной стороны они были врезаны в береговой склон на 30–45 см, с южной сходили на нет. Оба подчетыреугольные, вытянуты перпендикулярно берегу, с очагами в центре. Позднее сооружение размером 5,1–5,4 × 4,2–4,5 м. Второе на уровне первой фиксации 6,9 × 3,9 м, ближе к полу его размер сократился до 5,7 × 3,0 м [Морозов, Чемякин, 2005, с. 204, рис. 3].

Городище БГ I/7 также находится на краю берега протоки Утоплой, в 140 м к востоку от городища I/5. Памятник в плане подчетыреугольной формы, размером 58 × 25 м, окружено валом и рвом. Ширина вала до 3 м, высота 0,5 м, глубина внешнего рва от уровня по-

верхности около 0,8–1,0 м, ширина 1,5–2 м (рис. 1, 3). Изучены остатки постройки с подчетырехугольным котлованом размером 5,1 × 4,5 м и глубиной 10–50 см от уровня погребенной почвы. В ее центре расчищены остатки очага [Морозов, Чемякин, 2005, с. 221, рис. 14].

Анализ формы и орнаментации сосудов позволил отнести коллекцию с городища БГ I/7 к ранней стадии существования кулайской культуры в Сургутском Приобье (последняя треть I тыс. до н. э.), а с городища БГ I/5 – к средней стадии (I в. до н. э. – I в. н. э., или рубеж эр). Этому не противоречит и обломок кельта с БГ I/5, близкого к найденным в Ордынском-1 могильнике в Новосибирском Приобье [Троицкая, 1979, табл. XXIV, 1–4], из сборов М. П. Грязнова на Чудацкой Горе [Ширин, 2004, рис. 2, 1] и на городище Няксимволь в Нижнем Приобье [Ширин, 2014, ил. 5]. Подобные кельты ряд исследователей относит к ордынскому этапу кулайской культуры Новосибирского Приобья (про Т. Н. Троицкой) и датируют в пределах I в. до н. э. – I в. н. э. [Троицкая, 1979, с. 86; Ширин, 2014, с. 36–37].

### Результаты исследования керамики

Всего в ходе раскопок на городище БГ I/5 обнаружены обломки минимум 56 сосудов, в том числе 42 шейки [Морозов, Чемякин, 2005, с. 205–216, рис. 4–9]. С жилищем 1 однозначно связаны 13 емкостей (рис. 2). Остальная посуда найдена в жилище 2 или происходит из нерасчлененного культурного слоя (рис. 3, 4). Техничко-технологический анализ проведен для 33 изделий. Кроме горшков за пределами котлована постройки 1 обнаружен обломок бронзового кельта ордынского типа [Морозов, Чемякин, 2005, рис. 6, 4]. В жилище 2 также найдены фрагменты тиглей и железная проколка. На городище БГ I/7 найдены фрагменты 7 сосудов, тигля и капли бронзы [Там же, с. 221–224, рис. 15]. Для пяти изделий выполнен анализ технологии изготовления (рис. 5).

Информация по особенностям исходного сырья, составу формовочных масс, конструированию полого тела, способам обработки поверхности, цветности излома получена для всех проанализированных изделий. Днища сосудов в коллекции малочисленны и сильно фрагментированы, поэтому надежно определить тип начина не представлялось возможным.

Техничко-технологический анализ проводился по методике, предложенной А. А. Бобринским [1978; 1999] в соответствии с естественной структурой гончарного производства. При помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51) проводились определения поверхностей и изломов изделий с последующим сравнением с экспериментальной коллекцией технологических следов. При выделении технологических следов мы также опирались на специализированную научную литературу и «Каталог эталонов по керамической трасологии» (см.: [Бобринский, 1978; 1999, Цетлин, 2012; 2017; Лопатина, Каздым, 2010; Салугина, 2016; Васильева, Салугина, 2020] и др.).

*Отбор исходного пластичного сырья.* На городище БГ I/5 по представлениям гончаров отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные глины, различающиеся по количеству песка и наличию других естественных примесей. Можно выделить два подвида глины:

Глина 1 (29 изд.) – для нее характерна естественная примесь мелкого окатанного прозрачного и глухого песка. Концентрация его в исходном сырье незначительна (до 8 включений на 1 кв. см). Зафиксированы включения только мелкого (9 изд.) и разноразмерного (6 изд.) окатанного бурого железняка. Этот подвида глины относится к слабозапесоченным.

Глина 2 (4 изд.) характеризуется наличием естественной примеси мелких единичных обрывков растительности и единичных включений фрагментов раковин моллюсков. Концентрация естественного мелкого окатанного песка не превышает 2 включений на 1 кв. см.

Для производства посуды на городище БГ I/7 гончары использовали глину, схожую по своим характеристикам с глиной 1 с городища БГ I/5. Концентрация мелкого окатанного песка не превышает 7 включений на 1 кв. см.

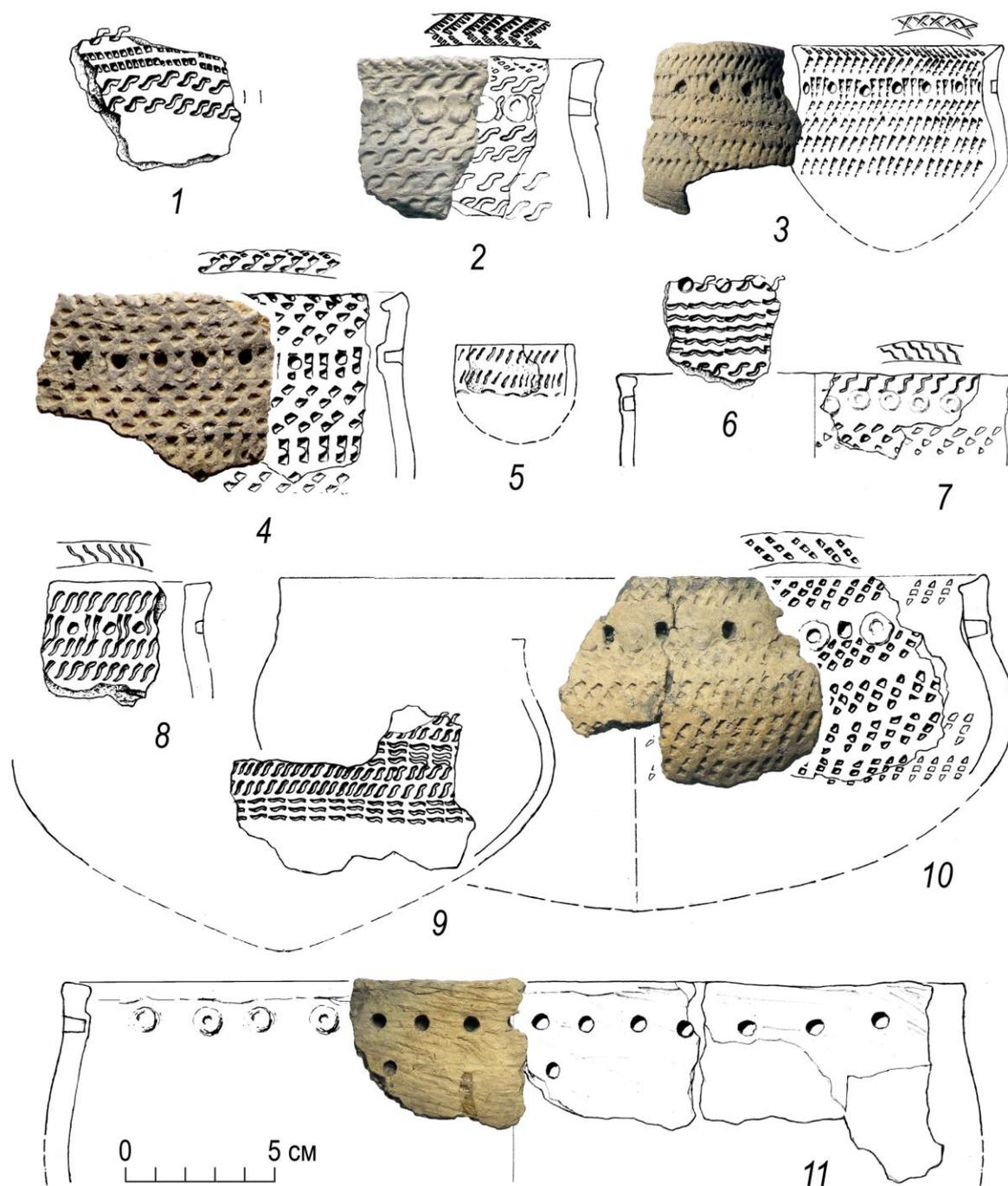


Рис. 2. Городище Барсов городок I/5. Керамика из позднего жилища:  
1–11 – керамика сургутского варианта кулайской КИО из жилища 1

Fig. 2. Site Barsov gorodok I/5. Pottery from a late dwelling:  
1–11 – ceramics of the surgut variant of the kiulaiskaya culture from dwelling 1

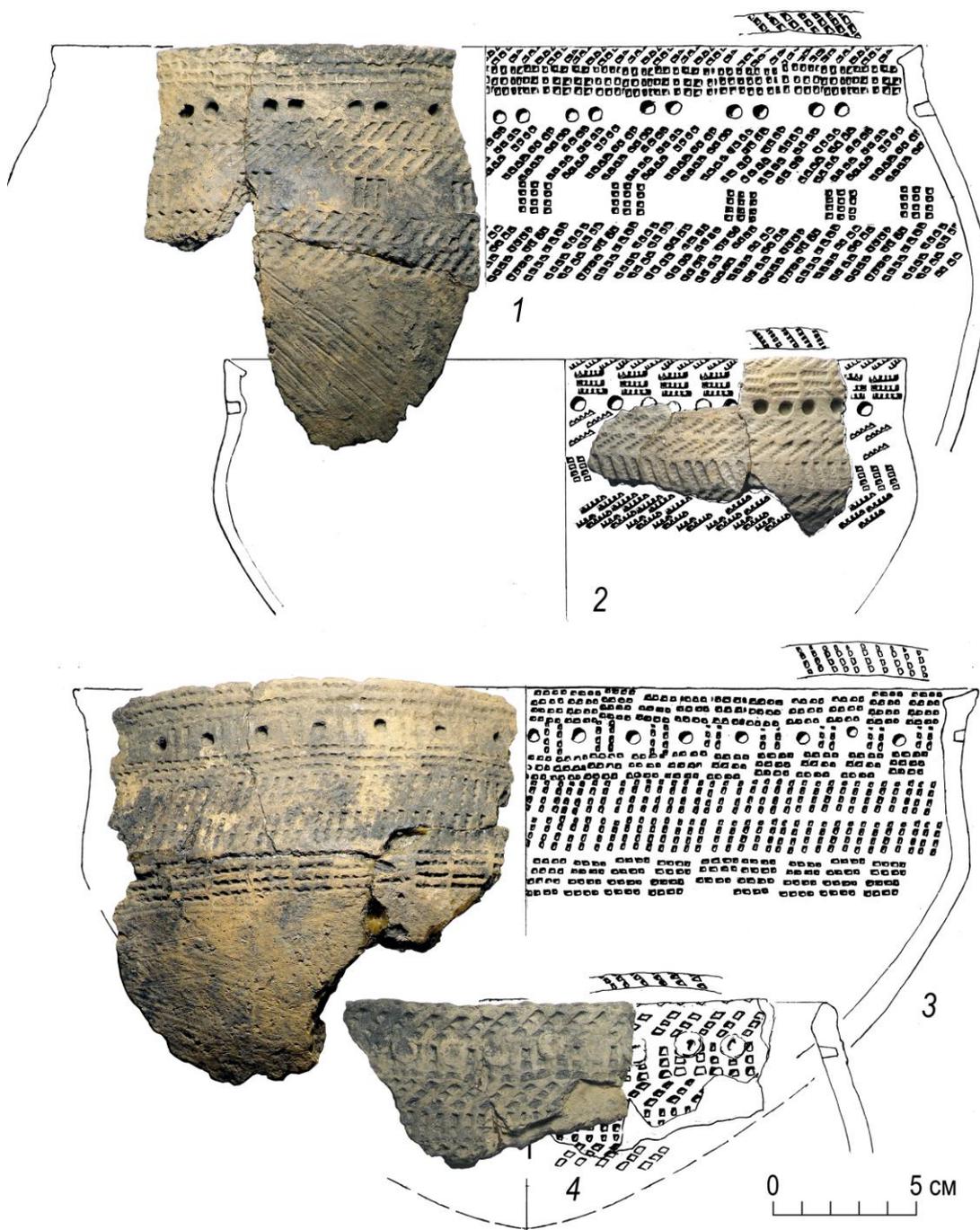


Рис. 3. Городище Барсов городок I/5. Керамика с гребенчатым орнаментом из раннего жилища и нерасчлененного слоя:

1–4 – керамика с гребенчатым орнаментом

Fig. 3. Site Barsov gorodok I/5. Ceramics with comb ornamentation from an early dwelling and an undivided layer:

1–4 – ceramics with comb ornamentation

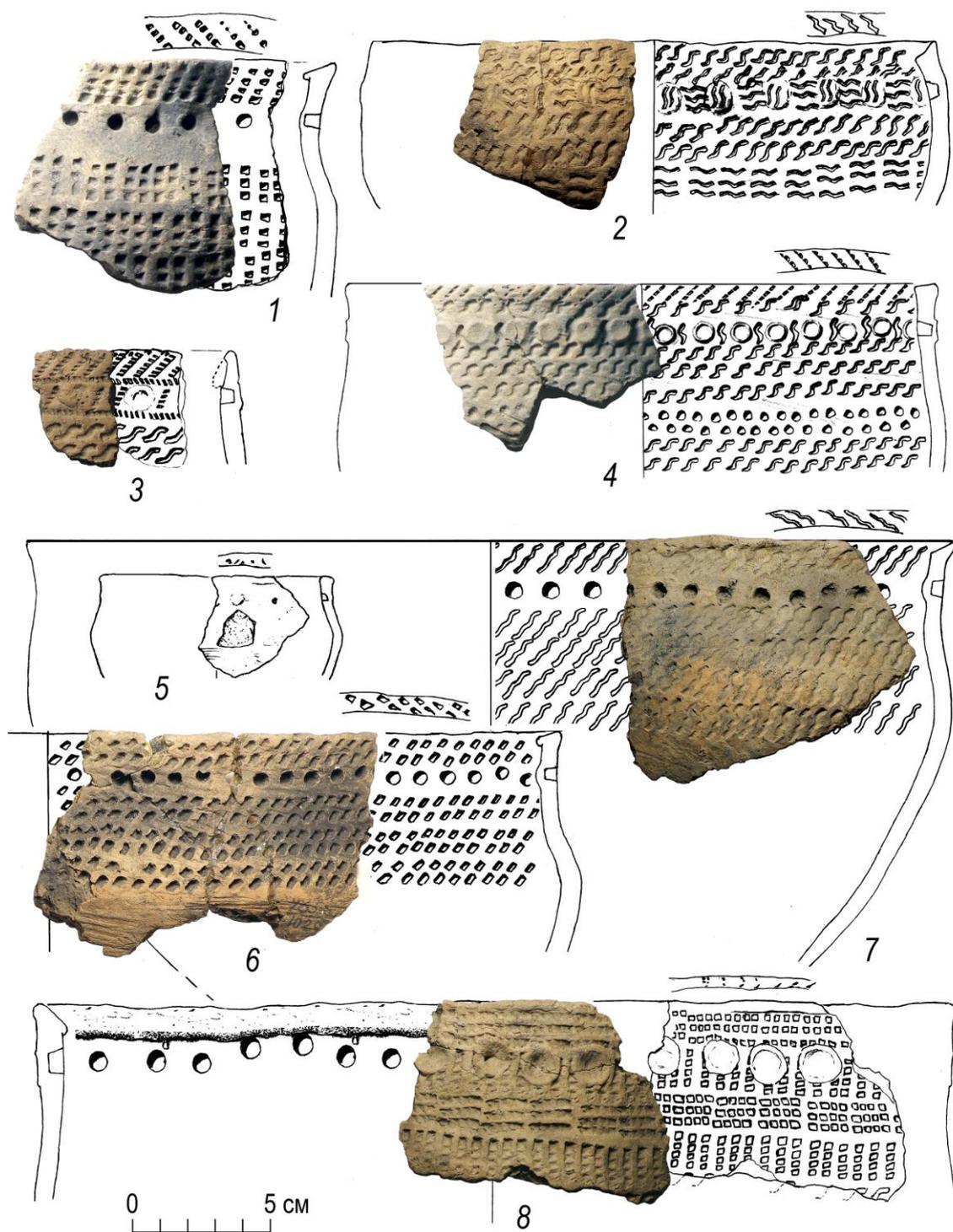


Рис. 4. Городище Барсов городок I/5.

Керамика с гребенчатым и фигурно-штампованным орнаментом из раннего жилища и нерасчлененного слоя: 1–8 – керамика с гребенчатым орнаментом

Fig. 4. Site Barsov gorodok I/5.

Ceramics with comb and figurative-stamped ornaments from an early dwelling and an undivided layer: 1–8 – ceramics with comb and figurative-stamped ornaments

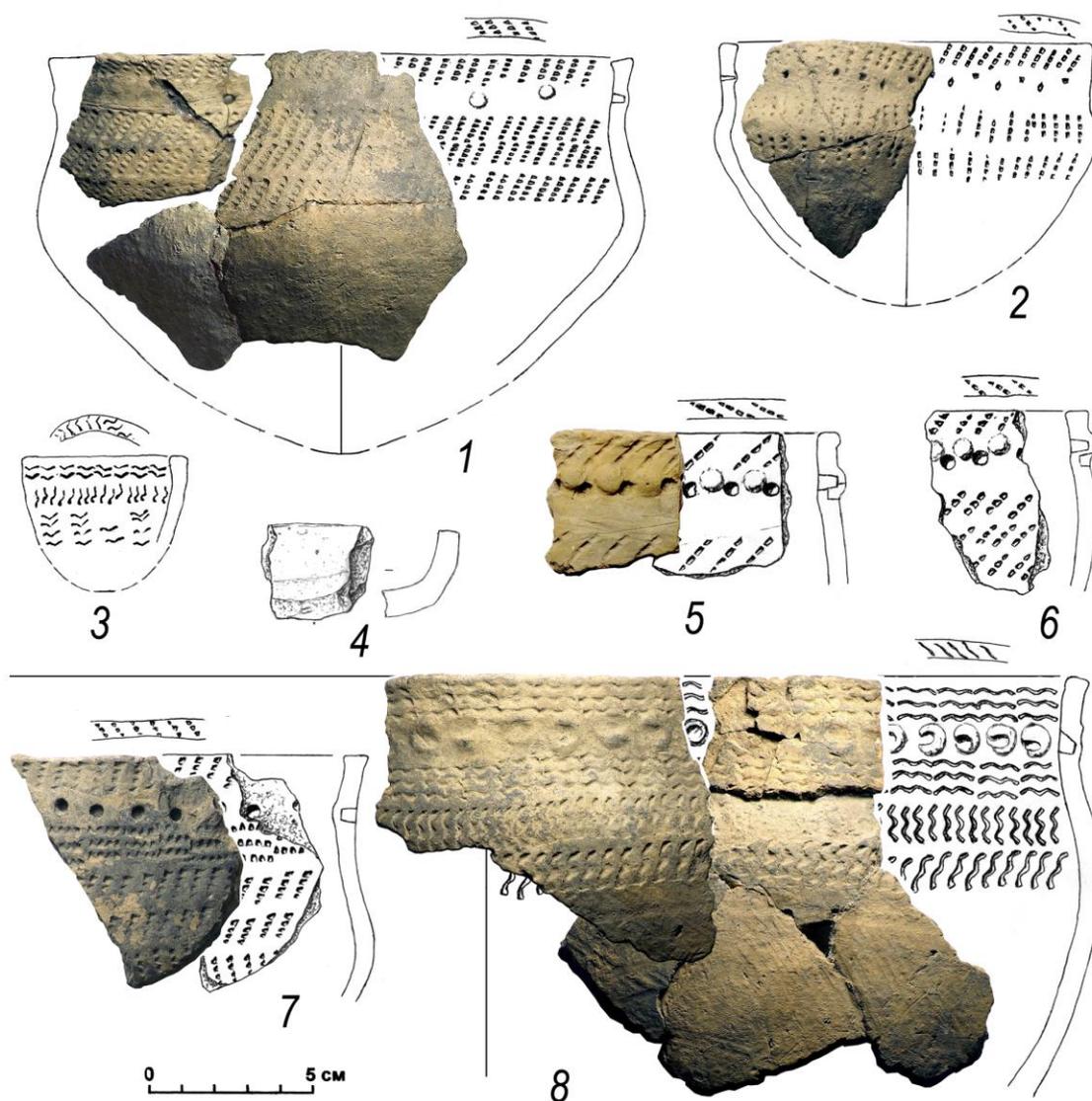


Рис. 5. Городище Барсов городок I/7:  
 1–8 – керамика сургутского варианта кулайской КИО  
 Fig. 5. Site Barsov gorodok I/7:  
 1–8 – ceramics of the surgut variant of the kiulaiskaya culture

Составление формовочных масс. На городище БГ I/5 выявлено 9 рецептов (рис. 6, 7):

- 1) глина + дресва (13 изд.);
- 2) глина + шамот (8 изд.);
- 3) глина + дресва + шамот (3 изд.);
- 4) глина + дресва + песок (3 изд.);
- 5) глина + шамот + песок (1 изд.);
- 6) глина + шамот + песок + органика (1 изд.).
- 7) глина + песок + органика (2 изд.);
- 8) глина + дресва + органика (1 изд.);
- 9) глина + дресва + шамот + органика (1 изд.).

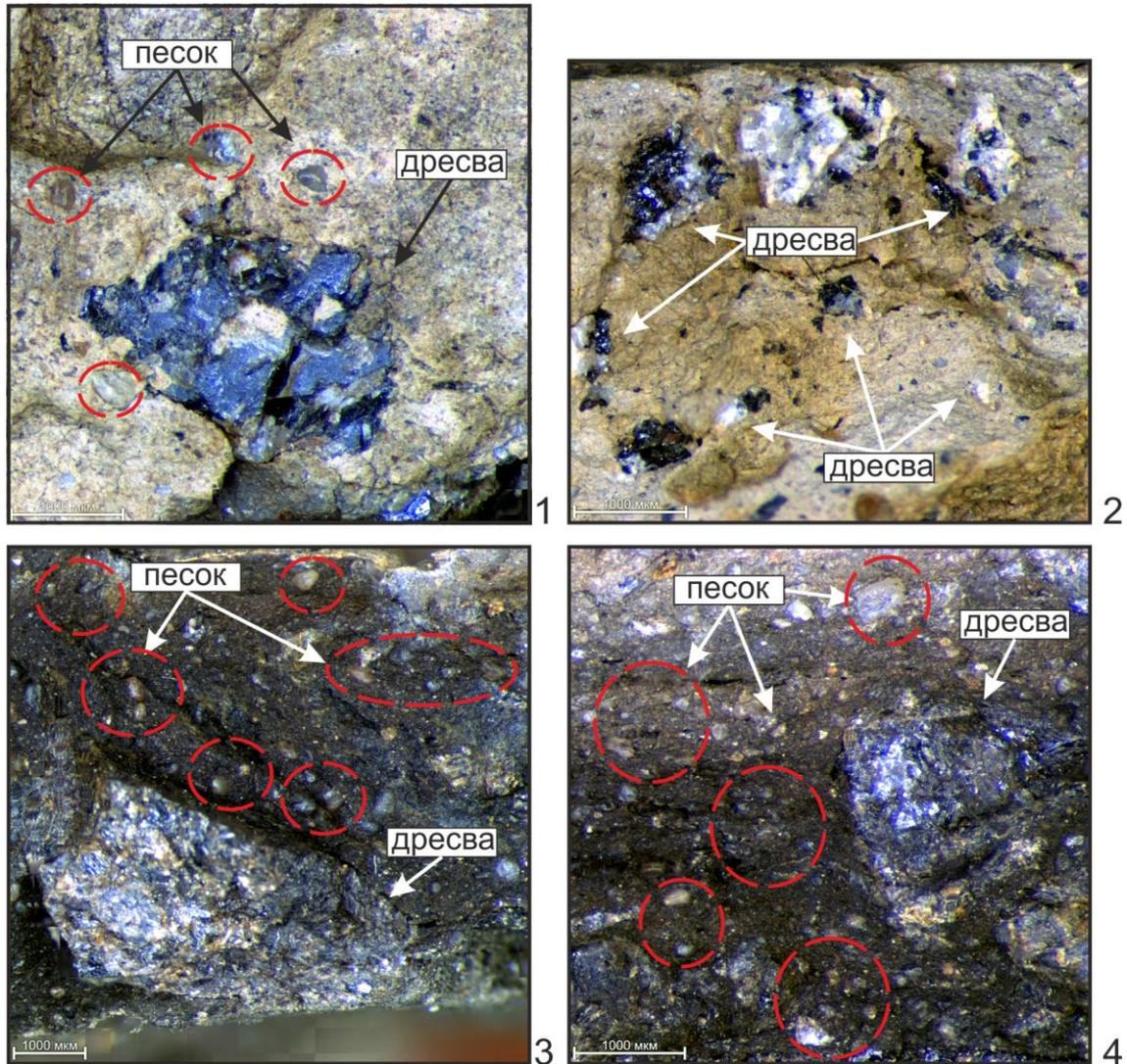


Рис. 6. Микрофотографии изломов керамики сургутского варианта кулайской КИО с городища Барсов городок I/5:

1 – дресва и песок; 2 – некалиброванная дресва; 3, 4 – дресва и песок

Fig. 6. Microphoto of ceramic fractures of the surgut variant of the kulai culture from the Barsov gorodok I/5:

1 – broken stone and sand; 2 – uncalibrated broken stone; 3, 4 – broken stone and sand

Минеральные искусственные примеси представлены дресвой, шамотом и песком (см. рис. 6, 7). Дресва из предварительно обожженных гранитоидов обнаружена в 21 сосуде в составе одно- и многокомпонентных рецептов (см. рис. 6, 7, 1). Фракции в подавляющем большинстве случаев не калибровали (19 изд.), в одном сосуде обнаружена калибровка по верхней границе ( $\leq 2$  мм), в еще одном – по нижней ( $\geq 1$  мм). Концентрация в исходном сырье следующая: 1 : 3 (1 изд.); 1 : 4 (8 изд.); 1 : 5 (6 изд.); 1 : 6 (4 изд.); 1 : 7 (2 изд.). По имеющимся к настоящему моменту данным можно предположить, что каменное сырье для изготовления различных орудий труда и дресвы могли доставляться из других регионов и / или добываться из пока не известных залежей магматических пород на Барсовой Горе и в ближайшей округе.

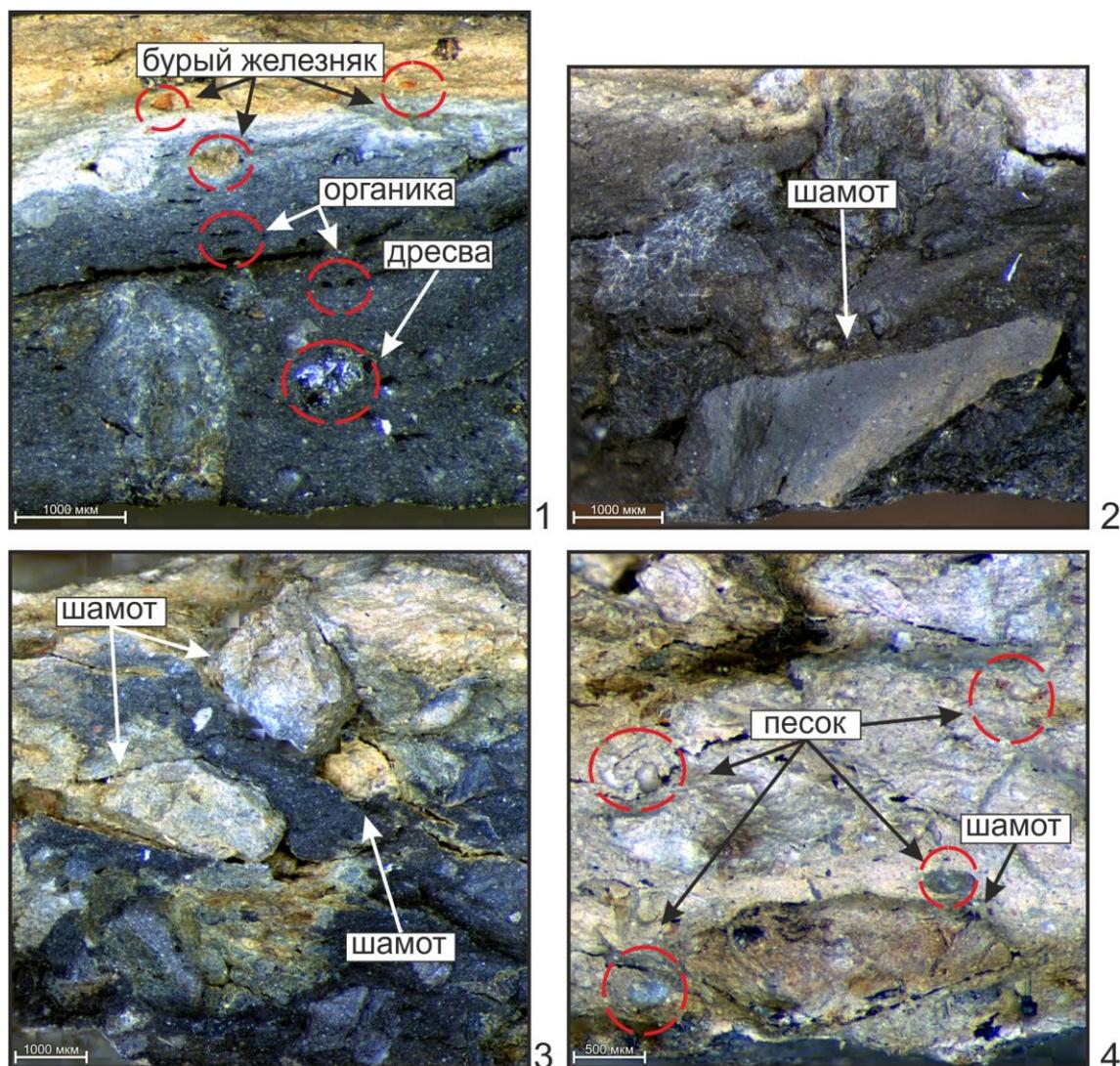


Рис. 7. Микрофотографии изломов керамики сургутского варианта кулайской КИО с городища Барсов городок I/5:

1 – дресва, органика и включения бурого железняка; 2, 3 – шамот; 4 – песок и шамот

Fig. 7. Microphoto of ceramic fractures of the surgut variant of the kulai culture from the Barsov gorodok I/5:

1 – broken stone, organics and brown iron ore; 2, 3 – chamotte; 4 – sand and chamotte

Шамот обнаружен в 14 изделиях в составе одно- и многокомпонентных рецептов (см. рис. 7, 2–4). Выявлены случаи калибровки фракций по верхней границе ( $\leq 2$  мм; 5 изд.) и по нижней ( $\geq 2$  мм; 1 изд.), в остальных случаях (8 изд.) примесь не калибровалась. Концентрация в исходном сырье следующая: 1 : 3 (1 изд.); 1 : 4 (2 изд.); 1 : 5 (3 изд.); 1 : 6 (5 изд.); 1 : 7 (1 изд.); 1 : 8 (1 изд.); 1 : 9 (1 изд.). Наиболее употребляемым соотношением является 1 : 4–6 (12 изд.). В шамоте установлены включения мелкого окатанного песка и бурого железняка. Сходство выявленных примесей в шамоте с естественными примесями глины 1 может указывать на устойчивость отбора этого подвида как исходного сырья для изготовления посуды. В одном изделии обнаружена примесь искусственной дресвы в шамоте.

Искусственный мелкий окатанный прозрачный и глухой песок определен в 7 изделиях в составе многокомпонентных рецептов (см. рис. 6, 1, 3, 4; 7, 4). Концентрация следующая: 1 : 1 (6 изд.); 1 : 3 (1 изд.).

Искусственная примесь органики определена в 5 сосудах в составе многокомпонентных рецептов (см. рис. 7, 1). Она зафиксирована в виде очень мелких вытянутых полостей, покрытых изнутри нагаром.

Глина 1 использовалась со всеми рецептами формовочной массы, кроме единичного рецепта № 6. Глина 2 использовалась вместе с однокомпонентными рецептами с дресвой и шамотом и с многокомпонентным рецептом № 6.

На городище БГ I/7 установлено три рецепта:

- 1) глина + дресва + органика (2 изд.);
- 2) глина + шамот (2 изд.);
- 3) глина + дресва + шамот (1 изд.).

Дресва и шамот (рис. 8, 1, 2, 4) не калибровались при введении в формовочную массу, концентрация дресвы составляет 1 : 5–6, шамота – 1 : 4–5 (3 изд.) и 1 : 8 (1 изд.). Применялась органическая примесь двух видов: 1) органический раствор, зафиксированный в виде аморфных пустот, заполненных изнутри черным глянцевым налетом (рис. 8, 3); 2) в виде очень мелких вытянутых полостей, покрытых изнутри нагаром.

*Конструирование полого тела.* Способы конструирования полого тела определялись по изломам венчиков и стенок посуды. На городище БГ I/5 полое тело наращивалось преимущественно при помощи лоскутов (30 изд.). На трех сосудах зафиксированы признаки ленточного налета с наложением, для которого характерно то, что верхний край нижней ленты не достигает уровня нижнего края верхней ленты [Щетлин, 2017, с. 110]. На трех емкостях установлены следы выбивки внешней поверхности полого тела гладкой колотушкой. На шести изделиях зафиксировано дополнительное наращивание венчика с внутренней стороны жгутиком диаметром до 2 см.

Для городища БГ I/7 установлены случаи использования лоскутного (2 изд.) и ленточного (1 изд.) налетов.

*Обработка поверхностей сосудов.* На городище БГ I/5 обе поверхности сосудов обрабатывались механическим заглаживанием, которое было выполнено при помощи различных инструментов в разнообразных сочетаниях.

Внешняя сторона заглаживалась зубчатым (12 изд.) и / или твердым гладким (17 изд.) орудием, пальцами (3 изд.), мягким материалом (тканью, кожей? – 4 изд.), травой (5 изд.). На одном сосуде зафиксировано заглаживание верхнего края венчика снаружи пальцами. Эти приспособления зафиксированы индивидуально (24 изд.) или в различных комбинациях (9 изд.). На одном сосуде следы от механического заглаживания также выполняют функцию технического узора, дополняя рельефный декор.

Внутренняя поверхность заглаживалась зубчатым орудием (21 изд.) и / или пальцами (6 изд.), мягким материалом (4 изд.), твердым орудием (3 изд.), травой (2 изд.). Особенностью обработки внутренней поверхности является заглаживание зубчатым орудием с внутренней стороны места перехода от плеча к тулову (7 изд.). Венчик с внутренней стороны дополнительно обрабатывался пальцами (8 изд.), мягким материалом (3 изд.). На 15 емкостях приспособления для заглаживания использовались индивидуально, на 25 – в различных комбинациях.

Установлено 22 варианта комбинирования разных инструментов обработки внешней и внутренней поверхностей. Самыми распространенными являются: 1) заглаживание внешней поверхности твердым гладким орудием, внутренней – зубчатым орудием, венчика с внутренней стороны – пальцами (4 изд.); 2) внешняя заглажена твердым гладким орудием, внутренняя – зубчатым (4 изд.); 3) обе поверхности заглажены зубчатым орудием (3 изд.); 4) обе поверхности заглажены твердым гладким орудием (3 изд.). Остальным группам соответствуют две и менее емкости.

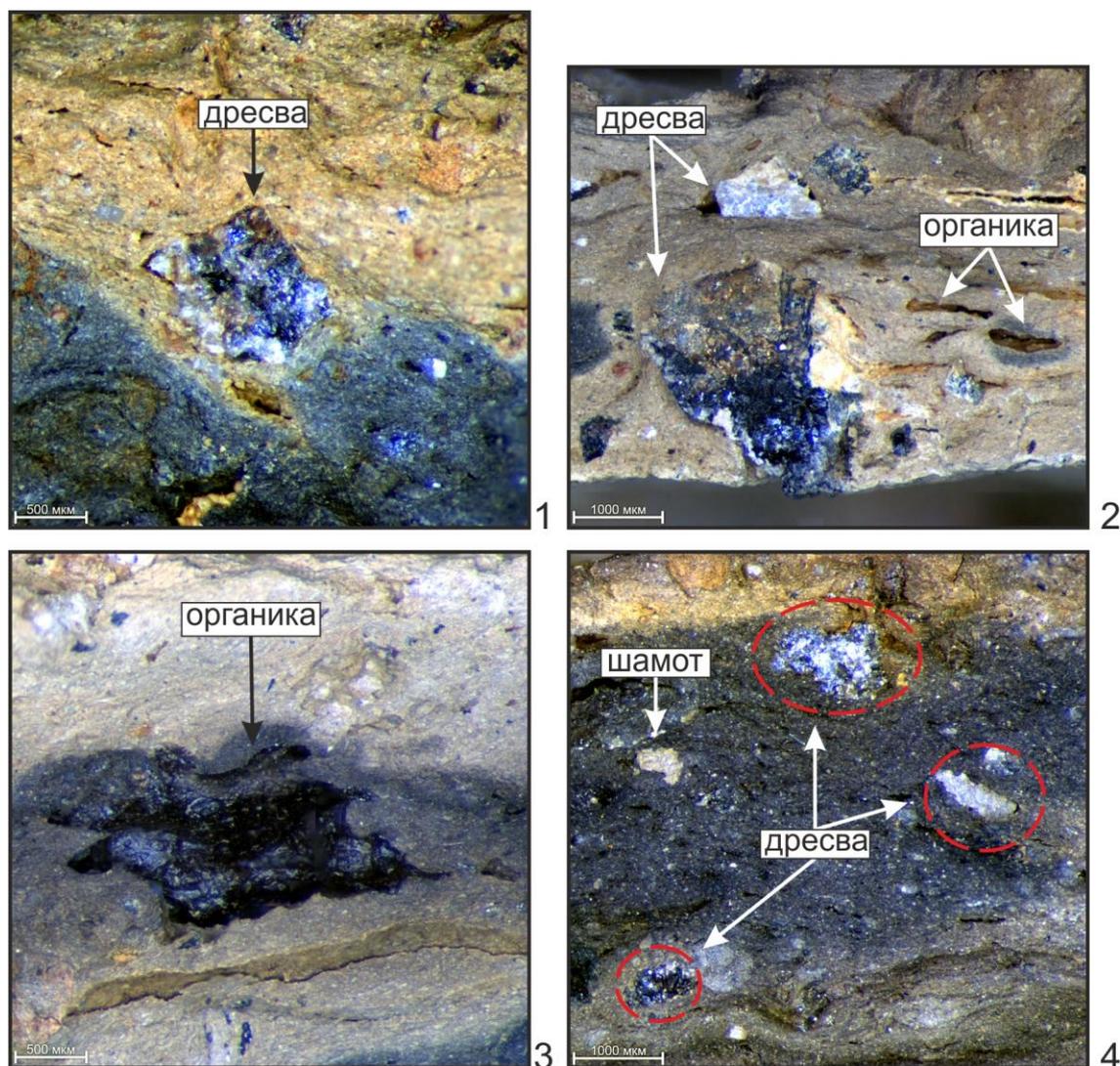


Рис. 8. Микрофотографии изломов керамики сургутского варианта кулайской КИО с городища Барсов городок I/7:

1 – дресва; 2 – дресва и органика; 3 – органика; 4 – дресва и шамот

Fig. 8. Microphoto of ceramic fractures of the surgut variant of the kulai culture from the Barsov gorodok I/7:

1 – broken stone; 2 – broken stone and organics; 3 – organic; 4 – broken stone and chamotte

Для городища БГ I/7 характерны те же приспособления механического заглаживания, что и для БГ I/5. Внешняя сторона заглаживалась зубчатым (4 изд.) и / или твердым гладким (2 изд.) орудием, пальцами (6 изд.). Внутренняя поверхность обработана при помощи зубчатого (3 изд.) и / или твердого гладкого (1 изд.) орудия, пальцев (6 изд.), мягкого материала (1 изд.). На четырех сосудах зафиксировано заглаживание зубчатым орудием с внутренней стороны места перехода от плеча к тулову. Определено четыре способа комбинирования разных инструментов обработки внешней и внутренней поверхностей, соответствующих парным или одинарным емкостям.

*Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости.* Посуда на обоих городищах обжигалась при температурах выше каления глины (от 550–650 до 900–1100°), на что ука-

зывает отсутствие остаточной пластичности и следов спекания глины до стекловидного состояния. На городище БГ I/5 изломы керамики одноцветные (темно-серый – 10 изд., светло-коричневый – 3 изд., светло-серый – 2 изд.), двухцветные – 16 изд., со светлыми краями и темным центром – 2 изд. На городище БГ I/7 зафиксированы изломы коричневого цвета – 1 изд., двухцветные – 2 изд., со светлыми краями и темным центром – 2 изд. В целом обжиг керамики на обоих памятниках мог проходить в двух режимах: в восстановительной и восстановительно-окислительной среде. Нагар обнаружен практически на всей посуде на внутренней и внешней поверхностях. Следует отметить, что на обоих городищах зафиксированы случаи вторичного использования фрагментов керамики как лошил.

С городища БГ I/5 нами были исследованы два фрагмента от сосудов белоярской культуры. Оба изготовлены из ожелезненных слабозапесоченных глин с естественной примесью окатанного бурого железняка. Зафиксирован один рецепт формовочной массы – глина + шамот + органика в виде мелких вытянутых полостей. Шамот не калибровался и вводился в пропорции 1 : 5–6. Внешняя поверхность заглажена твердым гладким орудием, внутренняя – зубчатым орудием или пальцами. В целом при сохранении традиции отбора глин как основного сырья для производства керамики, белоярская посуда с БГ I/5 отличается от кулайской оригинальным рецептом формовочной массы.

### Обсуждение результатов

К настоящему моменту нами проведено технико-технологическое исследование керамики сургутского варианта кулайской КИО на других памятниках Барсовой Горы: городищах БГ I/4, I/32, III/6, селище Барсова Гора III/2 (результаты исследования керамики городищ БГ I/32, III/6 опубликованы авторами этой статьи; публикации по памятникам БГ I/4 и III/2 находятся в печати). Так как на всех памятниках керамика проанализирована по единой методике, это позволяет ее корректно сопоставить.

Выделенные технико-технологические характеристики керамики с городищ БГ I/5 и I/7 в целом сопоставимы с характеристиками посуды сургутского варианта кулайской КИО с других памятников Барсовой Горы. У гончаров со всех проанализированных памятников было схожее представление о том, что ожелезненные глины являются необходимым сырьем для изготовления посуды. При составлении формовочных масс использовался схожий набор искусственных добавок, таких как дресва, шамот, песок, органика. Самыми распространенными рецептами формовочной массы являются однокомпонентные: глина + дресва, глина + шамот, и один смешанный: глина + дресва + шамот. Искусственный песок выявлен только в составе многокомпонентных рецептов, наибольшее количество сосудов с этой примесью (15 %) зафиксировано на БГ I/4, который входит в линию береговых кулайских городищ. Возможно, появление искусственной примеси песка связано с взаимодействием с северными группами кулайского населения. Так, по полученным нами предварительным данным, однокомпонентные рецепты с песком обнаружены в кулайской посуде селищ Нёх-урий 4.1 и Нёх-урий 3.2 в бассейне Агана (руководитель работ К. Г. Карачаров). Введение органических примесей зафиксировано на городищах БГ I/4, III/6, I/32, селище Барсова Гора III/2, однако рецепты с органикой не составляют значительную долю от общего числа исследованной керамики. Полное тело конструировалось на разных памятниках при помощи различных строительных элементов. Отличительной особенностью городищ БГ I/5, I/7 является использование при конструировании полого тела лоскутного налепа. Отдельные случаи использования лоскутного налепа уже были зафиксированы нами на селище Барсова Гора III/2. При этом зафиксированы и сосуды, изготовленные при помощи лент с наложением. Подобная ситуация может объясняться сосуществованием на городищах БГ I/5 и I/7 кулайского населения с двумя разными гончарными традициями конструирования полого тела. Это может быть связано с притоком нового населения на Барсову Гору или, скорее, с влиянием предшествующих традиций.

Характерным технологическим приемом для поздних проанализированных памятников является дополнительное оформление венчика с внутренней стороны небольшим жгутиком и его дополнительного заглаживания пальцами или мягким материалом. Отличительной особенностью кулайской керамики на Барсовой Горе является и разнообразие комбинаций инструментов механической обработки внешней и внутренней поверхностей посуды. На разных поселенческих памятниках сургутского варианта кулайской КИО выявлено до 39 вариантов комбинирования разных инструментов обработки внешней и внутренней поверхностей (городище БГ I/4). В обработке поверхностей выделяется специфический прием заглаживания зубчатым орудием с внутренней стороны места перехода от плеча к тулову, установленный на разных памятниках.

Технологические традиции в гончарстве сургутского варианта кулайской КИО отличаются от других региональных вариантов этой общности. В Томско-Нарымском Приобье для производства посуды наряду с ожелезненными, отбирались и не ожелезненные глины. Доля последних на некоторых памятниках достигала 86 %. Исследователями отмечены и случаи смешения двух разных глин, что не характерно для гончарства сургутского варианта кулайской КИО. В этом регионе доля органических примесей в формовочную массу более высока, а самым распространенным рецептом формовочной массы является глина + дресва + органика [Степанова и др., 2021, с. 57–59].

В гончарстве новосибирского варианта кулайской КИО отмечено использование природных глин средней пластичности. Самый распространенный рецепт формовочной массы – глина + дресва. Шамот зафиксирован в составе одно- и многокомпонентных рецептов, доля которых значительно ниже однокомпонентного рецепта с дресвой. Органический раствор использовался редко, доля рецептов с этой добавкой на могильнике Каменный Мыс не превышает 8 %. Полное тело изготовлено лоскутным налепом. Обработка поверхности проводилась с помощью механического заглаживания. При этом способов комбинирования разных инструментов для обработки поверхности гораздо меньше, чем в гончарстве сургутского варианта кулайской КИО.

### Заключение

Технико-технологический анализ керамики сургутского варианта кулайской КИО городищ БГ I/5, I/7 позволяет определить следующее содержание ступеней гончарного производства.

1. По представлениям гончаров отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные глины. На городище БГ I/5 выделено два подвида глины, которые отличаются по характеру естественных примесей.

2. Основными рецептами формовочной массы являются несмешанные: глина + дресва и глина + шамот.

3. Как искусственная добавка на городище БГ I/5 применялся мелкий окатанный песок, вводимый в исходное сырье в пропорции 1 : 1.

4. Конструирование полого тела на обоих памятниках производилось при помощи лоскутов и лент с наложением.

5. Венчики сосудов с городища БГ I/5 могли дополнительно оформляться при помощи жгутика диаметром до 1 см. Отсутствие этого специфического технологического приема на керамике городища БГ I/7 может являться результатом малой выборки или маркировать более ранний период существования этого памятника.

6. Разнообразны комбинации инструментов для обработки поверхности, на городище БГ I/5 установлено 22 варианта. На городище БГ I/7 для 5 сосудов установлено 4 варианта. На обоих памятниках выделяется специфический прием заглаживания зубчатым орудием с внутренней стороны места перехода от плеча к тулову.

7. Посуда могла обжигаться в восстановительной и восстановительно-окислительной среде.

Гончарные навыки населения городищ БГ I/5 и I/7 в целом вписываются в общие традиции, характерные для гончарства сургутского варианта кулайской КИО Барсовой Горы. К ним относится сходство в используемом исходном сырье, близкий ассортимент искусственных добавок и рецептов формовочных масс, вариативность в обработке поверхностей, наличие специфических технологических навыков (оформление венчика жгутиком и заглаживание зубчатым орудием перехода от венчика к тулову с внутренней стороны). Разница проявляется в навыках конструирования полого тела и в использовании песка как искусственной примеси. Использование лоскутного налёпа вместе с ленточным отражает сосуществования на этих городищах двух групп гончаров с разными навыками конструирования полого тела. Это может быть связано как с взаимодействием внутри этих городищ населения с разными технологическими традициями, так и с влиянием более ранних гончарных традиций предшествующих культур, известных на Барсовой Горе. Добавка песка может быть связана с взаимодействием населения сургутского варианта кулайской КИО с более восточными кулайскими группами, для которых эта примесь является доминирующей, или является результатом смешения с более ранней гончарной традицией.

Продолжение исследования керамических коллекций разных памятников Барсовой Горы, обработанных по единой методике, даст возможность их корректного сопоставления между собой и позволит реконструировать историко-культурные процессы, происходившие на этой территории в древности.

### Список литературы

- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Электронный каталог эталонов по керамической трасологии. Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog> (дата обращения 01.01.2022).
- Лопатина О. А., Каздым А. А.** О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 46–57.
- Морозов В. М., Чемякин Ю. П.** Береговые кулайские городища на Барсовой Горе // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга): Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 201–230.
- Салугина Н. П.** Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения искусственного или естественного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 68–71.
- Степанова Н. Ф., Плетнёва Л. М., Рыбаков Д. Ю.** Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2021. № 69. С. 55–61. DOI 10.17223/19988613/69/7
- Троицкая Т. Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 128 с.
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.
- Цетлин Ю. Б.** Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.

- Чемякин Ю. П.** Сургутское Приобье в эпохи бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. С. 60–74.
- Ширин Ю. В.** О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // РА. 2004. № 2. С. 51–60.
- Ширин Ю. В.** Хронология Няксимволя // Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 33–52.

### References

- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study.]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Samara, SamSPU Press, 1999, pp. 5–109. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. P.** Surgutskoe Priob'e v epokhi bronzy i rannego zheleza [Surgut Priobye in the Bronze and Early Iron Ages] In: Kul'turnye i khozyaistvennye traditsii narodov Zapadnoi Sibiri [Cultural and economic traditions of the peoples of Western Siberia]. Novosibirsk, NSPI Publ., 1989, pp. 60–74. (in Russ.)
- Lopatina O. A., Kazdym A. A.** O estestvennoi primesi peska v drevnei keramike (k obsuzhdeniyu problemy) [On the natural admixture of sand in ancient ceramics (to discuss the problem)]. In: Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya [Ancient pottery: results and perspectives of the study]. Moscow, IA RAS Publ., 2010, pp. 46–57. (in Russ.)
- Morozov V. M., Chemyakin Yu. P.** Beregovye kulaiskie gorodishcha na Barsovoi Gore [Coastal Kulai settlements on the Barsovaya Gora]. In: Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Fedorovicha Geninga) [Archeology of the Urals and Western Siberia (To the 80<sup>th</sup> anniversary of the birth of Vladimir Fedorovich Gening)]. Ekaterinburg, UrSU Publ., 2005, pp. 201–230. (in Russ.)
- Salugina N. P.** Identifikatsiya rakoviny v sostave drevnei keramiki: kriterii razlicheniya iskusstvennogo ili estestvennogo kharaktera [Identification of a shell in the composition of ancient ceramics: criteria for distinguishing artificial or natural character]. In: Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki [Traditions and innovations in the study of ancient ceramics]. St. Petersburg, IIMK RAS Publ., 2016, pp. 68–71. (in Russ.)
- Shirin Yu. V.** Khronologiya Nyaksimvola [Chronology of Nyaksimvol]. In: Nyaksimvol'. Tomsk, Khanty-Mansiysk; TSU Publ., 2014, pp. 33–52. (in Russ.)
- Shirin Yu. V.** O rannikh kulajskikh pamyatnikakh Verkhnego Priob'ya [About the early Kulai monuments of the Upper Ob region]. *Russian archeology*, 2004, no. 2, pp. 51–60. (in Russ.)
- Stepanova N. F., Pletneva L. M., Rybakov D. Yu.** Features of initial raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk Ob region. *Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 69, pp. 55–61. (in Russ.) DOI 10.17223/19988613/69/7
- Troitskaya T. N.** Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Kulai culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 128 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)
- Vasileva I. N., Salugina N. P.** Elektronnyi katalog etalonov po keramicheskoi trasologii [Electronic catalog of etalons for ceramic tracing]. Samara, 2020. (in Russ.) URL: <http://archsamara.ru/katalog> (accessed 01.01.2022).

**Информация об авторах**

**Дмитрий Вадимович Селин**, кандидат исторических наук, научный сотрудник  
**Юрий Петрович Чемякин**, кандидат исторических наук, доцент

**Information about the Authors**

**Dmitrii V. Selin**, Candidate of Sciences (History), Researcher  
**Yuriy P. Chemyakin**, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 25.01.2022;  
одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 25.02.2022  
The article was submitted 25.01.2022;  
approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 25.02.2022*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-89-98

## Раннесредневековое зеркало с «надписью» из комплекса Ближние Елбаны (лесостепной Алтай)

Николай Николаевич Серегин<sup>1</sup>  
Святослав Сергеевич Радовский<sup>2</sup>  
Людмила Ивановна Чегодаева<sup>3</sup>

<sup>1,2</sup> Алтайский государственный университет  
Барнаул, Россия

<sup>3</sup> Бийский краеведческий музей  
Бийск, Россия

<sup>1</sup> nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

<sup>2</sup> radovskiy1996@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>

<sup>3</sup> liudmilatchegodaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8686-1386>

### Аннотация

Публикуется малоизвестное металлическое зеркало, обнаруженное на площади комплекса Ближние Елбаны в лесостепном Алтае и в настоящее время находящееся в собрании Бийского краеведческого музея имени В. В. Бианки. Приведена характеристика изделия, а также история его поступления в музей. Определен круг аналогий редкому зеркалу, указывающий на его «западное» или среднеазиатское происхождение. Отдельно рассмотрена «надпись», нанесенная на предмет поверх циркульного орнамента и, вероятно, представляющая собой имитацию арабской благожелательной надписи. Анализ зеркала, а также других предметов, предположительно, происходящих из разрушенного погребения, позволяет отнести данный объект к сротскинской археологической культуре и датировать в рамках конца I – начала II тыс. н. э. с возможным сужением обозначенной хронологии границами X в. н. э. Зафиксированный набор изделий (зеркало, двусоставная застежка, копоушка, пуговица, бусы и др.) демонстрирует женское захоронение, сооруженное для представительницы элиты раннесредневекового общества лесостепного Алтая.

### Ключевые слова

металлическое зеркало, Алтай, сротскинская культура, раннее Средневековье, социальная история, музей

### Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-18-00179). Работа с музейными коллекциями осуществлена в рамках программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030»

### Для цитирования

Серегин Н. Н., Радовский С. С., Чегодаева Л. И. Раннесредневековое зеркало с «надписью» из комплекса Ближние Елбаны (лесостепной Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 89–98. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-89-98

© Серегин Н. Н., Радовский С. С., Чегодаева Л. И., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 89–98  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 89–98

## An Early Medieval Mirror with an “Inscription” from the Blizhnie Elbany Complex (Forest-Steppe Altai)

Nikolai N. Seregin<sup>1</sup>, Svyatoslav S. Radovsky<sup>2</sup>, Lyudmila I. Chegodaeva<sup>3</sup>

<sup>1,2</sup> Altai State University  
Barnaul, Russian Federation

<sup>3</sup> Biysk Museum of Local Lore  
Biysk, Russian Federation

<sup>1</sup> nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

<sup>2</sup> radovskiy1996@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>

<sup>3</sup> liudmilatchegodaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8686-1386>

### Abstract

*Purpose.* Important evidence of external contacts of the Altai population in the early Middle Ages is the “imported” items found during excavations of archaeological sites. Most of these products show a different kind of relationship with China. Much more fragmentary is the material evidence of contacts of nomads in other directions. Therefore, it is quite clear that any new information in this regard requires separate consideration and detailed interpretation. This article presents the characteristics of a little-known metal mirror from the collection of the Biysk Museum of Local Lore after V. V. Bianki.

*Results.* The study of the museum documentation made it possible to establish that the mirror was discovered as a result of excavations or collections carried out by M. D. Kopytov in 1924 near the Ust-Bolshaya Rechka village (Blizniye Elbany complex) in the Forest-Steppe Altai. According to the available data, this find, as well as a number of other items, may come from a destroyed burial. The key characteristic of the mirror ornamentation is small circular circles with a dot in the center. The range of analogies to the subject under consideration, which is not characteristic of the material culture of the Altai population, indicates its “western” or Central Asian origin. A kind of “inscription” applied to an object over a circular ornament, probably, is an imitation of an Arabic benevolent inscription.

*Conclusion.* Analysis of the mirror, as well as other objects, presumably originating from the destroyed burial, allows attributing this object to the Srostki archaeological culture and dating within the framework of the end of the 1<sup>st</sup> – the beginning of the 2<sup>nd</sup> millennium AD with a possible narrowing of the designated chronology by the boundaries of the 10<sup>th</sup> century AD. A set of items (mirror, two-piece fastener, button, beads, etc.) demonstrates a female burial, built for a representative of the elite of the early medieval society of the Forest-Steppe Altai.

### Keywords

metal mirror, Altai, Srostki archaeological culture, early Middle Ages, social history, museum

### Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00179). Research of museum collections was carried out within the framework of the “Priority-2030” Program by the Altai State University

### For citation

Seregin N. N., Radovsky S. S., Chegodaeva L. I. An Early Medieval Mirror with an “Inscription” from the Blizhnie Elbany Complex (Forest-Steppe Altai). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 89–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-89-98

## Введение

Важным свидетельством внешних контактов населения Алтая в раннем Средневековье являются «импортные» предметы, обнаруживаемые в ходе раскопок археологических памятников или фиксируемые в виде случайных находок. Большая часть таких изделий демонстрирует разного рода отношения с Китаем. Примерами подобных материалов выступают фрагменты шелка, металлические зеркала и монеты, демонстрирующие динамику связей кочевников с южным соседом на протяжении второй половины I – начала II тыс. н. э. Гораздо более фрагментарны материальные свидетельства контактов кочевников в других направлениях. Они представлены единичными яркими находками, которые закономерно привлекают особое внимание исследователей (см.: [Кубарев, 1992; Seregin et al., 2021] и др.). Поэтому вполне понятно, что любая новая информация в этом отношении требует отдельного рассмотрения и детальной интерпретации. В настоящей статье представлена характеристика малоизвестно-

го металлического зеркала из собрания Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки, происходящего из комплекса Ближние Елбаны в лесостепном Алтае. Анализ этого редкого изделия позволяет затронуть ряд частных аспектов этнокультурной и социальной истории населения Алтая в раннем Средневековье.

### Характеристика металлического зеркала

Металлическое зеркало из собрания Бийского краеведческого музея (рис. 1) представляет собой круглый и довольно тонкий плоский диск диаметром 8,4 см. Предмет состоит из двух частей, образованных в результате разлома. По краю зеркала слегка выделен бортик высотой до 0,18 см, ограниченный узким валиком. Толщина основной части предмета – до 0,12 см. В центре зеркала имеется шишка-петля высотой 0,7 см с округлым отверстием диаметром до 0,32 см. Вокруг нее в отдельной неровной орнаментальной зоне, обозначенной незаконченным желобком, нанесены четыре циркульные окружности диаметром до 0,38 см с точкой в центре. Основную орнаментальную зону составляет пояс из 14 таких же циркульных окружностей, отделенный от края зеркала узким валиком. Поверх них, очевидно, позже нанесены своеобразные знаки, напоминающие арабскую надпись. Один из таких символов «заходит» и в центральную часть зеркала.

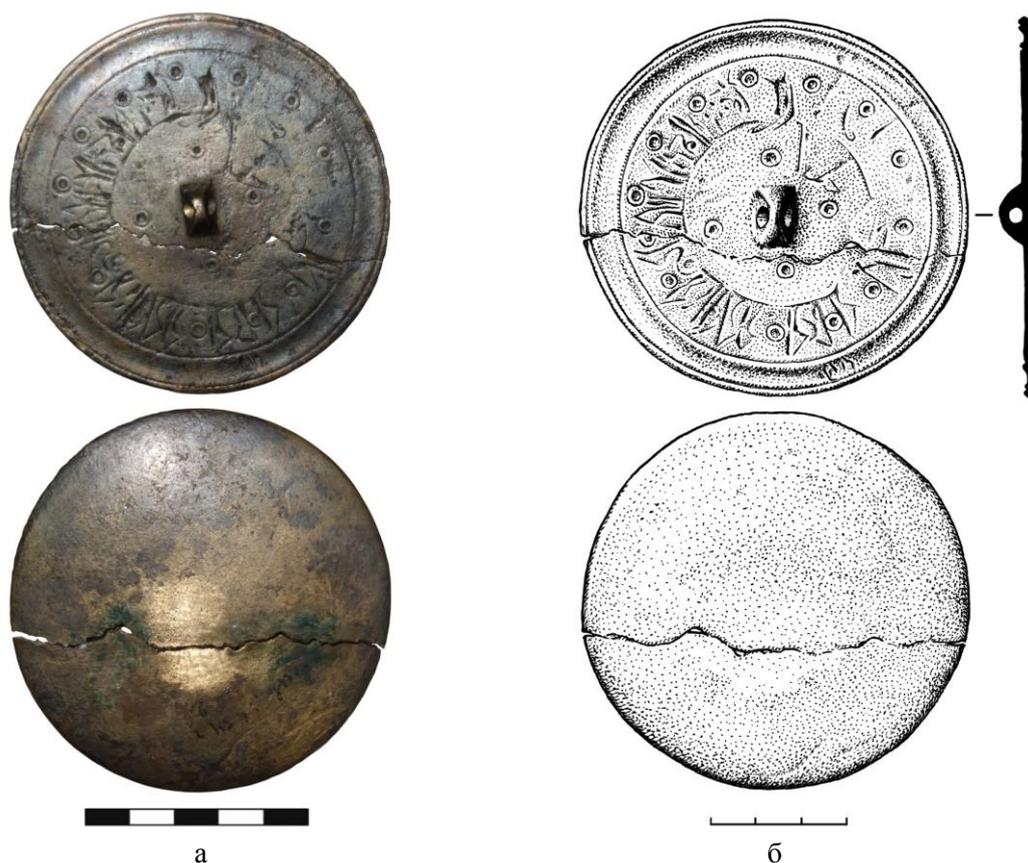


Рис. 1. Металлическое зеркало из собрания Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки (колл. № 28/1). Фото (а) и рисунок (б)

Fig. 1. Metal mirror from the collection of the Biysk Museum of Local Lore after V. V. Bianki (coll. no. 28/1). Photo (a) and picture (b)

Зеркало в целом имеет хорошую сохранность. Тыльная сторона изделия покрыта «благородной» патиной серовато-серебристого цвета; следы коррозии практически не фиксируются. На гладкой лицевой стороне, которая имеет коричневатый оттенок, вероятно, вследствие полировки или очистки, видны царапины.

Согласно книге поступлений Бийского краеведческого музея, зеркало входит в коллекцию № 28 (старый № 843), включающую 44 предмета, под первым номером. Судя по приведенным сведениям, эти изделия получены в результате раскопок или сборов, осуществленных М. Д. Копытовым в 1924 г. близ с. Усть-Большая речка (комплекс памятников Ближние Елбаны). Кроме того указано, что коллекция обработана С. М. Сергеевым, а запись в книге поступлений сделана в 1954 г.

Металлическое зеркало из собрания Бийского краеведческого музея использовано М. П. Грязновым [1951, с. 112] при характеристике предметного комплекса сrostкинской культуры Верхней Оби на основе материалов раскопок в пункте Ближние Елбаны. Анализируемое изделие никак не представлено в тексте, но в схематичном виде помещено в раздел «Таблицы», иллюстрирующий объекты IX–X вв. н. э. [Там же, рис. 30, 179].

В известной монографии 1956 г. М. П. Грязнов, напротив, не привел рисунок зеркала, однако обратил на него внимание в тексте при характеристике материалов раскопок могильника Ближние Елбаны V. По информации исследователя, в данном пункте М. Д. Копытов обнаружил серию бронзовых вещей, происходящих из одного погребения. В их числе было «зеркало с процарапанным на нем подражанием куфической надписи» [Грязнов, 1956, с. 148].

Из приведенной информации в целом понятны обстоятельства и контекст обнаружения металлического зеркала, которое может происходить из разрушенного захоронения, выявленного в рамках известного комплекса памятников Ближние Елбаны в Топчихинском районе Алтайского края. Очевидно, в связи с фрагментарностью публикации, данное изделие в последующие годы не привлекало внимания специалистов и не было использовано в специальных работах. Вместе с тем по ряду характеристик данная находка является весьма показательной и требует отдельного подробного рассмотрения.

### Основные аспекты интерпретации находки

Металлическое зеркало из собрания Бийского краеведческого музея относится к немногочисленной группе привозных предметов «некитайского» происхождения, обнаруженных на территории Алтайского края. Отличие таких изделий от хорошо известных экземпляров из Поднебесной империи наблюдается по целому ряду показателей (форма, цвет, орнамент и др.). Ближайшими аналогиями рассматриваемой находке являются два фрагмента зеркал, происходящие из погребений сrostкинской культуры. Первое такое изделие зафиксировано в ходе раскопок могилы 9 некрополя Ближние Елбаны XVI, расположенного в непосредственной близости от места обнаружения предмета из Бийского краеведческого музея [Абдулганеев и др., 1995, рис. 2, 8; Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXVI]. Отметим, что на предмете хорошо видны следы пропилов, очевидно, связанные с процессом поломки. К сожалению, зеркало является единственной находкой в захоронении, что не позволяет уточнить его хронологию. Второй известный фрагмент изделия с циркульным орнаментом выявлен при исследовании кургана № 10 памятника Рогозиха I в Павловском районе Алтайского края – в целом, в той же части региона [Уманский и др., 2005, рис. 34, 12; Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIX]. Предметный комплекс из погребения дает основания для датировки объекта в рамках второй половины X – первой половины XI в. н. э. [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176]. Еще одной территориально близкой аналогией являются зеркала из Егозовского клада, обнаруженного на территории Кемеровской области [Боброва, Ширин, 2016, рис. 3, 1, 3]. По мнению Л. Ю. Бобровой и Ю. И. Ширина [Там же, с. 21], данный комплекс был сформирован в IX–X вв. н. э.

Редкость металлических зеркал с циркульным орнаментом на Алтае и в соседних регионах, очевидно, связана с тем, что такие изделия представляли собой предметы «импорта», полученные в ходе прямых или опосредованных контактов с населением других территорий. Анализ имеющихся материалов показывает, что это было «западное» или среднеазиатское направление связей, фрагментарно фиксируемое по другим данным.

Несколько металлических зеркал с циркульным орнаментом в виде небольших окружностей с точкой в центре происходят из слоев городища Пенджикент, относящихся к VIII в. н. э. [Распопова, 1972, с. 67, рис. 1, 6–7]. Еще одно подобное изделие обнаружено в ходе раскопок разрушенного погребения с конем на некрополе Бел-Саз II в Кыргызстане [Табалдиев, 1999, с. 78, рис. 1, 4; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 57]. Судя по зафиксированным находкам, данный объект может быть датирован в рамках конца VIII – IX в. н. э. Кроме того, несколько фрагментов металлических зеркал с циркульным орнаментом выявлено в комплексах кимачев Верхнего Прииртышья [Археологические памятники..., 1987, рис. 66, 14; 113, 8].

Небольшая серия подобных металлических зеркал обнаружена в археологических памятниках IX–XI вв. н. э. в Западном Казахстане, причем на одной из находок нанесена руническая надпись [Кригер, 2012, рис. 23, A2; Базылхан, 2013, с. 96–97]. Известны также единичные аналогии на более западных территориях, связанные, главным образом, с хазарскими «древностями» (см.: [Равич, Флеров, 2000, рис. 2; Руденко, 2019, с. 177, рис. 2] и др.).

Сюжетом, требующим отдельного рассмотрения, является «надпись», нанесенная на зеркало поверх циркульного орнамента. Предварительно представляется возможным утверждать, что случай с экземпляром из Бийского краеведческого музея аналогичен ситуации, зафиксированной при анализе зеркала, обнаруженного в лесостепном Притоболье [Маслюженко, Ханов, 2012, рис. 1, 1; 2016, рис. 1, 3]. По мнению В. Н. Настича, символы на рассматриваемой находке могут представлять собой имитацию арабской благожелательной надписи, нанесенной мастером, далеким от арабо-мусульманской художественной и письменной культуры и, возможно, создававшим ее по памяти, не имея образца перед глазами [Маслюженко, Ханов, 2016, с. 73]. Знаки на упомянутом зеркале весьма схожи с таковыми, фиксируемыми на находке из комплекса Ближние Елбаны. Соответственно, прочтение «надписи» на зеркале из Бийского краеведческого музея не представляется возможным, хотя нельзя исключать, что дальнейший детальный анализ специалистами позволит уточнить ряд деталей, связанных с источником «копирования» и временем нанесения этих символов.

Помимо приведенных аналогий определенное значение для установления датировки металлического зеркала из собрания Бийского краеведческого музея имеет информация о находках, которые были выявлены М. Д. Копытовым вместе с обозначенным предметом и, вероятно, происходили из одного погребения (рис. 2). Введение в научный оборот и детальный анализ этих изделий, несомненно, требуют подготовки специальной статьи. В настоящей работе лишь кратко остановимся на их ключевых характеристиках, позволяющих представить общий облик разрушенного комплекса и, соответственно, контекст обнаружения зеркала.

М. П. Грязновым [1951, рис. 30, 196–197] в разделе «Таблицы», иллюстрирующем предметный комплекс населения сроткинской культуры, схематично приведены несколько находок из рассматриваемого объекта. В целом данные изделия характерны для населения обозначенной общности. Наиболее показательной из них является двусоставная застежка, обе части которой имеют фигурный щиток с умбоном в центре (рис. 2, 1). Схожие предметы, связанные с костюмом человека и предназначенные для фиксации противоположных краев одежды, известны как в захоронениях сроткинской культуры конца I – начала II тыс. н. э. [Абдулганеев, Егоров, 1995, рис. 2; Абдулганеев и др., 1995, рис. 3, 16–17], так и в синхронных комплексах на сопредельных территориях (см.: [Археологические памятники..., 1987, рис. 74, 11–12; Илюшин, 2012, рис. 30, 30–31, фото 28] и др.). Кроме того, в материалах раскопок некрополей Северной и Центральной Азии известна довольно представительная серия двусоставных застежек, несколько отличающихся по оформлению (см.: [Археологические памятники..., 1987, рис. 102, 5–8; Горбунов, Тишкин, 2001, рис. 1, 20–22; Могильников,

2002, рис. 157, 3] и др.). Схожий круг аналогий имеют копоушка с ажурным щитком, ажурная бляха-подвеска, пуговица и бусы (рис. 2, 2–5).

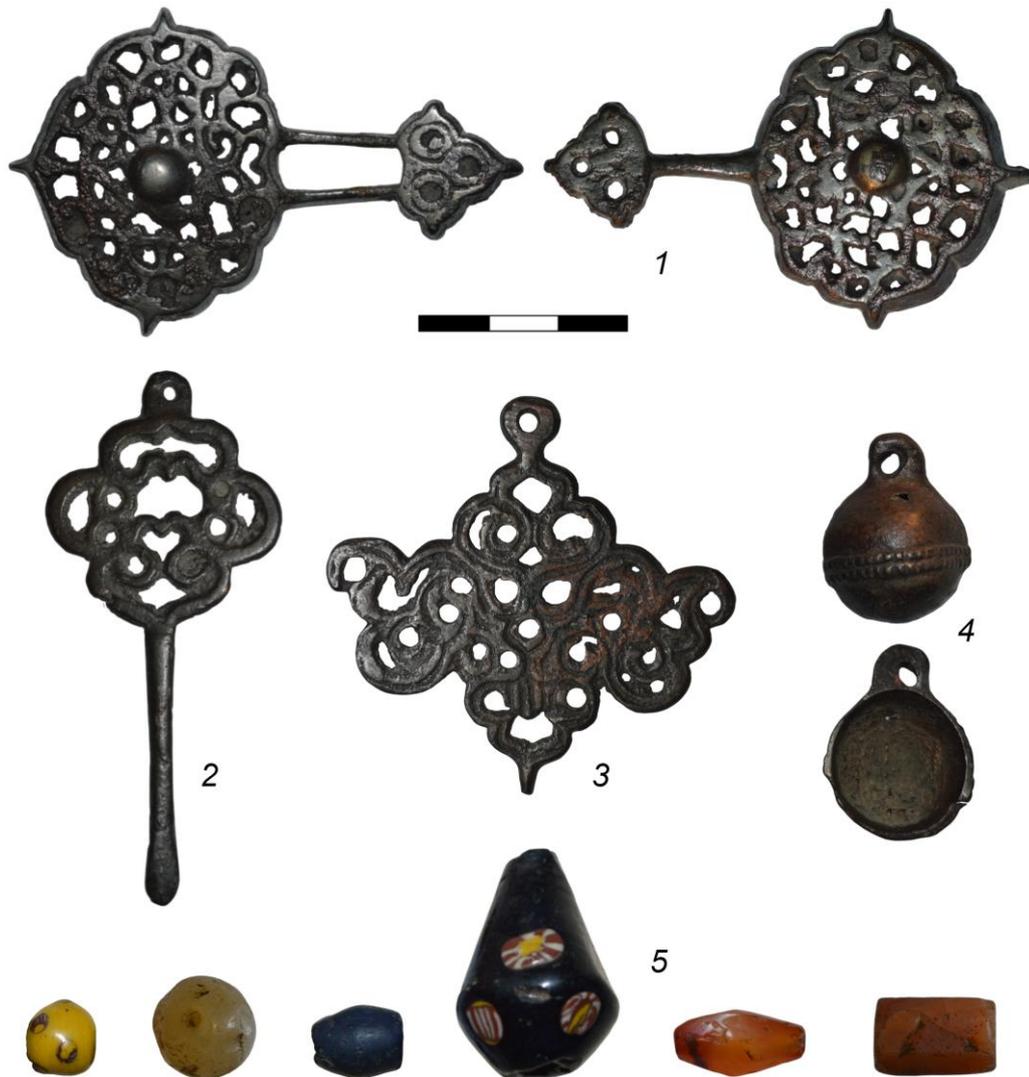


Рис. 2. Предметы из коллекции № 28 Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки:  
1–4 – цветной металл; 5 – камень, паста

Fig. 2. Items from collection № 28 of the Biysk Museum of Local Lore after V. V. Bianki:  
1–4 – non-ferrous metal; 5 – stone, paste

Весьма показателен состав предметного комплекса, предположительно происходящего из разрушенного погребения. Материалы раскопок некрополей сrostкинской культуры позволяют утверждать, что зафиксированный набор находок (металлическое зеркало, двусоставные застёжки, копоушка, пуговица, бусы и др.) характерен исключительно для женских захоронений. При этом очевидно, что умершая имела при жизни высокий статус. Судя по всему, небольшая серия подобных объектов, выявленная в ходе исследования памятников Алтая конца I – начала II тыс. н. э. (см.: [Горбунов, Тишкин, 2001, рис. 1, 2; Алехин, 2003, рис. 17; Грушин, Тишкин, 2004, рис. 1] и др.), демонстрирует особенности материальной и духовной культуры представительниц элиты сrostкинского социума.

### Заключение

Анализ имеющихся материалов показывает, что рассматриваемое металлическое зеркало из Бийского краеведческого музея представляет собой одно из редких свидетельств контактов раннесредневекового населения лесостепного Алтая в западном направлении. Изучение данной находки с привлечением аналогий из расположенных в непосредственной близости комплексов и объектов на сопредельных территориях, а также с использованием фрагментарных сведений о контексте обнаружения изделия позволяет отнести предмет к концу I – началу II тыс. н. э. с возможным сужением обозначенной датировки в рамках X в. н. э. Очевидно, данное зеркало связано с населением, оставившим некрополь сrostкинской археологической культуры на памятнике Ближние Елбаны. При этом выявленные находки демонстрируют высокий статус умершей, относившейся к представителям элиты социума. Рассматриваемое металлическое зеркало является примером значимости целенаправленного исследования музейных коллекций, в том числе собраний региональных музеев, зачастую лишь фрагментарно введенных в научный оборот. В частности, актуальными представляются детальная публикация и развернутый анализ предметов, полученных М. Д. Копытовым и демонстрирующих различные аспекты материальной культуры населения Алтая в древности и Средневековье.

### Список литературы

- Абдулганеев М. Т., Горбунов В. В., Казаков А. А.** Новые могильники второй половины I тысячелетия н. э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 243–252.
- Абдулганеев М. Т., Егоров Я. В.** Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1995. Вып. 5, ч. 2. С. 190–195.
- Алехин Ю. П.** Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул: Изд. управления архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 22–67.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.
- Базылхан Н.** Древнетюркские надписи с территории Казахстана // Рос. тюркология. 2013. № 2. С. 95–105.
- Боброва Л. Ю., Ширин Ю. В.** Егзовский клад // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 13–24.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А.** Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 281–287.
- Грушин С. П., Тишкин А. А.** Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 10. С. 239–243.
- Грязнов М. П.** Археологические исследования территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. 1951. Вып. 40. С. 105–113.
- Грязнов М. П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с. (МИА, № 48)
- Илюшин А. М.** Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.
- Кригер В. А.** Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск: ОФ «Евразийский союз ученых», 2012. 200 с.

- Кубарев В. Д.** Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25–36.
- Маслюженко Д. Н., Ханов С. А.** Позднесредневековый «клад» с территории лесостепного Притоболья: состав и интерпретация // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. С. 76–79.
- Маслюженко Д. Н., Ханов С. А.** Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2016. С. 69–76.
- Могильников В. А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Неверов С. В., Горбунов В. В.** Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 176–178.
- Равич И. Г., Флеров В. С.** Высокооловянные кованые восточные бронзы на территории Хазарии // РА. 2000. № 3. С. 134–146.
- Распопова В. И.** Зеркала из Пенджикента // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 65–69.
- Руденко К. И.** Металлические зеркала хазарского времени из погребальных памятников Среднего Поволжья // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова. Волгоград: Сфера, 2019. С. 174–180.
- Табалдиев К. Ш.** Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 78–81.
- Тишкин А. А., Серегин Н. Н.** Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.
- Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И.** Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 204 с.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш.** Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 293 с.
- Seregin N. N., Tishin V. V., Serov V. V.** “Forgotten” coin-shaped indication from the early medieval burial complex in Tuekta (Central Altai). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, no. 14 (1), pp. 85–97.

### References

- Abdulganeev M. T., Egorov Ya. V.** Novye raskopki na Blizhnikh Elbanakh [New excavations in Bliznie Elbany]. In: Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, BSPU Press, 1995, vol. 5, pt. 2, pp. 190–195. (in Russ.)
- Abdulganeev M. T., Gorbunov V. V., Kazakov A. A.** Novye mogil'niki vtoroi poloviny I tysyacheletiya n. e. v urochishche Blizhnie Elbany [New burial grounds of the second half of the 1<sup>st</sup> millennium AD in the tract Blizni Elbany]. In: Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noi Azii [Military Science and Medieval Archeology of Central Asia]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1995, pp. 243–252. (in Russ.)
- Alekhin Yu. P.** Rudnyi Altai v drevnosti i srednevekov'e [Ore Altai in antiquity and the Middle Ages]. In: Serebryanyi venets Rossii (Ocherki istorii Zmeinogorska) [Silver crown of Russia (Essays on the history of Zmeinogorsk)]. Barnaul, Izdanie upravleniya arkhivnogo dela administratsii Altaiskogo kraya, 2003, pp. 22–67. (in Russ.)
- Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopeniya Shul'binskoi GES [Archaeological sites in the flood zone of the Shulbinskaya hydroelectric power station]. Alma-Ata, Nauka, 1987, 280 p. (in Russ.)

- Bazykhan N.** Drevnetyurkskie nadpisi s territorii Kazakhstana [Ancient Turkic inscriptions from the territory of Kazakhstan]. *Rossiiskaya tyurkologiya* [Russian Turkology], 2013, no. 2, pp. 95–105. (in Russ.)
- Bobrova L. Yu., Shirin Yu. V.** Egozovskii klad [Egozovsky treasure]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2016, no. 2, pp. 13–24. (in Russ.)
- Gorbunov V. V., Tishkin A. A.** Prodolzhenie issledovaniia kurganov srostkinskoi kul'tury na Priobskom plato [Continued research of the burial mounds of the Srostkinskaya culture on the Priobskoye plateau]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, vol. 7, pp. 281–287. (in Russ.)
- Grushin S. P., Tishkin A. A.** Pogrebal'nye komplekсы epokhi rannego zheleza i srednevekov'ya severo-zapadnykh predgorii Altaya [Burial complexes of the Early Iron and Middle Ages in the northwestern foothills of Altai]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, vol. 10, pp. 239–243. (in Russ.)
- Gryaznov M. P.** Arkheologicheskie issledovaniya territorii odnogo drevnego poselka (Raskopki Severo-altaiskoi ekspeditsii v 1949 g.) [Archaeological research of the territory of one ancient village (Excavations of the North-Altai expedition in 1949)]. *KSIIMK* [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture], 1951, vol. 40, pp. 105–113. (in Russ.)
- Gryaznov M. P.** Istoriya drevnykh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village Bolshaya Rechka]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, 163 p. (in Russ.)
- Ilyushin A. M.** Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ya Ura [Mounds of late nomads near the mouth of the Ur]. Kemerovo, KuzSTU Press, 2012, 188 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh.** Drevnie tyurki na Tyan'-Shane [Ancient Turks in the Tien Shan]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, 293 p. (in Russ.)
- Kruger V. A.** Kochevniki Zapadnogo Kazakhstana i sopredel'nykh territorii v srednie veka (X–XIV vv.) [Nomads of Western Kazakhstan and adjacent territories in the Middle Ages (10<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries)]. Uralsk, Evraziiskii soyuz uchenykh, 2012, 200 p. (in Russ.)
- Kubarev V. D.** Palash s sogdiiskoi nadpis'yu iz drevnetyurkskogo pogrebeniya na Altae [Broadsword with a Sogdian inscription from an ancient Turkic burial in Altai]. In: *Severnaya Aziya i sosednie territorii v srednie veka* [North Asia and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka, 1992, pp. 25–36. (in Russ.)
- Maslyuzhenko D. N., Khanov S. A.** Pozdnesrednevekovyi “klad” s territorii lesostepnogo Pritobol'ya: sostav i interpretatsiya [Late medieval “treasure” from the territory of the forest-steppe Pre-Tobol region: composition and interpretation]. In: *Ural i Sibir' v kontekste razvitiya Rossiiskoi gosudarstvennosti* [Ural and Siberia in the context of the development of Russian statehood]. Kurgan, Kurgan State Uni. Press, 2012, pp. 76–79. (in Russ.)
- Maslyuzhenko D. N., Khanov S. A.** Zerkala mongolskogo i zolotoordynskogo vremeni s territorii lesostepnogo Pritobol'ya [Mirrors of the Mongolian and Golden Horde times from the territory of the forest-steppe Pre-Tobol region]. In: *Arkheologiya Srednego Pritobol'ya i sopredel'nykh territorii* [Archeology of the Middle Tobol region and adjacent territories]. Kurgan, Kurgan State Uni. Press, 2016, pp. 69–76. (in Russ.)
- Mogilnikov V. A.** Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaya v IX–XI vekakh [Nomads of the north-western foothills of Altai in the 9<sup>th</sup> – 11<sup>th</sup> centuries]. Moscow, Nauka, 2002, 362 p. (in Russ.)
- Neverov S. V., Gorbunov V. V.** Srostkinskaya kul'tura (periodizatsiya, areal, komponenty) [Srostkinskaya culture (periodization, area, components)]. In: *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [The space of culture in

- the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk, TSU Press, 2001, pp. 176–178. (in Russ.)
- Raspopova V. I.** Zerkala iz Pendzhikenta [Mirrors from Penjikent]. *KSIA [Brief reports of the Institute of Archeology]*, 1972, vol. 132, pp. 65–69. (in Russ.)
- Ravich I. G., Flerov V. S.** Vysokoolovnyanye kovanye vostochnye bronzy na territorii Khazarii [High-tin forged oriental bronzes on the territory of Khazaria]. *Rossiiskaya arkheologiya [Russian archeology]*, 2000, no. 3, pp. 134–146. (in Russ.)
- Rudenko K. I.** Metallicheskie zerkala khazarskogo vremeni iz pogrebal'nykh pamyatnikov Srednego Povolzh'ya [Metal mirrors of the Khazar period from the burial sites of the Middle Volga region]. In: *Arkheologiya kak zhizn'. Pamyati Evgeniya Pavlovicha Mys'kova [Archeology as life. In memory of Evgeny Pavlovich Myskov]*. Volgograd, Sfera Publ., 2019, pp. 174–180. (in Russ.)
- Seregin N. N., Tishin V. V., Serov V. V.** “Forgotten” coin-shaped indication from the early medieval burial complex in Tuekta (Central Altai). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, no. 14 (1), pp. 85–97.
- Tabaldiev K. Sh.** Zerkala iz pogrebenii vnutrennego Tyan'-Shanya [Mirrors from burials of the inner Tien Shan]. In: *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations]*. Novosibirsk, NSU Press, 1999, vol. 2, pp. 78–81. (in Russ.)
- Tishkin A. A., Seregin N. N.** Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevnei i srednevekovoi istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta) [Metal mirrors as a source on the ancient and medieval history of Altai (based on materials from the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University)]. Barnaul, Azbuka, 2011, 144 p. (in Russ.)
- Umansky A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I.** Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-I na levoberezh'e Obi [Burial ground of the Scythian time Rogozikha-I on the left bank of the Ob]. Barnaul, AltSU Press, 2005, 204 p. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Николай Николаевич Серегин**, доктор исторических наук, доцент  
**Святослав Сергеевич Радовский**, аспирант  
**Людмила Ивановна Чегодаева**, старший научный сотрудник

### Information about the Authors

**Nikolai N. Seregin**, Doctor of Sciences (History), Associate Professor  
**Svyatoslav S. Radovsky**, Postgraduate Student  
**Lyudmila I. Chegodaeva**, Senior Researcher

*Статья поступила в редакцию 26.04.2021;  
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021  
The article was submitted 26.04.2021;  
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-99-114

## История, локализация и архитектура Уртамского острога

**Сергей Валерьевич Горохов**<sup>1</sup>  
**Сергей Григорьевич Скобелев**<sup>2</sup>  
**Андрей Павлович Бородовский**<sup>3</sup>

<sup>1</sup> НРОО «История сибирских острогов»  
Новосибирск, Россия

<sup>2</sup> Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

<sup>3</sup> Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

<sup>1</sup> gorokhov.sv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

<sup>2</sup> sgskobelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

<sup>3</sup> altaicenter2011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>

### *Аннотация*

Исследование посвящено разрешению комплекса проблем, связанных с историей и археологией Уртамского острога в Кожевниковском районе Томской области: локализация данного памятника на местности, установление даты основания и реконструкция его архитектурного облика с учетом его трансформации во времени. Вопреки утвердившейся в историографии точки зрения, согласно которой острог был основан в 1684 г., на основании анализа письменных источников доказываем, что это произошло в 1685 г. На базе письменных источников, картографических материалов и данных археологических разведок выдвигается аргументированная гипотеза о расположении Уртамского острога на северо-восточной окраине современного с. Уртам. Здесь был собран подъемный материал и артефакты из грабительских раскопок, указывающие на длительное присутствие русского населения на этом участке местности. В ходе анализа комплекса письменных источников установлено, что острог с момента основания до середины 1730-х гг. как минимум один раз существенно перестраивался, что выразилось в возведении новой тыновой стены и замене двух угловых башен-амбаров на две проездные башни.

### *Ключевые слова*

Сибирь, Томское Приобье, Уртамский острог, история, археология, локализация, архитектура

### *Благодарности*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42058

### *Для цитирования*

Горохов С. В., Скобелев С. Г., Бородовский А. П. История, локализация и архитектура Уртамского острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 99–114. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-99-114

© Горохов С. В., Скобелев С. Г., Бородовский А. П., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 99–114  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 99–114

## The History, Localization and Architecture of the Urtamsky Ostrog

Sergey V. Gorokhov<sup>1</sup>, Sergey G. Skobelev<sup>2</sup>  
Andrew P. Borodovskiy<sup>3</sup>

<sup>1</sup> NRPO “History of Siberian Ostrogs”  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>2</sup> Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>3</sup> Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>1</sup> gorokhov.sv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

<sup>2</sup> sgskobelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

<sup>3</sup> altaicenter2011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>

### Abstract

*Purpose.* An important direction in the historical and archaeological research of the Siberian ostrogs at this stage is the solution of specific problems associated with the main events of their history. This study is devoted to solving a set of problems related to the history and archaeology of the Urtamsky ostrog in Kozhevnikovskiy District of the Tomsk Region: its localization, the determination of the foundation date and reconstruction of its architectural appearance, taking into account its transformation over time.

*Results.* Based on the analysis of the written sources, it is proved that the ostrog was founded in 1685, contrary to the point of view in the historiography that the ostrog was established in 1684. Based on the analysis of the written sources, cartographic material and archaeological survey data, a reasoned hypothesis is made about the location of the Urtamsky ostrog on the north-eastern outskirts of the modern village Urtam. Here, material was gathered and artifacts from plundering excavations were collected, indicating the long-term presence of the Russian population in this area. In the course of analyzing the complex of written sources, it was established that the ostrog from the moment of its foundation until the mid-1730s at least once was substantially rebuilt, which resulted in the construction of a new log wall and the replacement of the two corner barn towers with the two gate towers. An analysis of the architectural parameters of the first Urtamsky ostrog showed that the log walls were equal in height to the height of the tower log cabins (about 4 m). Only the roofs of the towers towered above the log wall. At the same time, the towers themselves had a squat appearance and served as barns. Probably, it was this circumstance that prompted S. U. Remezov to depict the Urtamsky ostrog as having no towers, since the towers, neither architecturally nor functionally, did not fully correspond to their classical appearance and purpose. It is possible that the other ostrogs, depicted by S. U. Remezov with no towers, had towers similar to those of the Urtamsky ostrog.

*Conclusion.* The study made it possible to significantly clarify the history of the origin and the reconstruction of the Urtamsky ostrog. The prospects for further research of this object are associated with the archaeological excavations.

### Keywords

Siberia, Tomsk Ob Region, Urtamsky ostrog, history, archaeology, localization, architecture

### Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project no. 20-09-42058

### For citation

Gorokhov S. V., Skobelev S. G., Borodovskiy A. P. The History, Localization and Architecture of the Urtamsky Ostrog. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 99–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-99-114

## Введение

С конца XVI до середины XVIII в. на территории Сибири и российского Дальнего Востока было возведено порядка двух сотен острогов, зимовий, укрепленных деревень и др. Лишь немногие из них стали объектом интереса историков, еще меньше – археологов. Это связано главным образом с тем, что памятники эпохи первоначального освоения Зауралья Российским государством попали в поле зрения археологов достаточно поздно – во второй половине XX в. Интенсивное изучение таких объектов началось только в 1990-х гг. История, архи-

текстура и месторасположение многих острогов и иных памятников русского происхождения остаются неизвестны до настоящего времени. Без реконструкции истории таких объектов на основе письменных и археологических источников невозможно составить целостное представление о ходе и результатах стремительного русского освоения огромных пространств Сибири.

Цель настоящей статьи состоит в разрешении проблемы локализации на местности Уртамского острога, установлении даты его основания и реконструкции архитектурного облика с учетом трансформации во времени. Источниковая база исследования представлена опубликованными архивными документами, картографическими материалами конца XVII – XIX в., публикациями исследователей и результатами археологических разведок. Предлагаемая статья является дальнейшим развитием или уточнением представлений по этим проблемам, изложенных в последние годы в публикациях П. И. Романова [2018; 2019], А. П. Бородавского [2021] и др. По этой причине неизбежно повторение в ней некоторых изложенных ранее фактов, что важно для лучшего понимания читателем общей линии исследования.

### Проблема определения года основания острога

На вопрос о времени основания Уртамского острога существует несколько точек зрения. Самое раннее упоминание об основании острога в историческом труде принадлежит Г. Ф. Миллеру, который в 1734 г. в «Описании Томского уезда...» указал 1692 г. [Источники..., 1988, с. 76]. Однако, как позже установили исследователи, в справке, предоставленной Томской воеводской канцелярией Г. Ф. Миллеру, фигурирует 7193 г. (сентябрь 1684 г. – август 1685 г.) [Бородаев, Контев, 2015, с. 192]. В «Географическом лексиконе Российского государства» указан 1692 г. [Географический лексиконъ..., 1773, с. 421]. Известно, что этот труд в части, касающейся Сибири, в значительной степени базируется на данных, собранных Г. Ф. Миллером. В «Полном географическом описании нашего Отечества» находим сразу две даты – 1668 и 1696 гг. [Россия..., 1907, с. 165, 427]. Источник этих сведений не указан. П. А. Словцов и А. Д. Григорьев, также без ссылки на источник, в качестве времени основания указали 1692 г. [Григорьев, 1921, с. 15; Словцов, 2006, с. 132]. Вероятно, эти сведения первый из них позаимствовал из «Географического лексикона», а второй – либо там же, либо у П. А. Словцова. В публикации 1956 г. А. П. Дульзон в качестве года основания указал 1691 г. [Дульзон, 1956, с. 101]. Источник этих сведений тоже не ясен. В «Истории Сибири», вышедшей в 1968 г., в качестве даты основания острога указан 1684 г. со ссылкой на фонд «Уртамский острог» в ГАТО [История Сибири..., 1968, с. 39].

В 1978 г. впервые был опубликован доклад томского сына боярского Ю. Соболевского о строительстве под его руководством Уртамского острога, который хранится в ЦГАДА. Этот текст содержит противоречие в части, касающейся года основания острога. Приказ о строительстве Юрий Соболевский получил от томского стольника и воеводы Андрея Михайловича Кольцова-Мосальского в 7191 г. (сентябрь 1682 г. – август 1683 г.). Сначала в документе в качестве времени заготовки леса для строительства и сева озимых зерновых указано лето 7192 г. (1684 г.). Затем сказано, что после заготовки леса и сева строители острога вернулись в Томск, где провели зиму. На следующий 7192 г. (так в тексте) они вернулись и построили острог. Таким образом, в тексте доклада допущена ошибка: либо заготовка леса и сев происходили в 7191 г. (1683 г.), а острог выстроен в 1684 г., либо заготовка леса и сев были произведены в 7192 г. (1684 г.), следовательно, острог был возведен в 1685 г. Противоречие может быть разрешено, если учесть тот факт, что первый урожай был снят в 7193 г. (1685 г.)<sup>1</sup>, о чем сказано в этом же документе [Из истории..., 1978, с. 60]. Соответственно

<sup>1</sup> Уборка озимых зерновых культур на широте Уртамского острога происходит в июле-августе. В августе – начале сентября ведется сев озимых.

и острог был основан в 1685 г.<sup>2</sup> Эту версию подтверждает указанная выше справка, представленная Томской воеводской канцелярией Г. Ф. Миллеру [Бородаев, Контев, 2015, с. 192]. В пользу 1684 г. свидетельствует документ из фонда «Уртамский острог» в ГАТО [История Сибири..., 1968, с. 39]. В результате не критического прочтения текста доклада в историографии утвердилась единая точка зрения, согласно которой Уртамский острог был основан в 1684 г. В 1981 г. без ссылки на источник этот год указал П. П. Епифанов [1981, с. 81], в 1984 г. – Н. А. Миненко со ссылкой на Н. Ф. Емельянова [Миненко, 1984, с. 3], в 1989 г. без ссылки на источник – Д. Я. Резун и Р. С. Васильевский [1989, с. 278]. Однако в 1990 г. выходит «Археологическая карта Томской области», авторы которой, не упоминая Доклада, придерживаются точки зрения А. П. Дульзона на год основания острога – 1691 [Чиндина и др., 1990, с. 119]. Несмотря на это, в дальнейшем, все же возобладала точка зрения, основанная на не критическом прочтении доклада Ю. Соболевского [Историческая энциклопедия Сибири..., 2009, с. 376; Кузнецкая старина..., 2018, с. 113].

### Проблема локализации острога на местности

Не менее запутан и вопрос о месте расположения острога. Самые ранние сведения о его локализации на местности содержатся в докладе Ю. Соболевского: на «Обе реке, на Уртаме речке, на Калмацком и Бухарском перевозе» [Из истории..., 1978, с. 60]. Из этого сообщения ясно только то, что острог располагался на берегах рек Обь и Уртамка (левый приток Оби). Следующие известия относятся к концу XVII – началу XVIII в. и связаны с картографическим наследием С. У. Ремезова. На «Чертеже земли Томского города» из «Чертежной книги Сибири» острог показан на левом берегу Уртамки. На противоположном ее берегу изображена слобода [Ремезов, 1882, л. 11]. В «Хорографической книге Сибири» на листе 93 Уртамский острог не обозначен, но на правом берегу Уртамки показана слобода; на листе 128 острог обозначен на левом берегу Уртамки, а слобода – на правом [Ремезов, 2011]. Из картографических материалов С. У. Ремезова следует, что он был уверен в расположении острога и слободы на разных берегах Уртамки (рис. 1).

Следующее по времени известие принадлежит Д. Г. Мессершмидту, который 28 марта 1721 г. проследовал через Уртамский острог, направляясь из Тары в Томск: «В 7 часов вечера мы приехали в Уртамский острог и слободу, которые располагаются на маленькой речке под названием Уртам. Острог отделен от слободы на 100 шагов, который, так же как и все предыдущие остроги, частично разрушен. Речка Уртам течет с юго-запада и впадает на востоке с левой стороны от острога в большую Обь, на которой также слобода и острог располагаются. <...> Это место также плохо населено и состоит примерно из 120 домов, из которых многие пусты, так как многие люди тут и там разбежались из-за тяжелых податей и кроме этого по другим причинам»<sup>3</sup> [Messerschmidt, 1962, S. 81]. Из этого описания становится ясно, что острог и слобода располагались на одном берегу Уртамки.

Важно также и то, что Уртамка впадает в Обь слева от острога. Тщательное изучение текста путевого дневника Д. Г. Мессершмидта показывает, что автор дает указания на направление типа «слева» или «справа» исключительно по ходу движения. К острогу на правом берегу Уртамки Д. Г. Мессершмидт мог подъехать только с южного или западного направления. При подъезде с запада устье Уртамки действительно будет слева от наблюдателя. К острогу на левом берегу можно подъехать с запада или севера. В первом случае устье будет

<sup>2</sup> Впервые на 1685 г. как на дату основания Уртамского острога указали В. Б. Бородаев и А. В. Контев. К сожалению, авторы не сообщают, каким путем они пришли к такому выводу. Они могли принять ту дату, что была указана в справке, предоставленной Томской воеводской канцелярией Г. Ф. Миллеру, но могли и провести анализ текста доклада Ю. Соболевского, аналогичный тому, что приведен в настоящей статье [Бородаев, Контев, 2015, с. 192].

<sup>3</sup> Перевод С. В. Горохова. Текст намеренно не подвергался литературной обработке для максимально точной передачи содержания.

справа. Второй же вариант представляется невозможным. Хотя ландшафт и позволяет подъехать к острогу в этом месте с севера, но генеральное направление движения Д. Г. Мессершмидта с юга на север исключает такой вариант.

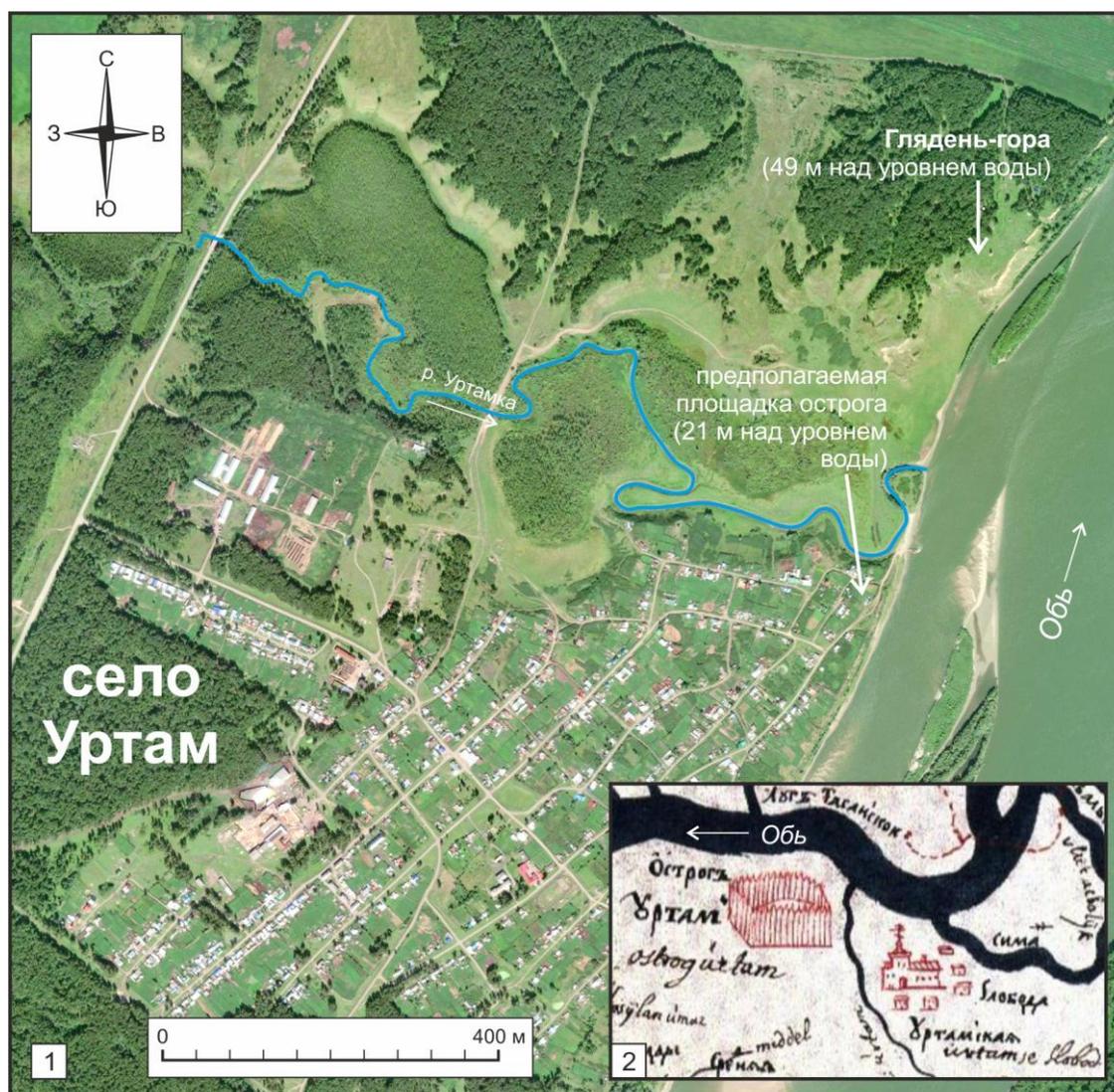


Рис. 1. Район возможного расположения Уртамского острога:  
1 – общая ландшафтная ситуация; 2 – острог на карте С. У. Ремезова [1882]

Fig. 1. Location of the Urtamsky ostrog:  
1 – landscape situation in the area of the location of the Urtamsky ostrog;  
2 – Urtamsky ostrog on the map of S. U. Remezov [1882]

В «Описании Томского уезда...» Г. Ф. Миллера за 1734 г. сказано: «...на западном берегу Оби, немного выше маленькой речки Уртам, которая впадает с запада» [Источники..., 1988, с. 76]. Это означает, что острог располагался на правом берегу р. Уртам. В «Географическом лексиконе...» месторасположение Уртамского острога описано неопределенно: «на левом берегу реки Оби при речке Уртам» [Географический лексиконъ..., 1773, с. 421].

На большинстве карт XVIII–XIX вв. Уртамский острог расположен на правом берегу Уртамки (см. таблицу).

Место расположения Уртамского острога на картах конца XVII – XIX в.

The location of the Urtam ostrog on the maps of the late 17<sup>th</sup> – 19<sup>th</sup> centuries

Год	Тип объекта согласно условным обозначениям	Место расположения (берег р. Уртамка)	Источник
Конец XVII – начало XVIII в.	острог	левый	[Ремезов, 1882, л. 11]
1745	острог	левый	[Ремезов, 2011, л. 128]
1771	–	левый	[Rußischer Atlas..., 1745]
1777	острог	правый	Карта Колывано-Воскресенским Заводам и Рудникам, лежащим в Колыванском Наместничестве, сочиненная из разных специальных карт по учиненным с заводской стороны описаниям по 1794 год <sup>1</sup>
1790	острог	правый	Генеральная карта ведения Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, заводов и приписным к оным селениям; с показанием около оного и во внутренности, ведения губернского и линейного жительство <sup>2</sup>
1794	деревня (?)	левый	[The European Part..., 1790]
1794	слобода?	правый	Карта Колывано-Воскресенским Заводам и Рудникам, лежащим в Колыванском Наместничестве, сочиненная из разных специальных карт по учиненным с заводской стороны описаниям по 1794 год <sup>3</sup>
1798	–	правый	Карта Томскаго уезда Представляющая местное положение всей округи всехъ селений большихъ и малыхъ и живыхъ урочищъ съ показаніемъ описанныхъ местъ, которые покрыты зеленою и на нихъ Россійскіе буквы означаютъ в большемъ виде владеніи на листах
1798	–	правый	Карта Генеральная Гобольской губернии
1816	острог	правый	Ланснер Л. Подробная Карта Колывано-Воскресенской Горной Округи Составленная изъ новейшихъ частныхъ Картъ Барнаульской горной Архивы
1821	село	правый	[Атласъ Томской Губернии..., 1821]
1827	острог	левый	[Географической Атласъ..., 1827]

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1.

<sup>2</sup> Там же. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 224. Л. 1.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1.

В XX в. к вопросу о месте расположения Уртамского острога первым обратился В. Ф. Смолин. В начале 1920-х гг. он обследовал территорию с. Уртам и его окрестностей [Шатилов, 1927, с. 4, 5]. По его словам, «признаки древнего жилья имеются на “Глядень-горе”, поэтому он высказывал предположение, что Уртамский острог находился именно здесь» [Дульзон, 1956, с. 101]. С «Глядень-горой» в ближайших окрестностях можно отождествить только Уртамский яр, ограничивающий с севера пойму левобережья Уртамки, т. е., по мнению В. Ф. Смолина, острог располагался на левом берегу Уртамки.

А. П. Дульзон также полагал, что острог находился «на левом мысу устья Уртамки, впадающей в Обь. На этом месте расположено сейчас с. Уртам». В этой фразе присутствует неразрешимое противоречие, так как с. Уртам расположено на правом берегу Уртамки. На карте в своей публикации А. П. Дульзон обозначил острог на левом берегу Уртамки [Дульзон, 1956, с. 101].

Позднее отдельные исследователи либо высказывались неопределенно: «на высоком берегу реки<sup>4</sup> в устье Уртама» и т. п. [История Сибири..., 1968, с. 39; Резун, Васильевский, 1989, с. 278, 279; Историческая энциклопедия Сибири..., 2009, с. 376], либо придерживались точки зрения В. Ф. Смолина и А. П. Дульзона [Чиндина и др., 1990, с. 119].

### Архитектура острога

Сведения о первоначальном облике Уртамского острога содержатся в докладе Ю. Соболевского: «...острог поставили двумя башнями. Вышиною тот острог от земли по две сажени печатных, и в землю пущено по аршину; а кругом острогу восемьдесят четыре сажени печатных ж. Кроме башен и ворот и ворота створные, поперег трех сажен. А башни рублены по три сажени печатных, а под башнями построены амбары государевы хлебные, а вышиною башни по двадцати по пяти венцов, а в остроге двор государев» [Из истории..., 1978, с. 60]. Из этого описания следует, что острог имел тыновые стены высотой более 4 м (две сажени печатных<sup>5</sup>) и протяженностью около 180 м (84 сажени печатных). Если принять форму острога за квадрат, то протяженность одной стороны составит около 45 м. Две башни были глухими (непроезжими), так как на нижнем уровне были устроены хлебные амбары. В острогах с небольшой протяженностью стен, к которым относится и Уртамский острог, глухие башни устанавливались, как правило, в углах. Высота сруба башен может быть рассчитана исходя из количества венцов (25) и толщины бревен. Для строительства деревянных оборонительных сооружений сибирских острогов использовался «легкий» лес толщиной около 20 см для ускорения строительства [Татауров, Черная, 2015, с. 411; Миллер, 1999, с. 348]). При такой толщине бревна глубина паза могла быть до 4 см. Следовательно, один венец имел в высоту не менее 16 см. Таким образом, срубы уртамских башен были высотой около 4 м, т. е. имели такую же высоту, что и стены. Лишь крыша возвышалась над тыном. Башни имели квадратную форму со стороной около 6 м (3 сажени печатных). При таких пропорциях, когда сторона башни была в 1,5 раза протяженнее ее высоты, башня вовсе не выглядела как башня, а была похожа больше на высокую избу или амбар.

В острожной стене располагались створные ворота «поперег трех сажен». Если под этой фразой понимать, что ширина проема ворот была три сажени (около 6 м), то это представляется невозможным, так как 1) лишено практического смысла, 2) труднореализуемо на практике, 3) ослабляет обороноспособность острога, так как именно ворота считались самым уязвимым местом при осаде (чем шире проем ворот, тем он уязвимее) [Горохов, Бородовский, 2019, с. 149]. Упоминание о чрезмерно широких воротах можно встретить и при описании других острогов. Например, в Селенгинском остроге ширина ворот достигала 9,4 м [Артемьев, 1999, с. 65; Минерт, 1988, с. 88]. В действительности таких ворот не было, а указанные размеры появляются вследствие буквального прочтения источника, смысл которого в этой

<sup>4</sup> Высоким и обрывистым берег Оби является как ниже, так и выше по течению от устья Уртамки.

<sup>5</sup> Печатная сажень равна 2,16 м.

части исследователям не ясен. Возможно, под шириной ворот в данном случае подразумевается ширина конструкции, в которой были устроены ворота. Конструкция эта представляет собой сруб наподобие нижнего яруса башни, перекрытого крышей. Подобная конструкция проездных ворот была исследована в северной стене соседнего Умревинского острога в 2021 г. Ее размеры в плане составляли 5,5 × 5,5 м.

В конце XVII – начале XVIII в. архитектура Уртамского острога нашла отражение на картах С. У. Ремезова (рис. 1, 2). На них острог изображен как замкнутый круг из тыновых стен без башен [Ремезов, 1882, л. 11; 2011, л. 128]. Некоторые исследователи полагают, что С. У. Ремезов допустил ошибку, не изобразив башни [Романов, 2018, с. 177], другие же считают, что острог выглядел именно так, как его изобразил С. У. Ремезов [Огурцов, 1986, с. 132]. Мы полагаем, что ошибки здесь нет. Во-первых, спустя 10–15 лет после возведения острога башен могло и не быть сразу по нескольким причинам: первая – они могли упасть под берег при его обрушении (если башни располагались со стороны Оби достаточно близко к берегу); вторая – они могли сгореть или сгнить<sup>6</sup>. Во-вторых, как мы показали выше, башни были высотой, равной высоте стен, имели приземистый внешний вид и использовались для хранения хлеба. Такого рода сооружения могли не восприниматься современниками (в том числе информаторами С. У. Ремезова<sup>7</sup>) в качестве башен. Аналогичная ситуация фиксируется и в источниках по соседнему Умревинскому острогу: в интервале с 1731 по 1734 г. здесь были возведены две башни, но в 1741 г. И. Г. Гмелин, посетивший острог и описавший его, не упомянул ни об одной из них [Gmelin, 1752, S. 77, 78]. Возможно, их внешний вид не соответствовал представлениям И. Г. Гмелина о том, как должна выглядеть башня<sup>8</sup>. Вероятно, точно так же следует интерпретировать и изображения иных «безбашенных» острогов на картах С. У. Ремезова.

Описание Уртамского острога 1706 г. из «Отчета томских воевод» является практически синхронным с картами С. У. Ремезова: «...стоячей деревянной, а по сторонам на нем две башни, а мерою тот острог в длину 50 сажен, поперег тож» [Из истории..., 1978, с. 31]. В целом описание соответствует тому, что приводится в докладе Ю. Соболевского, – стены тыновые («стоячей деревянной»), две башни, протяженность одной стены составляет 50 сажен. Некоторое расхождение наблюдается только в протяженности стен – 180 сажен в докладе Ю. Соболевского и 200 сажен в отчете томских воевод. Такое расхождение может иметь несколько объяснений: протяженность стен в отчете томских воевод указана приблизительно; использованы разные сажени для выражения расстояния (в отчете томских воевод не указано, в каких сажнях сделано измерение); в докладе Ю. Соболевского протяженность стен указана без учета протяженности внешних сторон башен, как это зачастую бывало в практике описания оборонительных сооружений в Сибири, в отчете же томских воевод протяженность внешних сторон башен включена в общую протяженность стен острога. Возможно и сочетание нескольких из этих факторов. Весьма вероятно, что первоначальные оборонительные сооружения Уртамского острога все еще существовали в 1706 г. в прежнем виде.

В соответствии с «Описанием Томского уезда» Г. Ф. Миллера в 1734 г. Уртамский острог состоял «из четырехугольного палисада с двумя боевыми башнями над двумя воротами. В остроге, кроме избы приказчика, судной избы и амбаров, нет никаких зданий». Согласно этому описанию, между 1706 и 1734 гг. укрепления Уртамского острога претерпели существенные изменения. В частности, он лишился двух глухих башен, взамен которых получил две проездные башни. В связи с этим, вероятно, были ликвидированы старые проездные ворота и, скорее всего, заново возведены тыновые стены.

<sup>6</sup> Долговечность деревянных оборонительных сооружений острогов оставляла желать лучшего – срок их службы редко превышал 20 лет, а иногда сокращался менее чем до одного десятилетия.

<sup>7</sup> С. У. Ремезов никогда в Уртамском остроге не бывал.

<sup>8</sup> См.: *Горохов С. В.* Интеграция письменных и археологических источников по истории Умревинского острога (Новосибирская область) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2022 (в печати).

В 1735 г. приказчик Василий Астраханцев извещал Томскую воеводскую канцелярию, что в Уртамском остроге ветхих оборонительных сооружений нет, а в 1740 г. острог уже «весь сгнил и повалился». В 1747 г. на башнях оборудовались позиции для пушек (вероятно, башни не сильно обветшали или были отремонтированы, перестроены), а также была возведена стена со стороны Оби, которая к тому времени разрушилась, были обновлены рвы и рогатки [Романов, 2019, с. 258, 259]. Если стена со стороны реки разрушилась вследствие обрушения берега, то это говорит о том, что острог стоял непосредственно на краю осыпи надпойменной террасы.

В книге «Летопись сибирских городов» опубликована единственная графическая реконструкция Уртамского острога. Памятник изображен на левом берегу Уртамки, т. е. на «Глядень-горе». Облик острога в целом соответствует содержанию доклада Ю. Соболевского, но содержит существенные неточности: вместо одних ворот изображены двое, церковь с колокольней помещена во дворе острога, в то время как она располагалась за его пределами, расположение башни на юго-восточном углу лишено всякого смысла [Резун, Васильевский, 1989, с. 278].

### Археологические исследования острога

Как уже было сказано, первое археологическое обследование территории с. Уртам и его окрестностей на предмет обнаружения остатков острога было предпринято в начале 1920-х гг. В. Ф. Смолиным [Кузьминых и др., 2003, с. 39; Шатилов, 1927, с. 4, 5; Дульзон, 1956, с. 101]. По сведениям Д. Я. Резуна и Р. С. Васильевского [1989, с. 280], археологические раскопки Уртамского острога в конце 1940-х – начале 1950-х гг. проводились А. П. Дульзоном, однако в публикациях названного автора об этом не упоминается.

В 2017 г. археологическая разведка с целью локализации Уртамского острога была проведена студентом НГПУ П. И. Романовым. Признаков острога выявлено не было, но исследователь полагал, что острог находился на территории с. Уртам [Романов, 2018, с. 177; 2019, с. 258].

В 2019 г. А. П. Бородовским и С. В. Гороховым был обследован левый берег Уртамки. На Глядень-горе следов острога и деревни обнаружено не было. В 470 м от Оби и в 330 м от Уртамки был обнаружен слабовыраженный в рельефе ров. На одном из его участков был заложен шурф, который показал, что предполагаемый ров имеет заглубление только в слой гумуса. Предметный комплекс русской деревни или острога отсутствует. Обнаружено лишь несколько фрагментов керамики ирменской культуры эпохи бронзы. Исследованный объект, вероятно, имеет позднее техногенное происхождение [Бородовский, 2021].

В августе 2020 г. авторы статьи продолжили археологическую разведку на территории с. Уртам и в его окрестностях.

Был осмотрен мыс на левом берегу Уртамки («Глядень-гора»), однако нами не отмечено следов искусственного изменения рельефа на покрытых невысокой травой степного типа уплощенных вершинах холмов этого яра, которые проявлялись бы даже в малой форме. Кроме того, высота холмов – до 49 м над урезом воды в Оби, была бы избыточна для предохранения от известных здесь наводнений, но сильно затрудняла подъем наверх воды и грузов с Оби. Единственный относительно удобный «взвоз» здесь возможен от Оби вдоль подножия яра, но он более чем в пять раз длиннее «взвоза» на правом берегу Уртамки.

Относительно правого берега Уртамки можно сказать, что ее пойма здесь фактически отсутствует – речка течет вплотную к обрыву террасы, где на возвышенном «мысу», в том числе и непосредственно над устьем, находится с. Уртам. Топографическая ситуация напоминает ту, что известна для Красноярского острога (1628 г.) на Енисее: ровный участок берега левого притока р. Кача при ее впадении в Енисей (так называемая «стрелка») и высокая гора на левом берегу Качи, получившая название Караульной, так как на ней постоянно находился караул (позднее названа Часовенной). В связи с этим и название холма «Глядень» в пер-

вую очередь ассоциируется с понятиями «глядеть», «наблюдать». Холмы Уртамского яра почти в два с половиной раза выше «мыса» («стрелки») на правом берегу Уртамки), и с его вершины, действительно, открывается обзор на большие расстояния в трех направлениях – на юг, юго-восток и юго-запад, т. е. туда, откуда в XVII – середине XVIII в. могла угрожать военная опасность. В соответствии с таким рельефом местности острог, вероятнее всего, должен быть построен именно на «мысу» («стрелке») правого берега Уртамки, при ее впадении в Обь. Этот уплощенный участок восточной (приречной) части террасы высотой около 21 м от уровня воды в Оби плавно понижается в сторону Уртамки (рис. 2, 1). Указанная высота берега вполне достаточна для исключения его затоплений в ходе сезонных наводнений.



Рис. 2. Места предполагаемого расположения Уртамского острога:

- 1 – вид с Глядень-горы на р. Уртам, въезд с Оби и село (снято с севера, фото С. Г. Скобелева);  
 2 – вид из с. Уртам на участок въезда и Глядень-гору (снято с юга, фото С. Г. Скобелева)

Fig. 2. The area of the proposed location of the Urtamsky ostrog on the right bank of the Urtamka river:  
 1 – view from the Glyaden mountain to the village of Urtam and “vzvoz” (taken from the north, photo by S. G. Skobelev);  
 2 – view of the part of the “vzvoz” from river Ob and Glyaden Mountain from the village of Urtam  
 (taken from the South, photo by S. G. Skobelev)

В настоящее время западная часть этой поверхности занята жилыми, хозяйственными постройками и огородами местных жителей. Вероятно, возможная северная сторона острога могла быть сильно разрушена во время создания «взвоза» (дороги) от уреза воды Оби, где была пристань, в село. По отдельным признакам можно судить, что часть этих работ велась с использованием бульдозера (рис. 2, 2). Скорее всего, он работал по уже существовавшему «взвозу», в осыпающемся борту которого найдена медная монета сибирской чеканки достоинством денга 1760-х гг. (рис. 3). Однако длинной полосой южнее, непосредственно вдоль берега Оби, отмечается участок площади, мало затронутый современной хозяйственной деятельностью. Эта часть террасы продолжается весьма далеко вдоль берега Оби, и каких-либо ограничений природного характера не имеет (см. рис. 2).

Вся доступная для изучения площадь указанной террасы, не занятая постройками и огородами, густо покрыта высоким бурьяном, коноплей и крапивой. Однако и в таких затрудненных условиях здесь можно проследить отдельные западины, имеющие как округло-подквадратные формы, так и овальные, разного размера и глубины. В двух-трех случаях фиксировалось также нечто похожее на участки валов. На площади современных близлежащих огородов, где нет высокой растительности, следов каких-либо сохранившихся существенных изменений рельефа не отмечено – при нахождении крепости именно в указанном месте на огородные участки пришелся бы двор острога.

Одним из косвенных признаков наличия острога на этом участке местности может стать факт активной грабительской деятельности на его предполагаемой площади (чего нет на Глядень-горе). Следы этого (причем явно лета 2020 г.) остались в виде как достаточно крупных и глубоких ям, так и мелких «закопушек». По их краям находились предметы, не вызвавшие интереса у грабителей: кости, фрагменты русской керамики, мелкие камни, крупный фрагмент железного котла с петлей для подвешивания его над огнем и т. п.

Типично русская керамика и фрагмент котла (рис. 3, 2) позволяют считать их происходящими из археологического памятника поселенческого типа, т. е. не исключено, что именно из стоявшего здесь Уртамского острога. Так, при раскопках Саянского острога (основан

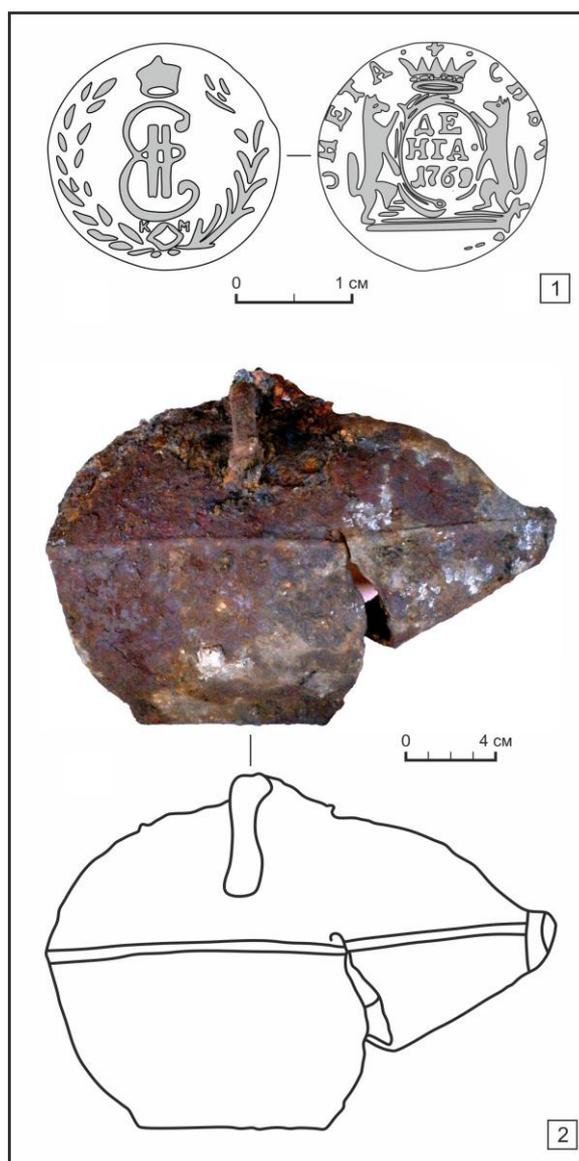


Рис. 3. Индивидуальные находки: 1 – медная монета достоинством денга сибирской чеканки 1760-х гг. с площади взвоза; 2 – фрагмент стенки железного котла с ушком из грабительского раскопа (фото С. Г. Скобелева)

Fig. 3. Individual finds: 1 – a copper coin in the denomination of “denega” of the Siberian coinage of the 1760s from the place of “vzvoz”; 2 – a fragment of the boiler wall from the predatory excavation (photo by S. G. Skobelev)

в 1718 г., руководитель раскопок С. Г. Скобелев) были обнаружены фрагменты железных и чугунных котлов, аналогичных фрагменту, найденному на предполагаемой площади Уртамского острога. Саянский острог никогда не имел при себе крестьянской слободы, его обитателями на протяжении всей его истории были только годовальщики, приказчик и пограничный дозорщик. Следовательно, обнаруженные на территории острога остатки котлов входили в снаряжение гарнизона острога.

Из архивных источников известны случаи, когда отряд, снаряжавшийся для похода с целью основания острога или города, специально снабжался необходимым количеством котлов [Миллер, 1999, с. 350]. Эти котлы могли быть однотипными, если изготавливались крупной партией специально для таких целей. Поэтому закономерно обнаружение на территории Саянского острога нескольких фрагментов однотипных котлов. Находка же на правом мысу Уртамки фрагмента котла, аналогичного обнаруженным на Саянском остроге, является в настоящее время единственным материальным свидетельством присутствия Уртамского острога именно на этом участке местности.

Кроме того, заслуживают внимания результаты наблюдения за стенкой одной из грабительских ям, расположенной в предполагаемой северной части острога. Хотя в ней и нет полного профиля, тем не менее до глубины около 1 м можно видеть слой перегноя, нижняя часть которого сужается по мере углубления. В связи с этим можно вспомнить ряд указаний в источниках, где часто говорится о случаях сваливания навоза именно во рвы крепостей.

### Заключение

В настоящее время, исходя из малого объема имеющегося в нашем распоряжении доказательного материала, полностью изложенного выше, мы можем лишь предположительно говорить о месте расположения Уртамского острога. Однако следует отметить, что разнородные свидетельства его возможного нахождения вообще в данной местности имеются лишь для правого берега устья («мыса») Уртамки, где без ограничений природного характера мог быть поставлен острог, имевший периметр около 180 м. Имелись здесь и условия для размещения неограниченного по площади посады к югу и западу от острога. Близко к нему примыкали пашни. В целом все это делает весьма перспективным дальнейшее археологическое изучение этого участка террасы Оби и Уртамки. Данную же статью следует рассматривать как подготовительную к археологическому этапу возможных предстоящих работ.

### Список литературы

- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: [Б. и.], 1999. 336 с.
- Атласъ Томской Губернии Состоящей въ восьми Уездахъ. Томскъ: Губернская Чертежня, 1821. 51 с.
- Бородаев В. Б., Контев А. В.** Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: Документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Бородовский А. П.** Археологическое обследование левобережья устья р. Уртамка (Кожениковский район Томской области) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021. Вып. 27. С. 151–158.
- Географическiй лексиконъ Россiйскаго государства. М.: При Имп. Московскомъ университете, 1773. 494 с.
- Географической Атласъ Россiйскаго Имперiи, Царства Польскаго и Великаго княжества Финляндскаго. Расположенный по губерниямъ. [Б. м.; Б. и.], 1827. 60 с.

- Горохов С. В., Бородовский А. П.** Ворота сибирских острогов по историческим и археологическим источникам // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 7. С. 148–163. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-148-163
- Григорьев А. Д.** Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Изв. Ин-та исследования Сибири. № 6: Труды Историко-Этнографического Отдела. № 1. Томск: Изд. Том. губерн. отд-ния Гос. изд-ва, 1921. 120 с.
- Дульзон А. П.** Археологические памятники Томской области // Тр. Том. обл. краеведческого музея. Томск: [Б. и.], 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Епифанов П. П.** К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII веке // История СССР. 1981. № 4. С. 70–84.
- Из истории земли Томской. 1604–1917: Сб. док. и материалов. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. 224 с.
- Историческая энциклопедия Сибири. С–Я. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. 784 с.
- История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 458 с.
- Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. 214 с.
- Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк: Изд-во Том. ун-та, 2018. 478 с.
- Кузьминых С. В., Михайлов, Е. П., Савенко, С. Н., Старостин, П. Н.** Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути // Абашевская культурно-историческая общность: развитие, наследие. Чебоксары: [Б. и.], 2003. С. 35–46.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Миненко Н. А.** Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г. Новосибирск: [Б. и.], 1984. С. 3–32.
- Минерт Л. К.** Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 80–107.
- Огурцов А. В.** Типологическая классификация русских укреплений в конце XVII – середине XVIII в. // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 129–138.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С.** Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Ремезов С. У.** Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб.: [Б. и.], 1882.
- Ремезов С. У.** Хорографическая книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 690 с.
- Романов П. И.** Проблемы локализации Уртамского острога // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 176–177.
- Романов П. И.** Обветшание и ремонт оборонительной конструкции приобских острогов Томского уезда в XVIII веке // Баландинские чтения. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. Т. 14. С. 257–261.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1907. Т. 16: Западная Сибирь. 610 с.
- Словцов П. А.** История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
- Татауров Ф. С., Черная М. П.** Тарские «городни» (итоги раскопок исторического центра Тары в 2015 году) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 409–412.
- Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И.** Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 340 с.

- Шатилов М.** Исторический очерк и обзор Томского Краевого музея (1922 г. – 18 марта 1926 г.) // Тр. Том. краевого музея. Томск: Красное знамя, 1927. Т. 1. С. 1–56.
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752, 700 S.
- Messerschmidt D. G.** Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, Akademie-Verlag, 1962, Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722, 380 S.
- Ру́сский Atlas, welcher in einer General-Kharte und neunzen Special-Kharten das gesamte Rußische Reich und dessen angränzende Länder, nach den Regeln der Erd-Beschreibung und den neuesten Observationen vorstellig macht. St. Petersburg, Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1745.
- The European Part of the Russian Empire, From the Maps Published by the Imperial Academy at St. Petersburg with the new provinces on the Black Sea. The Asiatic Part of the Russian Empire, from the Maps Published by the Imperial Academy at St. Petersburg. London, Robert Sayer, 1790, 1 p.

### References

- Artemiev A. R.** Goroda i ostrogi Zhabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Cities and ostrogs of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries]. Vladivostok, 1999, 336 p. (in Russ.)
- Atlas Tomskoi Gubernii, sostoyashchei v vosmi Uezhdakh [Atlas of the Tomsk Province Consisting of eight Counties]. Tomsk, Gubernskaya Chertezhnyia, 1821, 51 p. (in Russ.)
- Borodaev V. B., Kontev A. V.** Formirovanie rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg. [Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720]. Documentary monograph. Barnaul, AltSPU Press, 2015, 416 p. (in Russ.)
- Borodovskiy A. P.** Arkheologicheskoe obsledovanie levoberezh'ya ust'ya r. Urtamka (Kozhevnikovskii raion Tomskoi oblasti) [Archaeological examination of the left bank of the Urtamka river mouth (the Kozhevnikovskiy district of the Tomsk region)]. In: Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraia [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, Altai State Uni. Press, 2021, vol. 27, pp. 151–158. (in Russ.)
- Chindina L. A., Yakovlev Ya. A., Ozheredov Yu. I.** Arkheologicheskaya karta Tomskoi oblasti [Archaeological map of the Tomsk region]. Tomsk, TSU Press, 1990, 340 p. (in Russ.)
- Dulzhon A. P.** Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoi oblasti [Archaeological sites of the Tomsk region]. In: Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Tomsk regional Museum of Local Lore]. Tomsk, 1956, vol. 5, pp. 89–316. (in Russ.)
- Epifanov P. P.** K istorii osvoeniya Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVII veke [On the history of the development of Siberia and the Far East in the 17<sup>th</sup> century]. *Istoriya SSSR [USSR History]*, 1981, no. 4, pp. 70–84. (in Russ.)
- Geograficheskii leksikon Rossiiskago gosudarstva [Geographical lexicon of the Russian State]. Moscow, Pri Imperatorskom Moskovskom Universitete, 1773, 494 p. (in Russ.)
- Geograficheskoi Atlas Rossiiskoi Imperii, Tsarstva Pol'skago i Velikago knyazhestva Finlyandskago. Raspolozhennyye po guberniyam [Geographical Atlas of the Russian Empire, the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland. Located in the provinces]. [Without a place, without publisher], 1827, 60 p. (in Russ.)
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752, 700 S.
- Gorokhov S. V., Borodovskiy A. P.** Gates of the Siberian Ostrogs Based on Written and Archaeological Sources. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 7, pp. 148–163. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-7-148-163
- Grigorev A. D.** Structure and settlement of the Moscow tract in Siberia from the point of view of studying Russian dialects. *Izhvestiya instituta issledovaniya Sibiri*. No. 6. Trudy Istoriko-

- Etnograficheskogo Otdela. No. 1. Ustroistvo i zaselenie Moskovskogo trakta v Sibiri s tochki zhreniya izhucheniya russkikh govorov [Proceedings of the Institute for research in Siberia. No. 6. Proceedings of the Historical and Ethnographic Department. No. 1]. Tomsk, Izhdanie Tomskogo Gubernskogo Otdeleniya Gosudarstvennogo Izdatel'stva, 1921, 120 p. (in Russ.)
- Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda [Sources on the history of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 214 p. (in Russ.)
- Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. S–Ya. [Historical encyclopedia of Siberia. S–Ya]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009, 784 p. (in Russ.)
- Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Leningrad, Nauka, 1968, vol. 2: Siberia as part of feudal Russia, 458 p. (in Russ.)
- Iz istorii zemli Tomskoi. 1604–1917 [From the history of the land of Tomsk. 1604–1917]. Collection of documents and materials. Tomsk, Zhapadno-Sibirskoe knizhnoe izhdatel'stvo, 1978, iss. 1, 224 p. (in Russ.)
- Kuzhminykh S. V., Mikhailov, E. P., Savenko, S. N., Starostin, P. N.** Viktor Fedorovich Smolin: osnovnye vekhi zhiznennogo i tvorcheskogo puti [Viktor Fyodorovich Smolin: the main milestones of his life and creative career] In: Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obschnost': razhvitie, nasledie [The Abashevo cultural-historical community: development and heritage]. Cheboksary, 2003, pp. 35–46. (in Russ.)
- Kuznetskaya starina. Novokuznetsk: 400 let v istorii Rossii [Kuznetsk antiquity. Novokuznetsk: 400 years in the history of Russia]. Tomsk, Novokuznetsk, TSU Press, 2018, 478 p. (in Russ.)
- Messerschmidt D. G.** Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, Akademie-Verlag, 1962, Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722, 380 S.
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, vol. 1, 630 p. (in Russ.)
- Minenko N. A.** Pervye russkie derevni i goroda na territorii Baraby i Novosibirskogo Priob'ya [The first Russian villages and cities on the territory of Baraba and Novosibirsk Ob region]. In: Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskiy period. Bakhrushinskiye chteniya 1984 g. [City and village of Siberia in the pre-Soviet period. Bakhrushin readings 1984]. Novosibirsk, 1984, pp. 3–32. (in Russ.)
- Minert L. K.** Pamyatniki nachal'nogo etapa gradostroitel'stva v Buryatii [Objects of the initial stage of urban development in Buryatia]. In: Pamyatniki istorii, arkheologii i arkhitektury Sibiri [Objects of history, archfeology and architecture of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1988, pp. 80–107. (in Russ.)
- Ogurtsov A. V.** Tipologicheskaya klassifikatsiya russkikh ukrepleni v kontse XVII – seredine XVIII v. [Typological classification of Russian fortifications in the late 17<sup>th</sup> – mid 18<sup>th</sup> century]. In: Problemy okhrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri [Problems of protection and development of cultural and historical landscapes of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 129–138. (in Russ.)
- Remezhev S. U.** Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobolskim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 g. [Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk of boyar son Semyon Remezov in 1701]. St. Petersburg, 1882. (in Russ.)
- Remezhev S. U.** Khorograficheskaya kniga Sibiri Semena Ulyanovicha Remezheva [Chorographic book of Siberia by Semyon Ulyanovich Remezov]. Tobolsk, Vozhrozhdenie Tobol'ska Publ., 2011, 690 p. (in Russ.)
- Rezhun D. Ya., Vasilevsky R. S.** Letopis' sibirskikh gorodov [Chronicle of Siberian cities]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izhdatel'stvo, 1989, 304 p. (in Russ.)
- Romanov P. I.** Problemy lokalizatsii Urtamskogo ostroga [Problems of localization of the Urtam ostrog]. In: Drevnie i traditsionnye kultury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty [Ancient and traditional cultures of Siberia and the Far East: problems, hypotheses, facts]. Omsk, Izhdatel-Poligrafist, 2018, pp. 176–177. (in Russ.)

- Romanov P. I.** Obvetshanie i remont oboronitelnoi konstruktсии priobskikh ostrogov Tomskogo uezha v XVIII veke [Dilapidation and repair of the defensive structure of the Priobsky ostrogs of the Tomsk uyezd in the 18<sup>th</sup> century]. In: Balandinskie chteniya [Balandin readings]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2019, pp. 257–261. (in Russ.)
- Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva [Russia. Complete geographical description of our Fatherland]. St. Petersburg, A. F. Devrien Publ., 1907, vol. 16: Western Siberia, 610 p. (in Russ.)
- Rußischer Atlas, welcher in einer General-Kharte und neunzen Special-Kharten das gesamte Rußische Reich und dessen angränzende Länder, nach den Regeln der Erd-Beschreibung und den neuesten Observationen vorstellig macht. St. Petersburg, Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1745.
- Shatilov M.** Istoricheskii ocherk i obzor Tomskogo Kraevogo muzeya (1922 g. – 18 marta 1926 g.) [Historical sketch and an overview of the Tomsk Regional Museum (1922 – 18 March 1926)]. In: Trudy Tomskogo kraevogo muzeya [Proceedings of the Tomsk regional Museum]. Tomsk, Krasnoe znamya, 1927, vol. 1, pp. 1–56. (in Russ.)
- Slovtsov P. A.** Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II [History of Siberia. From Ermak to Catherine II]. Moscow, Veche, 2006, 512 p. (in Russ.)
- Tataurov F. S., Chernaya M. P.** Tarskie “gorodni” (itogi raskopok istoricheskogo tsentra Tary v 2015 godu) [Tarsky “gorodni” (results of excavations of the historical center of Tara in 2015)]. Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel’nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015, pp. 409–412. (in Russ.)
- The European Part of the Russian Empire, From the Maps Published by the Imperial Academy at St. Petersburg with the new provinces on the Black Sea. The Asiatic Part of the Russian Empire, from the Maps Published by the Imperial Academy at St. Petersburg. London, Robert Sayer, 1790, 1 p.

### Информация об авторах

**Сергей Валерьевич Горохов**, кандидат исторических наук  
**Сергей Григорьевич Скобелев**, кандидат исторических наук  
**Андрей Павлович Бородовский**, доктор исторических наук

### Information about the Authors

**Sergey V. Gorokhov**, Candidate of Sciences (History)  
**Sergey G. Skobelev**, Candidate of Sciences (History)  
**Andrew P. Borodovskiy**, Doctor of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 22.02.2021;  
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021  
The article was submitted 22.02.2021;  
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 903.22, 903.26(571.5), 623.445.1  
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130

## Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного исторического музея

Леонид Александрович Бобров<sup>1</sup>  
Сергей Сергеевич Зозуля<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия

<sup>2</sup> Государственный исторический музей  
Москва, Россия

<sup>1</sup> spsml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5071-1116>

<sup>2</sup> zozulia.sergey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8662-4935>

### Аннотация

Изучены панцирные пластины, хранящиеся в Государственном историческом музее. Они происходят из кургана, раскопанного В. В. Радловым в Причудльмье в 1863 г. Набор состоит из 30 рельефных (ярусных) пластин, на которых фиксируются остатки органической основы доспеха. Ее нижний слой был выполнен из кожи, верхний – из красной шерстяной ткани. Пластины крепились с внутренней стороны органической основы панциря с помощью заклепок. Подобные доспехи были известны у русских и тюрков под названием «куяк», у европейцев – «бригандина». Установлено, что пластины из Причудльмья были изготовлены ойратскими или южносибирскими мастерами XVII – середины XVIII в. Датировка подтверждается находкой в одном из курганов русских монет первой половины XVII в.

### Ключевые слова

В. В. Радлов, Причудльмье, Чердат, ойраты, пластинчато-нашивной доспех, панцирные пластины, «куяк», «бригандина»

### Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

### Для цитирования

Бобров Л. А., Зозуля С. С. Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного исторического музея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 115–130. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130

## Armor Plates from the Excavations of V. V. Radlov in the Collection of the State Historical Museum

Leonid A. Bobrov<sup>1</sup>, Sergey S. Zozulya<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation

<sup>2</sup> State Historical Museum  
Moscow, Russian Federation

<sup>1</sup> spsml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5071-1116>

<sup>2</sup> zozulia.sergey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8662-4935>

### Abstract

*Purpose.* The paper focuses on the armor plates stored in the funds of the State Historical Museum (SHM). They come from the burial mound excavated by V. V. Radlov in the Prichulyum region in 1863.

*Results.* The set consists of 30 plates on which the remains of the organic basis of the armor are fixed. All plates of the series have a prominent (tier-like) surface, 29 of them are equipped with five iron rivets located in a cross. Two plates had buckles that tightened the cut of the shell (only one of them is preserved). The inner layer of the organic base of the armor was made of leather, while the outer layer was made of red woolen fabric. The design features make it possible to classify the armor as lamellar-sewn (lamellar-riveted) shells with internal armor, which were known among the Russians and Turks as “kuyak” (from Mong. “Huyag”), and among the Europeans as “brigandine”. Based on the typological analysis carried out, it was established that the plates were made by Oirat or South Siberian craftsmen of the 17<sup>th</sup> – mid-18<sup>th</sup> centuries, which is confirmed by the find of the Russian copper coins of the first half of the 17<sup>th</sup> century in one of the burial mounds. Apparently, the SHM plates did not constitute a self-consistent protective element, but were cut off from a larger piece of armor (presumably a bib or back plate). The armor itself could have been cut in the form of a “cuirass” with one or two lateral cuts. Cut in the form of “cataphracts”, “vest” or swing “robe” is less likely.

*Conclusion.* Plates from the Prichulyum region can be used as a standard for dating and attribution of similar plates from the territory of Central Asia and South Siberia.

### Keywords

V. V. Radlov, Prichulyumye, Cherdak, Oirats, lamellar-sewn armor, armor plates, “kuyak”, “brigandine”

### Acknowledgements

The study was carried out as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0021)

### For citation

Bobrov L. A., Zozulya S. S. Armor Plates from the Excavations of V. V. Radlov in the Collection of the State Historical Museum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 115–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130

## Введение

В фондах Государственного исторического музея (ГИМ) хранится фрагмент пластинчатого доспеха, найденного В. В. Радловым в одном из курганов Причудульмья в 1863 г. [Радлов, 1989, с. 459, 465, 479; Кренке, 1984, с. 137–139, 141].

Данный фрагмент защитного вооружения неоднократно привлекал внимание отечественных исследователей. Прорисовки отдельных пластин были опубликованы в трудах Н. А. Кренке [1984, с. 139, рис. 1, 13], А. И. Соловьева [1987, с. 56, 57], Ю. С. Худякова [1991, с. 89, 90] и др.<sup>1</sup> Однако весь комплекс панцирных пластин (насчитывающий 30 экз.) еще ни разу не становился объектом специального научного исследования. Вместе с тем он представляет значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов и оружейников, так как находки из Причудульмья традиционно используются исследователями в качестве эталона при датировке и атрибуции аналогичных пластин с территории Южной Сибири и Центральной Азии.

<sup>1</sup> Фотографии пластин впервые публикуются в настоящей работе.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о наборе панцирных пластин из раскопок В. В. Радлова. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции всех 30 пластин серии, зафиксировать особенности оформления органической основы панциря, уточнить его датировку и атрибуцию.

### Результаты исследований и обсуждение

Прежде чем приступить к характеристике панцирных пластин кратко охарактеризуем обстоятельства их обнаружения.

В 1863 г. В. В. Радлов произвел раскопки двух курганных групп, расположенных в бассейне р. Кия, левого притока р. Чулым (у деревень Улу-Кель и Малый Чердат). Сам исследователь локализует место раскопок следующим образом: «Севернее города Мариинска, на берегах Верхней Кии и речки между Кией и Чолымом, я наткнулся на насыпные земляные курганы, которые по большей части стояли тесными группами по берегам рек... Только в двух местах, по пути на Чердат, увидел могилы, которые казались нетронутыми, поэтому здесь и произвел раскопки... Расположены они так близко друг к другу, что иногда соприкасаются краями. Я произвел раскопки этих курганов на Улукёле, примерно в 60 верстах от Мариинска, и на реке Чердат» [Радлов, 1989, с. 459]. В общей сложности были изучены около 40 курганов [Кренке, 1984, с. 137].

Полученные в ходе раскопок материалы были переданы в том же 1863 г. в Археологическую комиссию, а оттуда в 1865 г. – в Румянцевский музей [Там же]. В настоящее время указанные предметы (104 экз.) хранятся в фондах ГИМ (инв. № ГИМ 54746 Оп. В 1037/82-104)<sup>2</sup>. В одном из изученных В. В. Радловым курганов были обнаружены медные русские монеты первой половины XVII в. На основании данной находки все остальные компактно расположенные курганы по рекам Верхняя Кия и Чердат были датированы исследователем XVII в. [Радлов, 1989, с. 459, 460]. Типологический анализ предметов из данных памятников, проведенный Н. А. Кренке, подтвердил датировку, предложенную автором раскопок [Кренке, 1984, с. 142].

Относительно обнаружения предметов защитного вооружения сам В. В. Радлов сообщал следующее: «Панцири ([встречаются] крайне редко, состоят из искусно выкованных прямоугольников, нашитых на материю или кожу [нижнее платье])... Только в одном погребении я нашел железный чешуйчатый панцирь. Панцирь был на шерстяной подкладке, от которой остались целые куски, прекрасно сохранившиеся. Шерстяная материя была очень грубой и напоминала шерстяную пряжу русских крестьян, так что мы, пожалуй, вправе считать, что она была собственного производства» [Радлов, 1989, с. 465, 479].

### Описание панцирного комплекса

В настоящее время набор включает 30 панцирных пластин (коллекционная опись № 1037, № 82-103)<sup>3</sup>, в том числе 19 отдельных пластин (№ 84-103), а также три фрагмента доспеха соединенных между собой органической основой: № 82 (шесть пластин, одна из которых снабжена пряжкой), № 83 (три пластины), № 103 (две пластины).

Размеры и вес пластин можно представить в виде таблицы.

<sup>2</sup> Н. А. Кренке ошибочно указал в качестве инвентарных номеров коллекции В. В. Радлова в ГИМ № 23/29а, б; Р 21/29а; Р 13/36а; Р 21/28б; Р9/32б, Р9/46. Однако это не номера коллекций, а номера шкафов и полок хранения.

<sup>3</sup> Распространенное в научной литературе мнение о том, что в ГИМ хранится лишь 29 пластин, ошибочно.

Размеры и вес панцирных пластин  
Dimensions and weight of armor plates

№	Размеры, см	Вес, г	Примечание
82а	8,5 × 7,3	317,35 <sup>1</sup>	Пять заклепок. Пластина снабжена пряжкой (рис. 1, 1а, 2)
82б	8,1 × 7,4		Пять заклепок. Крайняя пластина в ряду (рис. 1, 1б)
82в	8,5 × 7,8		Пять заклепок. Крайняя пластина в ряду (пряжка не сохранилась) (рис. 1, 1в)
82г	8,9 × 7,3		Пять заклепок. Крайняя пластина в ряду (рис. 1, 1г)
82д	9 × 7,4		Пять заклепок. Внутренний ряд (рис. 1, 1д)
82е	7,6 × 7,6		Пять заклепок. Внутренний ряд (рис. 1, 1е)
83а	9,3 × 8,9		Пять заклепок (незначительно смещены) (рис. 1, 3а)
83б	7,7 × 8		Пять заклепок (смещены). Нижний край (ближе к правому углу) поврежден (рис. 1, 3б)
83в	8,4 × 7,6		Пять заклепок (рис. 1, 3в)
84	9,2 × 7,6		37,36
85	9,1 × 8,5	57,05	Пять заклепок. Правый край (ближе к правому верхнему углу) и нижние углы повреждены (рис. 2, 2)
86	10,1 × 8	64,09	Пять заклепок (смещены) (рис. 2, 3)
87	9,5 × 8,2	61,8	Пять заклепок (смещены). Левый край незначительно поврежден (рис. 2, 4)
88	9,6 × 8,5	61,95	Пять заклепок (смещены). Верхний край имеет незначительные повреждения (рис. 2, 5)
89	9,7 × 7,3	47,11	Пять заклепок (смещены). Вырез на правой стороне пластины. Верхний край и верхний левый угол повреждены (рис. 2, 6)
90	7,5 × 8,1	41,88	Пять заклепок. Незначительные повреждения по краям (рис. 2, 7)

Окончание таблицы

№	Размеры, см	Вес, г	Примечание
91	7,8 × 8	39,21	Четыре заклепки. Нижний край и левая сторона пластины повреждены (рис. 2, 8)
92	8,2 × 7,6	36,22	Пять заклепок. Нижние углы повреждены (рис. 3, 1)
93	8 × 7,6	49,33	Пять заклепок (рис. 3, 2)
94	8,3 × 7,3	41,67	Пять заклепок (рис. 3, 3)
95	8,5 × 7,2	42,39	Пять заклепок (смещены) (рис. 3, 4)
96	8,4 × 8	37,42	Пять заклепок. Верхний левый угол обломан. Повреждения по краям (рис. 3, 5)
97	8,7 × 7	49,96	Пять заклепок (рис. 3, 6)
98	8,3 × 7,9	56,49	Пять заклепок. Трещина на левом краю (рис. 3, 7)
99	7,9 × 7,9	51,24	Пять заклепок. Поврежден бортик по правому краю (рис. 3, 8)
100	8,1 × 7,7	50,47	Пять заклепок (рис. 4, 1)
101	9,2 × 8,1	54,91	Пять заклепок. Верхний левый угол обломан (рис. 4, 2)
102	8,4 × 8,3	44,09	Пять заклепок. Нижний край поврежден (рис. 4, 3)
103а	8,2 × 7,4	89,31 <sup>3</sup>	Пять заклепок. Нижний левый угол обломан (рис. 4, 4а)
103б	7,7 × 7,5		Пять заклепок. Нижний левый угол обломан (рис. 4, 4б)

<sup>1</sup> Общий вес фрагмента № 82 (шесть пластин).

<sup>2</sup> Общий вес фрагмента № 83 (три пластины).

<sup>3</sup> Общий вес фрагмента № 103 (две пластины).



*Рис. 1* (фото). Фрагменты доспеха № 82 и № 83:

1 – фрагмент 82: лицевая (слева) и тыльная стороны; 2 – пряжка на фрагменте 82;  
3 – фрагмент 83: лицевая (вверху) и тыльная стороны (фото С. С. Зозули)

*Fig. 1* (photo). Fragments of the armor from the State Historical Museum no. 82 and no. 83:

1 – fragment no. 82: front (left) and back sides; 2 – buckle on fragment no. 82;

3 – fragment no. 83: front (top) and back (photo by S. S. Zozulya)

Средний вес одной пластины (с учетом фрагментов органики) колеблется от 36,22 до 64,09 г. Общий вес всех 30 пластин (с учетом органики) – 1 490,81 г. Пластины крепились к матерчатой основе с помощью железных заклепок с округлыми уплощенными шляпками диаметром 0,8–1,2 см.

По материалу изготовления все пластины относятся к классу железных<sup>4</sup>, по системе соединения пластин с органической основой – к отделу пластинчато-нашивных (пластинчато-

<sup>4</sup> Рентгеноспектральный анализ не проводился. Осмотр пластин позволяет предположить, что они изготовлены из низкоуглеродистой стали. Подобные изделия сочетают достаточно высокую прочность с ковкостью, пластичностью, возможностью дополнительной механической обработки включая резанье и сверление [Бобров, Ожередов, 2021, с. 47].

клепанных) с внутренним бронированием<sup>5</sup>, по сечению пластин – к группе рельефных. На основании формы пластины выделяются два типа, дополненных рядом вариантов.



Рис. 2 (фото). Пластины № 82–91 (лицевая и тыльная стороны):  
1 – № 84; 2 – № 85; 3 – № 86; 4 – № 87; 5 – № 88; 6 – № 89; 7 – № 90; 8 – № 91  
(фото С. С. Зозули)

Fig. 2 (photo). Plates no. 82–91 (front and back sides):  
1 – no. 84; 2 – no. 85; 3 – no. 86; 4 – no. 87; 5 – no. 88; 6 – no. 89; 7 – no. 90; 8 – no. 91  
(photo by S. S. Zozulya)

<sup>5</sup> Данная разновидность панцирей была известна в Западной Европе, как «бригандина» (англ. brigandine, нем. brigantine), а среди тюркских народов и на Руси – под названием «куяк» (от монг. хуяг) [Бобров, Ожередов, 2021, с. 26, 27]. Отличительной особенностью эталонных образцов таких доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны.



Рис. 3 (фото). Пластины № 92–99 (лицевая и тыльная стороны):  
1 – № 92; 2 – № 93; 3 – № 94; 4 – № 95; 5 – № 96; 6 – № 97; 7 – № 98; 8 – № 99  
(фото С. С. Зозули)

Fig. 3 (photo). Plates no. 92–99 (front and back sides):  
1 – no. 92; 2 – no. 93; 3 – no. 94; 4 – no. 95; 5 – no. 96; 6 – no. 97; 7 – no. 98; 8 – no. 99  
(photo by S. S. Zozulya)

**Тип 1.** Прямоугольные рельефные пластины с пятью заклепками, расположенными крестом.

**Вариант 1.** Прямоугольные рельефные (ярусные) пластины с пятью заклепками, расположенными крестом и пряжкой из медного сплава (рис. 1, 1а, 1в, 2).

Включает 2 экз. (№ 82а, 82в). Высота 8,5 см, ширина 7,3–7,8 см.

Пластины имеют рельефную поверхность. Специальные ребра делят их плоскость на три яруса, повторяющих форму пластины. При этом каждый следующий внутренний ярус расположен ниже внешнего. Таким образом, пластина как бы «утопает сама в себя». По краю пластин пропущен выпуклый бортик. В верхней половине пластин вбиты пять заклепок с округлыми шляпками, расположенные в виде креста.



Рис. 4 (фото). Пластины № 100–103 (лицевая и тыльная стороны):  
 1 – № 100; 2 – № 101; 3 – № 102; 4 – фрагмент доспеха № 103  
 (фото С. С. Зозули)  
 Fig. 4 (photo). Plates no. 100–103 (front and back sides):  
 1 – no. 100; 2 – no. 101; 3 – no. 102; 4 – fragment of armor no. 103  
 (photo by S. S. Zozulya)

К нижнему углу пластины № 82а приклепана пряжка из медного сплава (рис. 1, 1а, 2). Обращенный к пластине внутренний край фиксатора снабжен остроугольным вырезом. Внешний край оформлен фестонами, придающими пряжке вид трехлепесткового бутона. Поверхность пряжки украшена гравировкой в виде полукруглых и остроугольных лепестков. Их внутреннее пространство заполнено канфарением в виде множества мелких точек. На фиксаторе пряжки помещено изображение двух четырехлепестковых цветков, в центре которых расположены шляпки заклепок (рис. 1, 2). По краю пряжки пропущен гравированный бортик. Язычок утерян.

На пластине № 82в пряжка не сохранилась, однако на ее наличие в первоначальной комплектации доспеха указывают дополнительное отверстие и заклепка в нижнем углу пластины (рис. 1, 1б). Их расположение и оформление аналогично заклепкам для пряжки на пластине № 82а (рис. 1, 1а).

Судя по целиком сохранившимся центральноазиатским пластинчато-нашивным доспехам близкой конструкции, снабженные пряжками пластины рассматриваемого типа, располагались вдоль разреза панциря [Бобров, Ожередов, 2021, с. 51, 52, 58, 59, 68–72, 75, 162–169]. Пропущенные в пряжки ремешки стягивали и фиксировали полы или боковые части корпусного доспеха.

**Вариант 2.** Прямоугольные рельефные (ярусные) пластины с пятью заклепками, расположенными крестом (рис. 1, 1б, 1г, 1д, 3; 2; 3, 1–7; 4).

Включает 25 экз. Самая популярная разновидность пластин серии. Все они имеют ярусную конструкцию, и пять заклепок, расположенных в виде креста, как правило, в верхней или центральной части пластины. Между собой они различаются размерами, пропорциями и, возможно, особенностью расположения в составе доспеха.

Численно преобладают пластины высотой 8,0–9,5 см при ширине 7,3–8,3 см (см. таблицу). Также стоит отметить пластины почти квадратной формы, стороны которых различаются лишь на 1–5 мм (№ 83а, 83б, 91, 93, 96, 98, 100, 102).

В ряде случаев ширина пластин могла быть больше их длины (высоты): № 83б, 90, 97 (рис. 1, 3б; 2, 7; 3, б). Однако следует учитывать, что определение высоты и ширины последних двух пластин выполняется на основе расположения заклепок. Не исключено, что в составе доспеха пластины располагались стандартным образом (т. е. вертикально), а размещение заклепок обусловлено неаккуратностью оружейника или особенностями сборки (рис. 3, б). В пользу данной версии свидетельствуют размеры длинных сторон пластин (8,1 и 8,7 см), которые в целом соответствуют типичной высоте многих других экземпляров серии (см. таблицу).

Некоторые заклепки размещены на поверхности пластины несимметрично (рис. 1, 3а, б; 2, 1, 3, б; 3, 4). Учитывая, что большинство пластин и заклепок не повреждены, можно предположить, что в указанных случаях несимметричное расположение вызвано не повреждениями поверхности панциря или составляющих его элементов (например, вследствие удара оружия противника), а небрежностью мастера в процессе приклепывания пластин к органической основе доспеха. Лишь в одном случае (№ 86), с высокой долей уверенности, можно предполагать, что симметрия была нарушена сознательно ввиду повреждения центральной части пластины (рис. 2, 3). Весьма вероятно, что именно выявленный дефект, вынудил оружейника вбить две заклепки ближе к верхнему краю пластины.

**Вариант 3.** Прямоугольные рельефные (ярусные) пластины с четырьмя заклепками, расположенными ромбом (рис. 2, 8).

Включает 1 экз. (№ 91). От остальных пластин серии, данный экземпляр отличается наличием лишь четырех заклепок вместо пяти. Отсутствие дополнительного отверстия позволяет предположить, что пластина изначально имела такое оформление. В настоящее время сложно сказать, было ли это вызвано небрежностью мастера либо часть пластин доспеха из Причудлымья действительно оформлялась подобным образом.

**Тип 2.** Квадратные рельефные пластины с пятью заклепками, расположенными крестом.

**Вариант 1.** Квадратные рельефные (ярусные) пластины с пятью заклепками, расположенными крестом (рис. 1, 1е; 3, 8).

Включает 2 экз. (№ 82е, 99)<sup>6</sup>. От основной массы пластин, данные образцы отличаются своей квадратной формой и небольшими размерами (стороны пластин составляют 7,6 и 7,9 см соответственно). Все остальные элементы оформления идентичны прямоугольным пластинам с пятью заклепками.

На лицевой стороне всех пластин серии сохранились более или менее крупные фрагменты матерчатой основы доспеха. Они представляют собой грубую шерстяную ткань красного цвета (см. рис. 1–4). Под шляпками некоторых заклепок размещены специальные кожаные подложки-«шайбочки», которые на 0,2–0,3 мм превышают диаметр самих шляпок (рис. 1, 2). В тех местах, где «шайбочки» не сохранились, виден зазор между шляпками заклепок и тканью. Последний факт свидетельствует в пользу того, что в первоначальной комплектации панциря все заклепки были снабжены кожаными подложками. Последние, вероятно, должны были предотвратить повреждение шерстяной «покрышки» доспеха при соприкосновении с краями железных шляпок заклепок.

В отдельных местах под красной тканью прослеживается слой кожи толщиной около 1 мм. Самые крупные ее фрагменты фиксируются поверх пластин № 82б и 103а (рис. 1, 2;

<sup>6</sup> К этим пластинам также примыкают № 83б, 91, 102, 103б, высота и ширина которых отличается лишь на 1–3 мм.

4, 4а). Несмотря на то что кожа сохранилась не повсеместно, есть основания полагать, что первоначально кожаное покрытие было сплошным. Наиболее вероятно, что органическая основа панциря имела двуслойную структуру. Внутренний слой состоял из кожи, внешний (лицевой) – из красной шерстяной ткани. Пластины приклепывались с внутренней стороны комбинированной органической основы таким образом, что и кожа, и ткань оказывались зажаты между головками заклепок и собственно пластинами. Подобное технологическое решение обеспечивало органической основе доспеха необходимую надежность и затрудняло ее повреждение в ходе эксплуатации «куяка». Кроме того, слои материи и кожи защищали пластины подбоя от воздействия влаги и нагревания на солнце. Наконец, сочетание ярко-красной «покрышки» с начищенными шляпками заклепок на лицевой поверхности «куяка» придавали доспеху яркий нарядный вид.

### Датировка и атрибуция

Рельефные ярусные пластины, снабженные пятью заклепками, расположенными крестом, относятся к числу популярных разновидностей панцирных пластин населения Центральной Азии и Южной Сибири позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Ожередов, 2021, с. 90, 91]. На сегодняшний день нам известно о более чем 200 подобных пластинах, происходящих с территории южных районов Западной Сибири, Минусинской котловины, Причудлымья, Восточного и Юго-Восточного Казахстана, Западной Монголии и Тибета. Они представлены как одиночными находками, так и целыми сериями, элементами или фрагментами защитного вооружения (рис. 5). В трех случаях они частично или полностью сохранили органическую основу. Наряду с рассматриваемым фрагментом доспеха из ГИМ к ним относятся трехчастная пластинчато-нашивная бармица из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ), а также наспинная часть доспеха, хранящаяся в одном из музейных собраний Тибетского автономного района Китайской Народной Республики (ТАР КНР)<sup>7</sup>.

Бармица шлема из ТГИАМЗ состоит из 23 пластин (рис. 5, 1, 2)<sup>8</sup>. Большинство из них имеет высоту 8,3–7,5 см при ширине 7,2–6,7 см. Размеры самой крупной пластины, расположенной по центру бармицы, 8,7 × 8,0 см. Для повышения эластичности защитных сегментов часть пластин имеет вырезную форму. Органическая основа бармицы выполнена из мягкой кожи и покрыта зеленой шерстяной тканью, фактура которой близка к органической «покрышке» доспеха из ГИМ (рис. 5, 2). По краю наушников и назатыльника пропущена кожаная окантовка. Как и на пластинах из раскопок В. В. Радлова, железные шляпки заклепок бармицы снабжены органическими подложками-«шайбочками» [Там же, с. 156–159].

Наспинник доспеха из ТАР КНР состоит из семи горизонтальных рядов пластин (рис. 5, 4). Вертикальный «хребтовый» ряд представлен шестью крупными прямоугольными рельефными пластинами с шестью заклепками, сгруппированными в виде цветка (одна – в центре, пять – по краям). Остальные пластины снабжены пятью заклепками, расположенными крестом. Левая часть наспинника состоит из семи горизонтальных рядов пластин (всего 24 экз.). Четыре верхних ряда насчитывают по три пластины в каждом. Три нижних ряда состоят из четырех пластин каждый. Правая сторона наспинника имеет повреждения. В настоящее время она состоит из семи горизонтальных рядов пластин по две пластины в каждом (нижняя крайняя пластина утеряна). Если изначально наспинник был симметричен, то он, вероятно, состоял из 55 пластин (в том числе семи «хребтовых»). Плечи прикрывались стальными стреловидными «погончиками», к которым могли крепиться пластинчато-нашивные наплеч-

<sup>7</sup> Некоторое время данный доспех экспонировался в «Музее Тибета» («Tibet Museum», г. Лхаса). Настоящее место хранения не установлено.

<sup>8</sup> В настоящее время бармица подвешена к цельнокованому полусферическому шлему (инв. № ВО-70), однако первоначально она относилась к ойратскому сфероцилиндрическому шлему № ВО-171 [Бобров, 2009, с. 251–254; Бобров, Ожередов, 2021, с. 156].

ники или панцирные нарукавья. Наспинник из ТАР КНР сохранил лишь один «погончик» (см. рис. 5, 4), однако данный конструктивный элемент хорошо известен по другим ойратским и монгольским доспехам XVII–XVIII вв. [Бобров, Ожередов, 2021, с. 66, рис. 30, 1, 2, 8; с. 67–71].



*Рис. 5* (фото). Рельефные пластины с пятью заклепками с территории Центральной Азии и Южной Сибири: 1, 2 – шлем с бармицей, ТГИАМЗ (фото Л. А. Боброва; без масштаба); 3 – панцирная пластина с территории Минусинской котловины (лицевая и тыльная стороны), частная коллекция (фото Ю. А. Филипповича; без масштаба); 4 – наспинник доспеха, ТАР КНР (фото из сети Интернет; без масштаба)

*Fig. 5* (photo). Embossed plates with five rivets from the territory of Central Asia and South Siberia: 1, 2 – helmet with a camail, Tobolsk State Museum Preserve (photo by L. A. Bobrov; no scale); 3 – armor plate from the territory of the Minusinsk basin (front and back sides), private collection (photo by Yu. A. Filippovich; no scale); 4 – back of the armor, TAR PRC (photo from the Internet; no scale)

Значительный интерес представляет тот факт, что наспинник из ТАР КНР, как и фрагмент доспеха из ГИМ, покрыт тканью красного цвета. Однако под этой относительно тонкой матерчатой «покрышкой» (как и на бармице шлема из ТГИАМЗ, и на рассматриваемом панцирном фрагменте из раскопок В. В. Радлова) скрывается более грубая и плотная органическая основа (см. рис. 5, 4).

Судя по особенностям покроя, доспех из ТАР КНР представлял собой «кирасу» с одним или двумя боковыми разрезами [Бобров, Худяков, 2008, с. 15, рис. 5, 1–3]. Однако он мог быть изготовлен и в виде «жилета» со сплошным осевым нагрудным разрезом [Там же, рис. 5, 4]. В обоих случаях корпусный панцирь мог дополняться наплечниками или нарукавниками, а также более или менее длинными набедренниками.

Размеры и форма пластин панцирного фрагмента из ГИМ, а также наличие пряжек указывает на то, что он являлся частью корпусного доспеха, а не бармицы шлема. На дошедших до нашего времени центральноазиатских «куяках», скроенных в виде распашного «халата», пряжками и фиксаторами обычно снабжены все верхние и центральные пластины, расположенные вдоль осевого разреза [Бобров, Ожередов, 2021, с. 42, 43, 69, 70, рис. 33, 4]. На панцире из ГИМ пряжки приклепаны через одну пластину, что, возможно, свидетельствует в пользу того, что доспех имел не осевой, а боковой разрез. В этом случае он мог быть скроен в виде «кирасы» [Ленц, 1895, табл. I, 58; Бобров, Худяков, 2008, с. 15, рис. 5, 1–3; Большой атлас..., 2008, с. 331, 341, 350] или, менее вероятно, «катафракты» с длинными набедренниками [Горелик, 1979, с. 98, рис. 5б; Бобров, Худяков, 2008, с. 15, рис. 5, 5].

Наиболее вероятно, что пластины из ГИМ не составляли самостоятельного защитного элемента, а были отрезаны от более крупного фрагмента защитного вооружения (предположительно, нагрудника или наспинника корпусного доспеха). Судя по сохранившимся аналогам, основная масса пластин располагалась вертикально, наподобие черепицы, таким образом, что пластины примерно на  $\frac{1}{5}$  перекрывали друг друга, образуя двойной, а в некоторых местах даже тройной защитный слой.

Особенности конструкции и оформления пластин из ГИМ, ТГИАМЗ, ТАР КНР и др. указывают на то, что они были изготовлены в рамках одной военно-культурной традиции примерно в одно и то же время. Нижней границей распространения рельефных (ярусных) пластин аналогичной или схожей конструкции является вторая половина XVI в. [Бобров, Ожередов, 2021, с. 29]. Известные материалы позволяют предположить, что подобные пластины продолжали применяться в Центральной Азии и Южной Сибири вплоть до середины XVIII в., когда в результате падения Джунгарии и разрушения ее оружейных производственных центров центральноазиатские и южносибирские пластинчатые доспехи стали выходить из широкого военного обихода, замещаясь защитным вооружением цинского образца.

Ареал распространения рельефных (ярусных) пластин с пятью заклепками, расположенными крестом, во многом соответствует ареалу военно-политической активности монголоязычных кочевников-ойратов, которые в XVII – первой половине XVIII в. развернули масштабную экспансию на территории Южной Сибири, Монголии, Восточного и Юго-Восточного Казахстана, а также Тибета [Бобров, Ожередов, 2021, с. 9, 95–98, 102–104]. В крупнейшем государстве ойратов – Джунгарском *хунтайджийстве*<sup>9</sup> были созданы оружейные предприятия, производившие различные виды панцирей и шлемов. Помимо этого, ойраты массово взимали с населения Южной Сибири как готовые пластинчатые панцири-«куяки», так и полуфабрикаты для их изготовления [Бобров, Ожередов, 2021, с. 95–98].

Судя по местам находок пластин рассматриваемого типа, они применялись населением Южной Сибири (Причулымья, Минусинской котловины), «чакарскими калмыками», кочевавшими на территории южных районов Западной Сибири, джунгарами, а также, возможно,

<sup>9</sup> В отечественной историографии Джунгария часто именуется ханством. Однако правители из дома Чорос не являлись потомками Чингисхана и, по монгольской традиции, не имел прав на титул хана. Из всех джунгарских правителей данным титулом обладал лишь Галдан Бошукту-хан, которому он был вручен по решению Далай-ламы [Бобров, Ожередов, 2021, с. 103].

некоторыми другими народами региона. Появление подобного доспеха в Тибете могло быть связано, как с военными походами ойратов в данный регион в XVII – первой четверти XVIII в., так и с подношениями ойратских феодалов тибетским ламам и монастырям [Бобров, Худяков, 2008, с. 48; Бобров, Ожередов, 2021, с. 102–104]<sup>10</sup>.

Сложнее определить место изготовления пластин рассматриваемой конструкции и системы оформления. Наиболее вероятно, что они массово производились на территории Южной Сибири (в частности, во владениях енисейских кыргызов и их соседей). Однако не исключено, что их могли изготавливать и на территории Джунгарии, тем более что джунгарские *хунтайджи* осуществляли практику переселения некоторых народов Южной Сибири, в том числе и упомянутых енисейских кыргызов, вглубь своих владений [Бобров, Худяков, 2008, с. 633]. Кроме того, зафиксированы случаи вызова в Джунгарию южносибирских кузнецов-оружейников. Так, например, в первой половине 40-х гг. XVIII в Ургу (ставку *хунтайджи*) были вызваны мастера сибирских ясачных волостей. Отставной казак И. Шабалин в конце февраля 1744 г. обнаружил в Таутелеутской волости уведенных ясачных людей «со всеми кузнечными снастями», «которые делают на... зюнгорского владельца ружье и стрельные железца (наконечники стрел. – Л. Б., С. 3.), *пансыри* и *куяки* (курсив наш. – Л. Б., С. 3.), и за ту де их работу дается им от Галдан Черена (т. е. джунгарского *хунтайджи* Галдан-Церена. – Л. Б., С. 3.) жалованье, а прежде они имели жительство в Елейской 9 человек, Кузенской 8 человек, Шерской 4 человека, Шекальской 5 человек, Верхкумандинской 8 человек, итого 34 человека. Всех забрали с женами и детьми. Телеуты подтвердили, что таких кузнецов человек 40» [Бобров, Ожередов, 2021, с. 97, 98].

Дополнительным подтверждением связи фрагмента панциря из Причудульмья с центральноазиатской и южносибирской военно-культурной традицией являются особенности его декоративного оформления. Так, в частности пряжки, выполненные в виде стилизованного цветочного бутона, встречаются на панцирных пластинах из Минусинской котловины [Бобров, Ожередов, 2021, с. 93, рис. 48, 7]. Сочетание гравировки и канфарения для украшения поверхности металлических элементов характерно для ойратского защитного вооружения XVII – середины XVIII в. [Там же, с. 106, рис. 51, 1, 4, 5]. Образ четырехлепесткового цветка с заклепкой в центре встречается на пластинах бармиц и корпусных панцирей ойратского и южносибирского производства указанного периода [Там же, с. 91, рис. 47, 10–13].

Использование цветной шерстяной ткани в качестве внешнего покрытия органической основы панцирных элементов также типично для изделий центральноазиатских и южносибирских оружейников XVII – середины XVIII в. [Там же, с. 38–39, 42, 43, 46, 126, 127, 156, 157–159].

### Заключение

На основании анализа конструкции и системы оформления панцирных пластин из собрания ГИМ (инв. № ГИМ 54746 Оп. В 1037/82-103) установлено, что они могли быть изготовлены ойратскими или южносибирскими мастерами XVII – середины XVIII в.<sup>11</sup>, что хорошо коррелирует с находкой в одном из курганов русских медных монет первой половины XVII в. Таким образом, проведенный оружейведческий анализ панцирных пластин подтвердил предложенную В. В. Радловым датировку указанных памятников Причудульмья XVII в.

<sup>10</sup> Практика подношения панцирей и шлемов представителям буддийского духовенства была широко распространена среди знати монголоязычных народов Центральной Азии XVII–XVIII вв. Благодаря ей до нашего времени дошло большое количество богато оформленных шлемов и панцирей монгольской и ойратской знати данного периода [LaRocca, 2006, p. 75–81, 83, 84, 87–91, 99].

<sup>11</sup> Наиболее вероятным временем изготовления рассматриваемого панциря можно считать XVII в. Однако следует учитывать, что столь дорогой образец защитного вооружения мог применяться на протяжении длительного времени.

Рассматриваемые пластины входили в состав пластинчато-нашивного (пластинчато-клепаного) доспеха. Панцири подобного типа были известны в Европе под названием «бригандина», а среди тюркских народов и на Руси – как «куяк». Отличительной особенностью эталонных образцов таких доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны.

Наиболее вероятно, что пластины из ГИМ не составляли самостоятельного защитного элемента, а были отрезаны от более крупного фрагмента защитного вооружения (предположительно, нагрудника или наспинника корпусного доспеха).

Судя по форме и размерам пластин, а также по наличию пряжек, в погребение был помещен фрагмент «куяка», расположенный у бокового или нагрудного осевого разреза. Наиболее вероятно, что панцирь мог представлять собой «кирасу» с одним или двумя боковыми разрезами. Менее вероятно, что доспех был скроен в виде «катафракты» с длинным подолом, безрукавного «жилета» со сплошным осевым разрезом или распашного «халата».

### Список литературы

- Бобров Л. А.** «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 3. С. 251–254.
- Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.** Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь «куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.** Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: Abdi Company, 2008. 880 с.
- Горелик М. В.** Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. С. 76–100.
- Кренке Н. А.** Коллекция В. В. Радлова из раскопок курганов в XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. С. 137–145.
- Ленц Э.** Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметьева. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. 223 с.
- Радлов В. В.** Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Соловьев А. И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Худяков Ю. С.** Защитное вооружение кыргызского воина в позднем Средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: НГУ, 1991. С. 87–100.
- LaRocca D.** Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, 2006, 307 p.

### References

- Bobrov L. A.** “Tatarskiy” shlem s kombinirovannoy barmitsey iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika [“The Tatar” Helmet with Combined Camail from the Tobolsk State Historical-Architectural Museum-Reserve]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2009, vol. 8, no. 3, pp. 251–254. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Cenral Asia and Southern Siberia during the

- late Medieval and Early Modern Ages (15<sup>th</sup> – first half of the 18<sup>th</sup> century A.D.]. St. Petersburg, Fac. philol. and arts of St. Petersburg State University, 2008, 770 p. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I.** Dospekh voina Dzhamasrana [Armor of the warrior Jamsaran]. Tsentral'noaziatskii pantsir'-"kuyak" iz sobraniya MAES TGU [Central Asian armor-"kuyak" from the collection of MAES TSU]. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 228 p. (in Russ.)
- Bol'shoi atlas istorii i kul'tury Kazahstana [The Big Atlas of the History and Culture of Kazakhstan]. Almaty, Abdi Company Publ., 2008, 880 p. (in Russ.)
- Gorelik M. V.** Srednevekovyi mongol'skii dospekh [Medieval Mongolian armor]. In: Tretii mezh-dunarodnyi kongress mongolovedov [Third International Congress of Mongolian Studies]. Ulan-Bator, 1979, pp. 76–100. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Zashchitnoe vooruzhenie kyrgyzskogo voina v pozdnem Srednevekov'e [Protective weapons of the Kyrgyz warrior in the late Middle Ages]. In: Problemy srednevekovoi arkheologii Yuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Medieval Archeology of Southern Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 1991, pp. 87–100. (in Russ.)
- Krenke N. A.** Kolleksiya V. V. Radlova iz raskopok kurganov v XVII v. v Sibiri [Collection of V. V. Radlov from excavations of burial mounds in the 17<sup>th</sup> century in Siberia]. In: Zapadnaya Sibir' v epokhu Srednevekov'ya [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 1984, pp. 137–145. (in Russ.)
- LaRocca D.** Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, 2006, 307 p.
- Lents E.** Opis' sobraniya oruzhiya grafa S. D. Sheremetyeva [Description of the collection of weapons of count S. D. Sheremetyeva]. St. Petersburg, M. M. Stasyulevich Publ., 1895, 223 p. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary Pages]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)
- Soloviev A. I.** Voennoe delo korenного naseleniya Zapadnoi Sibiri. Ehpokha Srednevekov'ya [Military affairs of the indigenous population of Western Siberia. Epoch of the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 193 p. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Леонид Александрович Бобров**, доктор исторических наук  
**Сергей Сергеевич Зозуля**, младший научный сотрудник

### Information about the Authors

**Leonid A. Bobrov**, Doctor of Sciences (History)  
**Sergey S. Zozulya**, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 05.07.2021;  
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021  
The article was submitted 05.07.2021;  
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*

Научная статья

УДК 325.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-131-144

## The Migrations of the Oghuz in the Medieval Period: Causes, Directions and Consequences

**Gulzinat I. Mensitova**<sup>1</sup>, **Gulnara B. Khabizhanova**<sup>2</sup>  
**Aknur O. Koshymova**<sup>3</sup>, **Yrysbek K. Omarbayev**<sup>4</sup>

<sup>1-3</sup> Al-Farabi Kazakh National University  
Almaty, Republic of Kazakhstan

<sup>4</sup> Scientific Research Center “Science Service”  
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

<sup>1</sup> Posygan1988@yandex.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3232-0749>

<sup>2</sup> Info@kaznu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-0632-7835>

<sup>3</sup> Info@kaznu.kz, <https://orcid.org/0000-0005-6972-1361>

<sup>4</sup> rusbek\_1492@mail.ru, <https://orcid.org/orcid.org/0000-0002-7862-6113>

### Abstract

*Introduction.* In the 10<sup>th</sup> – 11<sup>th</sup> centuries, the process of formation of the Oghuz tribes was underway in Central Asia. It was accompanied by the disintegration of kinship ties and the emergence of statehood. A new type of ethnic community was being formed, based on territorial and economic ties. The formation of the Oghuz Yabgu State with its political center in the lower reaches of the Syr Darya (river in the territory of modern Kazakhstan) played an important role in this process. The paper analyzes the preconditions and peculiarities of the Oghuz tribes' westward migration. In addition, a comparative analysis of its economic and political consequences is carried out.

*Results.* The Oghuz State, like many other nomadic empires, was not monolithic and its borders were not permanent and strictly defined. As a result of the extended social conflict, the Syr Darian Yabgu State collapsed and did not withstand the attack of the neighboring Kipchak tribes in the middle of the 11<sup>th</sup> century. This caused a new migration wave directed westward.

*Conclusion.* As a result of the Oghuz migration to the Westward there have been changes in the geopolitical and ethno-territorial characteristics of Western Asia and Asia Minor regions. Oghuz migration has become an integral organism of cultural and economic values. The political and ethnic traces of these changes can still be seen today.

### Keywords

migration, Oghuz tribes, Central Asia, Western Asia, Asia Minor, Yabgu, Seljuks

### For citation

Mensitova G. I., Khabizhanova G. B., Koshymova A. O., Omarbayev Y. K. The Migrations of the Oghuz in the Medieval Period: Causes, Directions and Consequences. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 131–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-131-144

## Миграции огузов в средневековый период: причины, направления и последствия

Гульзинат Исабековна Менситова<sup>1</sup>  
Гульнара Булатовна Хабижанова<sup>2</sup>  
Акнур Оразгалиевна Кошымова<sup>3</sup>  
Ырысбек Курбанбекович Омарбаев<sup>4</sup>

<sup>1-3</sup> Казахский национальный университет им. Аль-Фараби  
Алматы, Республика Казахстан

<sup>4</sup> Научно-исследовательский центр «Science Service»  
Нур-Султан, Республика Казахстан

<sup>1</sup> Posygan1988@yandex.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3232-0749>

<sup>2</sup> Info@kaznu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-0632-7835>

<sup>3</sup> Info@kaznu.kz, <https://orcid.org/0000-0005-6972-1361>

<sup>4</sup> rusbek\_1492@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7862-6113>

### Аннотация

В X–XI вв. в Центральной Азии шел процесс формирования огузских племен. Это сопровождалось распадом родственных связей и возникновением государственности. Формировался новый тип этнической общности, основанный на территориальных и экономических связях. Важную роль в этом процессе сыграло формирование Огузского государства Ябгу с его политическим центром в низовьях Сырдарьи. Государство огузов, как и многие другие кочевые империи, не было монолитным, и его границы не были постоянными и строго определенными. В результате затянувшегося социального конфликта государство Ябгу на побережье Сырдарьи распалось и не выдержало нападения соседних кипчакских племен в середине XI в. Это вызвало новую волну миграции, направленную на запад. В статье анализируются предпосылки и особенности миграции огузских племен на запад. Кроме того, проводится сравнительный анализ его экономических и политических последствий.

### Ключевые слова

миграция, племена огузов, Центральная Азия, Западная Азия, Малая Азия, ябгу, сельджуки

### Для цитирования

Mensitova G. I., Khabizhanova G. B., Koshymova A. O., Omarbayev Y. K. The Migrations of the Oghuz in the Medieval Period: Causes, Directions and Consequences // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 131–144. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-131-144

## Introduction

In world history, the Oghuz problem is not limited to the local history of Central Asia, but is one of the general historical problems of Europe and Asia. The time when the Oghuz tribes entered the stage of world history came at a time of turbulent events. The Persian state of the Samanids and the Turkic Ghaznavids, who ruled in Central Asia during this period, were in decline. The Byzantine Empire in Asia Minor was also deprived of its power. The main events of this era were the creation of the Seljuk state and the beginning of the Crusades. Meanwhile, the formation of the Seljukid state was inextricably linked to the migration of the Oghuz to the lands of Asia Minor. The process of reviving the Seljuk state in Asia Minor undoubtedly paved the way for the creation of the Ottoman Empire.

In assessing the above historical processes, we can assume the significance of the Oghuz ethnopolitical association, which was formed on the banks of the Syr Darya River, in world history.

The purpose of this paper is to analyze the features of the political structure and economic and cultural types of the Oghuz tribes, aimed at identifying the causes and characteristics of the prerequisites that prompted their migration to the west in the 11<sup>th</sup> century. Given that the Oghuz tribes adhered to nomadic customs and traditions, it becomes clear that the phenomenon of migration during this period was not something extraordinary. Nevertheless, it must be admitted that their migration to the west in the 30s of the 11<sup>th</sup> century had its own specific features. The consequences of subse-

quent historical events are a clear example of this. The migration that took place at the beginning of the 11<sup>th</sup> century can be compared to the era of the “Great Migration of Peoples”, which began with the migration of the Huns to the west in the 4<sup>th</sup> century. It has long been known that the waves of migration of that period made major changes in the ethnopolitical map of Europe, which led to the fall of the Roman Empire. And the fact that the migration of the Oghuzes to the west was the direct cause of the fall of the Byzantine Empire is evidenced by world history.

For a more in-depth consideration of this problem, it is necessary to make a broad assessment of the history and structure of the cultural and economic traditions of the Oghuz tribes.

### **Scientific approaches to the study of the origin of the Oghuz tribes and their state experience**

A significant amount of scientific literature has been accumulated on the etymology of the ethnonym “Oguz”. The most detailed review on this problem can be found in A. N. Kononov’s commentary to his critical edition of Abulgazi [Kononov, 1958, p. 82–84]. There are two major theories which we might consider:

1. Oguz – “oq” + “uz” (collective suffix); “oq / arrow” taken on the meaning of “tribe, tribal organization”, perhaps related to the use of the arrow as a symbol of command. The difficulty with this formulation, however, lies in the absence of a *q > g* shift in intervocalic position (so common to modern Turkic) in the attested Turkic monuments of this time.

2. Another approach has been proposed by Kononov who posits an initial form *og* “rod”, “plemia” which he connects to *og* “ma”, “ogul” “potomstvo”, “syn”, *ogus* “sorodich”. Somewhat better meanings for the later can be offered here: *ogus* connotes not only “sorodich” but also “narod”, “rod”, “tribe”. *Ogul* “son”, has numerous derivatives: *oglan* (“children”, “sons”, “rebenok, syn” in Ancient Turkic), *oght* (“children, sons”) [Golden, 1972, p. 45–46].

Analyzing the above information, it should be made sure that the word “oguz” is a term meaning “union” or “association of tribes”. The fact that it acquired ethnic significance under the influence of later historical events is supported by many researchers [Rustamova et al., 2010, p. 62]. According to the historian of the post-Soviet period T. I. Sultanov, many terms of Central Eurasia, which are now considered as ethnonyms, originally had a political and social meaning. They had nothing to do with the speakers of any ethnic group [Sultanov, 2017, p. 75].

In the era of the Turkic Khaganate (Empire), founded by the Bumyn Khagan in 552, the Oghuz were one of the numerous tribes in its composition. In 630, as a result of the internal strife, the Turkic Khaganate was weakened and divided into the Western and Eastern Khaganates. The Eastern Turkic Khaganate, located on the lands of modern Mongolia, was a vassal of the Tang Dynasty for about fifty years. The Western Turkic Khaganate, which was established on the territory of Central Asia, developed trade relations with Iran and Byzantium.

During this period, some Turkic tribes that had learned from the negative results of intertribal conflicts began to form alliances. Around the 630–640s, a union of “nine tribes” emerged, which became known as the “Toquz-Oghuz”. That is, there was a union of nine Turkic tribes weakened by wars into an alliance. According to written sources, this process took place along the Selenga River [Agadzhanov, 1975, p. 16]. The unification of the Toguz-Oghuz tribes took place under the Eastern Turkic Khaganate, and many of them sought an independent policy. The main political problem for nomadic states and empires during this period was the non-payment of taxes and the settlement of mutual disputes between tribes over economically advantageous territories. The Toquz-Oghuz were also characterized by attempts to refuse to pay permanent taxes and violate the established boundaries between the tribes.

In this regard, there were constant conflicts between tribes with centralized power. That is, it can be seen that Oghuz tribes often resorted to separatist actions. However, written sources confirm that their conflicts with the central government were not successful, which forced them to maintain a vassal position [Amrakhov, 2011, p. 59]. In general, the process of conflicts with the central gov-

ernment in the history of the Oghuz and other Turkic tribes is considered as a conditional event that was often repeated. This is clearly seen in the examples from the history of the Seljuk, Ottoman, and Karakhanid States. For example, the organization of an uprising by the Oghuz tribes against the Seljuk Sultan Sanjar, who came to power with the help of the same Oghuz tribes.

In 716–718, there was a major uprising of the Oghuz tribes against the Eastern Turkic Khagans<sup>1</sup>. To suppress their revolt, the rulers and generals of the Eastern Turkic Khaganate Bilge, Kultegin, Tonyukuk repeatedly made campaigns. Medieval historical sources indicate that the union of Toquz-Oghuz tribes, which received a heavy blow as a result of these campaigns, was forced to migrate in several directions. Summarizing the historical data and opinions of the authors-researchers, we can assume (hypothesis) their migration in three directions (table 1).

*Table 1*

Migration Routes of the Oghuz tribes, inhabited Mongolia in the 8<sup>th</sup> century

*Таблица 1*

Миграционные пути огузских племен, населявших Монголию в VIII в.

No.	Name of the Tribe	Migration Routes
1	The Oghuz	Several groups remained in the vicinity of the Tolga and the Selenga Rivers in Mongolia
2	The Oghuz	Some groups moved towards the Chinese border
3	The Oghuz	The remaining large groups migrated west from Mongolia and settled in the territories of the modern Republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan

In the course of analyzing the data from the Table above, it is clear that the first historical migration of the Oghuz to the west took place in the middle of the 8<sup>th</sup> century. Moreover, it should be noted that this migration was influenced by various factors. Which are systematized below, in table 2.

*Table 2*

Factors influencing the migration of the Oghuz to the West  
in the 8<sup>th</sup> century

*Таблица 2*

Факторы, влиявшие на миграцию огузов на Запад в VIII в.

No.	Types of Political Factors	Types of Economic Factors
1	Greater exposure to separatist actions and opposition to strong political systems, caused by an underdeveloped general state consciousness and lack of state experience among the rulers of the Oghuz tribes	The lack of pastures for hundreds of thousands of cattle of the Oghuz tribes leading a nomadic economic lifestyle, the violation of intertribal borders in order to search for new virgin lands, and attempts at expansion led to internecine wars
2	It is known that the leading role in the Oghuz communities was played by warlords (syubashi) and warriors. Their leading positions often forced tribes to make military raids. Wars led to a weakened society, and new migrations	There was a strict form of dependence on the privileged class. Methods by which the privileged class exploited the labor of free people in society and sometimes enslaved them, leading to internal social divisions. This could have resulted in a protest riot

<sup>1</sup> In the Old Turkic language, it means “ruler”.

The rationale for these factors in the above Table is formulated as follows:

**1. Political factors.** We can critically comment on the complexity and weakness of the political system of the Oghuz society. The reason for this complexity was the slow development of the Oghuzes' conscious subordination to the central government. That is, the desire of the head of each tribe (bey) to put their interests above state policy and the desire to implement it was common. Secondly, in the Oghuz society, the powers and mandates of the tribal leader were higher than those of the heads of state power. The invariable condition was the adoption by the members of the tribe of laws and decrees of the highest state authority, from the position of the leader of the tribe. Sometimes tribal rulers used this pattern for their own purposes. The combination of the above factors gives reason to conclude that there was anarchy among the Oghuz tribes. The military held high positions in Oghuz society. Therefore, the dominance of the military in the communities of the Turkic tribes was considered a natural form. The meetings of the tribal leaders were dominated by the number of military men, and they played a leading role. It became a common practice to elect people of great authority among the warriors as the head of the tribe. For military people, wars and invasions (expansion) became an effective source of livelihood. They were looking for greater benefits from the war effort [Aydarbekova, 2011, p. 48]. The bulk of the war's revenue came from military leaders. According to medieval sources, the main economic resource of the Oghuz tribes was the spoils from military raids. However, this method of development could not provide stable income.

Since the conditions caused by the need for human and material resources to wage continuous wars have led to a violation of the directions of sustainable development of society. Without a doubt, an economic system based on invasions and wars could not fully meet the internal needs of society. It follows that the short-term decline of more than ten Turkic states that lived in the Middle Ages was overwhelmingly facilitated by the above-mentioned political-economic reasons.

**2. Economic factors.** The main livelihood of the Oghuz tribes depended on cattle breeding. Among the types of cattle, the cow and the horse were of great importance. The sources say that in the Oghuz revolt against the Eastern Turkic Khaganate in 716–718, the Oghuz warriors went out riding on bulls. Looking at this, we can observe that cattle were highly valued by the Oghuz. Since the main subsistence base depends on livestock production, ensuring its condition was the main task of nomads. A large number of livestock required fertile land. The Oghuz nomads had to travel distances of up to a thousand kilometers to gain access to the fertile land. However, the boundaries of the pastures belonging to each tribe were definitely clear. During the period of these migrations, the factor of mutual wars was the cases of capture, violation of borders by tribes. The alliance of the oppressed tribes with other smaller tribes and the wars against the invaders reflect the form of civil wars. Especially frequent were the phenomena of violence, violence against small tribes by large tribes.

There were two ways of slavery in Oghuz society: 1. Those who were captured in the war. 2. The formation of slaves from the internal weak links of society [Vryonis, 1975, p. 49]. It is well known that the first method was inherent in all ancient and medieval states. And the fact that the second form is changing in the direction of the natural development of society is obvious. To find an answer to the second argument mentioned above, we need to pay attention to the structure and origin of the tribal system in a nomadic society. The tribe, as in any society, was a product of the historical development of Oghuz society. In this regard, it is obvious that the structure of the tribe in the Oghuz community consisted of different clans.

The purpose of uniting the various clans into a tribe was to warn against attacks by neighboring tribes. But subsequent kinship relations brought the inner core of the tribe even closer together and gave them an ethnic character. That is, cultural, economic, and political management began to differ in the directions of development from other tribes. At the same time, the tribe can be characterized as a driving category characteristic of the specific socio-economic history of another nomadic society. The socio-economic structure of the tribe had a multi-stage activity [Agadzhanov, 1975, p. 11].

That is, each tribe within the tribe had its own cultural, social, political, and economic abilities. At the same time, the tribal divisions occupied their respective places in the tribal system. One tribe performed administrative and political functions, another – military, and the third – economic functions. Thus, the mechanisms of functioning of the tribe as a whole organism were involved. But the violation of these mechanisms had led the society to a crisis. The process of strengthening the members of the clan responsible for the military sphere led to the redistribution of common property (land, livestock, taxes) corresponding to the tribe. This led to the fact that the legal status of people in the tribe was re-examined, and those who won there by force turned into the government elite. Thus, in history, the phenomenon of falling into the rank of slavery of weak members of the clan was formed. The propensity for slavery, the suppression of slave-owning families aggravated internal contradictions, led to the consequences of the disintegration or rebirth of the tribe [Agadzhanov, 1975, p. 9].

Nevertheless, in our opinion, the conditions for the formation and development of statehood among the Oghuz and other Turkic nomads depended on the emergence of a stronger tribe. It should be noted that this development process is typical only for the Turkic nomads. The above arguments can be compared with the tendencies of the formation of the Karakhanid, Seljuk, and Ottoman states. For example, the political and military core of the Karakhanid state, which was formed at the end of the 10<sup>th</sup> century, was considered to be the “Bogra” tribe [Omarbekov et al., 2013, p. 1591].

In general, analyzing the arguments justified in this section, we have taken a step towards identifying the prerequisites and reasons for the first-ever western migration of the Oghuz. Like many migrations of the Turkic tribes, the Oghuz movement led to a change in the ethno-geopolitical maps in these regions.

### **Settlement of the Oghuz tribes in Central Asia and the adoption of new challenges**

The first appearance of the Oghuz tribes in Central Asia is mentioned in historical sources as 765. In 775, the Arab historian Ibn al-Athir wrote that the Oghuz approached the borders of Maverennahr<sup>2</sup> during the time of Caliph al-Mehdi (775–785 BC) [Ibn al-Athir, 1939, p. 389]. In other words, it can be assumed that Oghuz groups migrated from the coast of the Selenga River in Mongolia to Central Asia within 30–40 years. The analysis of geographical descriptions of historical sources indicates that the Oghuz, who migrated from the central regions of Mongolia, crossed the famous Gobi Desert, the Altai Mountains and settled in the southern regions of modern Kazakhstan [Al-Istakhri, 1939, p. 167].

Arab sources confirm that the Oghuz settled in the Semirechye region<sup>3</sup> in the second half of the 8<sup>th</sup> and late 9<sup>th</sup> centuries and made frequent raids on the settled population of Maverennahr [Bolshakov, 1980, p. 136]. From the records of the Arab historian al-Tabari [Soofgʻzadeh, 2019, p. 167] we learn about the Oghuz attack on the city of Ushrusana<sup>4</sup> in 820–821. Thus, a new threat emerged in the lives of Sogdians<sup>5</sup> who adhere to the traditions of the settled culture of Central Asia. As a result of the ongoing historical and cultural convergence, the balance between nomadic and sedentary cultures had been disturbed. During this period, we consider the emergence of new challenges in the life of the nomadic Oghuz tribes and their desire to find effective ways to respond to them. Obviously, before this time, nomadic Turkic tribes lived in Central Asia, mainly settled in the Semirechye. The Turkic tribes that lived in Semirechye include: Turgesh, Karluk, Dulu, Usun, etc. The migration of the Oghuz people to Central Asia led to an increase in the number of related tribes, and revealed the incompatibility of their interests in material and economic terms within the same

---

<sup>2</sup> The Arabic meaning indicates “Region beyond the Sea”. Historical and geographical territory between the Amu Darya and Syr Darya rivers in Central Asia. In Greek sources, it is referred to as “Transoxiana” [Tolstov, 1962, p. 98].

<sup>3</sup> Historical and geographical region in the South-East of modern Kazakhstan.

<sup>4</sup> Near the ancient city of Samarkand.

<sup>5</sup> Ancient settled inhabitants of Central Asia. Culturally, it is close to Persian society.

area. Undoubtedly, the Karluk tribes, who supported the Arab forces in the Battle of Atlakh<sup>6</sup> between China and the Arab forces in 751, began to influence the geopolitical map of Central Asia. The political and administrative center of the Karluk tribes was located in Semirechye. In this regard, we assume that the Karluks exerted different pressures on the Oghuz people, and that the Oghuz people were in a vassal state [Ibn al'-Asir, 1939, p. 361]. Because, in the sources, the Karluk confederation is mentioned as the most influential force in Semirechye [Bolshakov, 1980, p. 135].

The Oghuz inhabited the upper reaches of Lake Balkhash in the Southeast of modern Kazakhstan. The Oghuz, who inhabited Semirechye in the 8<sup>th</sup> – 9<sup>th</sup> centuries, were under the rule of the Karluks for several years and paid tribute. There is no doubt that they were in a vassal position from the Karluk tribes. Obviously, this political and social phenomenon did not suit them. According to modern Turkic researchers, the Oghuz migration to the vicinity of the Syr Darya, the Aral Sea and the Caspian Sea occurred before the middle of the 9<sup>th</sup> century [Gündüz, 2016, p. 88]. This is due to the fact that in the 11<sup>th</sup> century the Oghuz language of the population of the Syr Darya and the Aral Sea, in its speech and pronunciation, differed from the eastern Turks (who inhabited Mongolia and Semirechye) [Omarbekov, 2013, p. 1591]. The main differences between the language and culture of the Syrdarya Oghuz and the eastern Turks were the following criteria: 1. Important trading cities on the Great Silk Road were located along the Syr Darya River, and the Oghuz began to undergo the integration of urban culture. 2. The process of assimilation of the Toguz-oghuz language and culture with the Turkic tribes that have long inhabited the Aral and Syrdarya regions [Khodjayov, 1989, p. 55].

There is reason to believe that the development of the processes of ethnic formation of the Oghuz tribes was formed on the Syr Darya River. Along the Syr Darya River, the mechanisms of organizing the internal tribal structures of the Oghuzes reached a new level, which led to ethnic integration. Its development reached the stage of the creation of the state. It is known that the Syrdarya region made new historical challenges to the Oghuz tribes. The Oghuz tribes learned how to build cities in this region and experienced periods of internal political and cultural integration. The difference between the Oghuzes in terms of language and religion was much higher than that of the Eastern Turks, since the Oghuz began to accept Islam in the 10<sup>th</sup> century. This is evidenced by several historical facts. Moreover, since the end of the 10<sup>th</sup> century, the Oghuz rulers had Muslim names. Most likely, the reason lies in the name of the Oghuz ruler Musa ibn Seljuq, who was born in the 10<sup>th</sup> century. Researchers clearly believe that other Turkic tribes, such as the Karluks, Kimaks, and Kipchaks, took Islam later (around the 12<sup>th</sup> – 13<sup>th</sup> centuries). Linguistically, the Oghuz were slightly assimilated with the Iranian-like tribes of Central Asia and linguistically separated from the related Turkic tribes [Soofg'zadeh, 2019, p. 168].

In addition, trade relations with the cities of Central Asia developed, and they also adopted various forms of government and state structure practices. It should be noted that Oghuz was considered one of the states that mastered and implemented the political, administrative and economic methods of nomadic and sedentary societies. A distinctive feature of the Oghuz people from the eastern Turks (Karluk, Kimak, Naiman) was that they began to engage in agriculture on the banks of the Syr Darya River. During this period, the exact number of tribes in the Oghuz became known in historical sources. For example, the medieval Turkic historian Mahmud Kashgari (11<sup>th</sup> century) claimed that the Oghuz consisted of 24 tribes. He wrote that 12 of its tribes were called "Buzuks", 12 tribes were called "Uchuks" [Mahmud al-Kashgari, 2010, p. 73].

Arab travelers wrote about the fact that at the beginning of the 10<sup>th</sup> century Oghuz tribes inhabited the Syr Darya and the adjacent cities of Karadzhuq (Farab, Otrar), Sairam. According to the book of Hudud al-Alam and the descriptions of geographers of the Islamic era, such as Al-Balkhi, Istarkhi, Ibn Haukal, the territory of the Oghuz extended in the west to the Caspian Sea, in the south

---

<sup>6</sup> The war between the Chinese Tang Dynasty and the Arab troops, who arrived to promote Islam, had a religious and political significance for the land of Central Asia.

to the city of Urgench <sup>7</sup>, Bukhara, in the north to the city of Sauran <sup>8</sup> and the Karatau Mountains <sup>9</sup> [Agadzhanov, 1969, p. 15].

In the work *Hudud al-Alam* <sup>10</sup>, dated 975, it is said that the state of the Karluks, who inhabited Zhetysu, borders on the east with the tribes of Yagma, Oghuz, in the north with Tukhsi, Chigil, Toquz-Oghuz [Hudud al-Alam, 1982, p. 37]. In general, the inaccuracy of geographical data in the work of *Hudud al-Alam* is confirmed by a number of Orientalists. Based on this, the residence of the Oghuzes to the north of the Karluks, who inhabited the Semirechye, is very impossible. The fact that the author of the work was not a traveler and wrote down the data that he heard from other travelers, merchants, is also justified by the orientalist scientist V. V. Bartold [Bartold, 1930, p. 96]. Rather, he was an armchair scientist who systematized, but did not process, the data of previous travelers.

The length of the Oghuz territory to the Caspian Sea is determined by the researchers by the following fact. Until the 20<sup>th</sup> century, the peninsula in the Caspian Sea in Kazakhstan was called “Mangyshlak”. Soviet researchers came to the conclusion that the word “Mangyshlak” came from the transitional form of the word “Myn kishlak” <sup>11</sup> (thousands of kishlaks) in the old Turkic language [Vambery, 2003, p. 242].

At the beginning of the 10<sup>th</sup> century, the Oghuz managed to create their new state in the Syrdarya region. In addition, they founded their first cities in history. The new Oghuz state and the capital city were called Yangikent <sup>12</sup>. According to archaeologists, the city of Yangikent does not belong to the city conquered by the Oghuz and was the first city founded by the Oghuz in history [Andrianov, 2016, p. 147]. The leader of the Oghuz had the title “Yabgu”. While the functions of the deputy of the yabgu were performed by the “kul yerkins”, the army was headed by the “syubashi”. The Oghuz state coordinated the confederation of many tribes. Each tribe had its own leaders, and they put their interests first. It was believed that the interests of the state should meet the interests of all the tribes. The appearance of internal wars in such a political and historical situation became a conditional phenomenon. The main responsibility in the political and administrative management of the state was assigned to a dynasty from a certain tribe. Despite the fact that the data were not recorded, in our opinion, the Kynyk tribe played a leading role in the affairs of state administration. The point is that, at the start of the Oghuz migration to the Iranian steppes at the beginning of the 11<sup>th</sup> century, the presence of the leaders of the Kynyk tribe at the head of the Oghuzes was not an incidental fact.

The methods of political, legal and civil administration in the Oghuz state were regulated by unwritten customs called “Tore” <sup>13</sup>. In the election of candidates for power to govern a tribe or state according to the “Tore”, special importance was attached to the origin of people. Of course, it cannot be denied that the personal merits of people in society were also taken into account. However, it should be recognized that in the philosophical views of medieval society, the influence of mythical legends was great. Therefore, it was important that the origin of the person, who managed the state, had certain qualities. This process was a characteristic phenomenon for the ideology of the Turkic-Mongolian tribes. For example, the rulers of the Turkic Khaganate in the 6<sup>th</sup> century highly valued their origin from the sacred Ashina tribe, and Genghis Khan from the Borjigin tribe. Some researchers argue that the aforementioned phenomenon of special origin did not play a role in the election of

<sup>7</sup> The medieval city located on the land of the modern Republic of Uzbekistan. It was the capital of the state of Khorezm.

<sup>8</sup> The medieval city that was in the south of modern Kazakhstan. It is located along the Great Silk Road.

<sup>9</sup> Mountain system in the south of modern Kazakhstan.

<sup>10</sup> A compilation work written in 982-983. The author is unknown. The work was written for the Emir of Guzgan (the territory of modern Afghanistan), Abul-Haris Muhammad bin Ahmad al-Fariguni [Minorsky et al., 1982, p. 119].

<sup>11</sup> “Myn” means a thousand in Turkic language. The root of the word “kyshlak” (kishlak) comes from the meaning of “kishlak” (wintering). Settlements in regions with favorable and warm weather, inhabited in winter by nomadic Turkic tribes, were called “kishlak” – “wintering”.

<sup>12</sup> In Turkic, it means “new city”.

<sup>13</sup> According to the famous orientalist P. Melioransky, the word “Tore” has two meanings: 1. In the ancient Turkic language, it means law, order. 2. Place of honor, value [Aidarbekova, 2011, p. 72]. That is, the Tore is a sacred essence, carrying the material and spiritual values of hundreds of centuries.

tribal leaders. That is, he believes that this practice was implemented only in the management of the state or the union of tribes [Agadzhanov, 1975, p. 10].

There is no reason to assume that the Oghuz state maintains stable political and diplomatic relations with its neighbors. This is due to the fact that medieval sources written by al-Masudi and ibn Fadlan state that the Oghuz were in constant conflict with the Pechenegs and the Khazars. From European and Arab sources, it is clear that the Oghuz were forced to fight with the Khazar state in geopolitical confrontations for influence on the coast of the Caspian Sea. The Oghuz state had unstable political relations with the Karluks in the east and the Kimeks<sup>14</sup> in the north. The geo-economic interests of the Oghuz and Pechenegs, who sought to control the trade and caravan routes of the Great Silk Road to the north of the Syrdarya, Aral and Caspian Seas, led to the weakening of the Khazar state. The capture of the trade routes between Khorezm and Itil<sup>15</sup> by the Pechenegs had a particularly negative impact on the trade and economic situation of the Khazar state [Artamonov, 2001, p. 46]. Realizing the situation, the attempts of the Khazar state to conclude an alliance with the Oghuz against the Pechenegs led to new migration unrest. According to sources, the Pechenegs, who lived between the Ural Mountains and the Emba River<sup>16</sup>, were driven into the steppes of Europe by the combined forces of the Oghuz and Khazars in the first half of the 11<sup>th</sup> century. The migration of the Pechenegs was directed to the banks of the Don River and the Black Sea and contributed to the neighborhood with Byzantium. According to sources, in 968/969, the Oghuz, acting in alliance with Kievan Rus, defeated Itil and Semender. This moment is considered the end of the independent Khazar state [Ibid., p. 48].

In general, according to domestic and foreign researchers [Ibid., p. 47; Agadzhanov, 1975, p. 16], the weakening of the Khazar state led to a change in the ratio of geopolitical and ethno-territorial forces in the Eurasian steppes. Among the nomadic states, the Khazars, who had reached a significant level of development of the art of war, were considered a state structure that demonstrated advanced experience in political and military diplomacy. In other words, it was a strong political system that kept trade and cultural relations between Europe and Asia in balance. The collapse of the Khazar state, which contributed to the violation of the borders between the nomadic states, caused new migration impetus.

The reason for this can be called the approach of the tribes belonging to the ethnoconfederation of the Kimeks, who inhabited the West Siberian plain, to the Aral, Caspian Seas and the Syrdarya coast, as well as the phenomenon of geopolitical confrontation with the Oghuz. The strong migration of Cumans and Kipchaks from the areas of the Irtysh and Ishim rivers in the Western and southern directions, which were part of the union of Kimek tribes, influenced the collapse of the Oghuz state. Thus began the era of the Kipchak state, which included the area between the rivers Irtysh and Dniester.

At the end of the 11<sup>th</sup> century, the process of migration of the Oghuzes, who could not withstand the opposition of the Kipchaks with high internal ethno-political cohesion, began to the areas adjacent to the Iranian border [Gündüz, 2016, p. 91]. At the end of the 10<sup>th</sup> century in the steppes of Central Asia, there was a tendency to weaken two states: 1. The Oghuzes. 2. The Persian state of the Samanids. Undoubtedly, the weakening of the Samanid state allowed the Oghuz to migrate freely to the west. The reason was the collapse of the Samanid state, when its vassal Khorezm opened the doors of Khorasan to the invasion of nomadic tribes. It is known that the Khorezm region was an important bridge between Central Asia and Khorasan.

It is known that for any Central Asian ruler who wanted to open the way to the Iranian civilization, it was historically natural that the first political step began with the conquest of Khorezm. Dur-

---

<sup>14</sup> The tribe of Turkic origin that inhabited the northern steppes of modern Kazakhstan and Western Siberia in the 8<sup>th</sup> – 9<sup>th</sup> centuries.

<sup>15</sup> The city that served as the capital of the Khazar state in the 8<sup>th</sup> – 10<sup>th</sup> centuries. It is difficult to name its location for sure, due to the fact that archaeologists have not found it. However, based on medieval data, researchers claim that the modern Volga is located in the lower reaches of the river [Flerov, 2010, p. 89].

<sup>16</sup> The river in the west of modern Kazakhstan.

ing this period, the Khorasan region, which was part of the weak Samanid state, could not resist the new newcomers. The displacement of the Oghuz people by the Kipchaks from the Syrdarya, Aral, and Caspian regions led to their migration to Khorezm, crossing the Amu Darya. For the cattle of the Oghuz tribes, the insufficient natural landscape resources of the Khorezm region was an understandable situation. A number of researchers have put forward their well-founded arguments on this.

The Oghuz, who had stayed for a short time in the vicinity of the Amudarya, took advantage of the poor internal integration of the Khorasan region and began to penetrate the Iranian steppes at the beginning of the 11<sup>th</sup> century.

Other factors, along with the phenomena of change of political and military, and ethno-territorial forces, had the potential to influence the migration of the Oghuzes from the Syrdarya and the Aral regions to the Khorezm and Khorasan regions as well. This is because, according to contemporary American researchers who studied the ecological history of Central Asia [Toonen, McLean, 2021], climate change might contribute to the weakening and decline of the civilizations that inhabited Central Asia in the Middle Ages. The American geographer Mark McLean, studying the place of irrigation systems of the cities located in Syrdarya, the vicinity of the Aral Sea between the 8<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> centuries, predicts their (cities') decline and weakening not from external invasions, but the impact of climate change (drought, reduction of water, etc.) [Ibid.]. The above arguments do not disprove the results of the research of famous Orientalists V. Bartold [Bartold, 1902] and Yu. Gulyamov [Gulyamov, 1957]. It is quite probable that these arguments also apply to the migration of the Oghuzes to the west. Certainly, a great influence on the migration of the Oghuzes was exerted by the Kipchaks from the North. Since the 11<sup>th</sup> century, historical sources have referred to the territory between the Syrdarya and the Caspian Sea as the "Kipchak Steppe" (Persian: Dashti-Kipchak) [Al-Istakhri, 1939, p. 147].

There is no information in the historical sources on the occurrence of certain wars between the Oghuzes and the Kipchaks. Among the Turkic tribal unions, the largest number of tribes were part of the Oghuz confederation. For instance, the historical sources record that the Kimak confederation included 16 tribes, while the Karluks included 9 tribes. The Oghuz Confederation consisted of 24 tribes. That is, the Oghuz could prevail in terms of the number of its people. Therefore, it should not be denied that the influence of internal and natural-economic factors on the migration of the Oghuz to the west was stronger than the pressure of external political and military forces. That is, we suggest that disputes over power and land between the Oghuz tribes and climate-induced drought factors led to a weakening of the economic system. Obviously, the decline of the economic system (farming, cattle breeding) complicated the factors of people's lives. We seek to explain with the above justified arguments the process of migration of the Oghuz to the west that was undertaken in order to find new resources for life.

In addition, the migration of the Oghuz to the west was also influenced by the absence of political and military barriers in the west and the availability of free territories without owners. At the beginning of the 11<sup>th</sup> century the Iranian lands from the political point of view represented an empty space. The Samanid state, which ruled the Iranian lands, was going through an era of decline. The Ghaznevid state, after the death of Mahmud Ghaznevi (1030), lost solidarity and was forced to give up its influence from Khorasan [Khodzhayov, 1989, p. 106]. In this regard, the entry of the Oghuz into the lands of Khorasan, and Iran from the 1030s and the consequences of the transient processes of establishing the Seljuk state led to their comprehension and with coming of a favorable historical time.

### **Retrospective view on the historical consequences of the migration of the Oghuz to Asia Minor**

In 1035 the Kynyk tribe of the Oghuz settled in Khorasan under the leadership of the brothers Chagra, Togrul, and Musa ibn Seljuk. There, they encountered resistance from Masud, the viceroy of the Ghaznevid state. The battle of Dandanakan (1040) between the Ghaznevids and the Oghuzes over Khorasan was decided in favor of the Oghuzes, and Khorasan came under the rule of the

Oghuzes [Shafiyev, 2000, p. 112]. The capture of Khorasan subsequently paved the way for the mass migration of the Oghuz to Asia Minor. In 1040–1045 waves of migration of the Oghuz to the interior of Iran began, which formed a new state structure. The process of formation and development of the state system of the Oghuz reached its peak in the time of Togrul bey (1038–1063). The new state system was named after Seljuk by the Seljuks, who was the leader of the great dynasty of the Kynyk tribe. During the time of Togrul Bey, the Oghuz finished conquering the Khorezm, Khorasan, and the west Iranian lands and in 1055 they subjugated Baghdad [Gündüz, 2016, p. 92].

The Abbasid caliph al-Qaim was forced to declare Togrul Bey as “Sultan” and “The King of the East and the West”. From this period the ruler of the Oghuz received the title of the Muslim ruler “Sultan”. Under the Sultans Alp-Arslan (1063–1072) and Melik-Shah I (1072–1092) the processes of penetration of Oghuzes into the lands of South Caucasus and Asia Minor began. This geopolitical action led them into conflict with Byzantium, the owner of these territories. The Battle of Manzikert with Byzantium in 1071, resolved in favor of the Seljuks, and opened the door to their mass migration to Asia Minor. Thus, the period of conquest and exploration of Asia Minor by the Oghuz tribes went down in history [Vryonis, 1975, p. 52].

Taking a retrospective approach to the historical consequences of the migration of the Oghuz to Western Asia and Asia Minor, it will be seen that it contributed to the realization of state structures that caused a large-scale problem concerning the history of three continents. As a result of the political-military and ethno-territorial cooperation of the Oghuzes, a Seljuk state was established in Iran. Undoubtedly, the emergence of the Seljuk state formed the prerequisites for the process of Turkization in the lands of Asia Minor, Iran and the South Caucasus. The Oghuz tribes resettled en masse, by forming perfect assimilation mechanisms for local peoples. This phenomenon was characteristic of the history of nomadic Turkic-Mongolian peoples. Since we know that the Mongols, who came to conquer the Turkic peoples in Central Asia, were themselves Turkicized. Historical time proves that their language, culture, and religion underwent the Turkization process.

The migration of the Oghuz, who conquered Iran and Asia Minor, contributed to the expansion of the ethnic map of Turkic peoples from Eastern Turkestan (China) to the Aegean Sea. The Asia Minor Peninsula became the host place for Turkic tribes subjected to political and social pressures in their historic homeland. This historical situation could be compared to the tendency of 16<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup> century among Europeans, who were subjected to various political and social narrowness, of migrating to America in search of a livelihood.

Although the ethnic core of the Seljuk state was initially in Iran, it later moved to Asia Minor. Yet it left the traces of a process of strong Turkization in the western regions of Iran. As its manifestation we can mention the existence of about 10 million ethnic Turks who inhabited areas on the border of modern Iran with Azerbaijan, Turkey, and a chain of Turkish toponyms.

The Oghuz, who settled in Asia Minor, had unstable relations with the Byzantine state until the Ottoman period. However, their purpose was clear – to subdue the Byzantine Greek cities, if possible, and to become the most influential force in the region. They were driven to this goal by two motives: 1. Survival by any means in difficult times. 2. Wage war against other believers and the spread of Islam. It is known that the first indicated motive was changed to the mission of becoming a world power in the Ottoman era. In many medieval sources describing the actions of the Seljuks, we find the judgment of “survival by any means”. It is no coincidence that Byzantine historians called the Seljuks “the Great conquerors seeking a new homeland” [Beihammer, 2009, p. 602]. That is, their actions show that they sought to establish themselves in a particular new homeland and live there forever.

The historical processes of the Ottoman era determined the pattern of migration of the Oghuz to Asia Minor. The Ottoman history, which reigned for more than six hundred years, concretized the progression of the ethnocultural and ethnopolitical consequences of the Oghuz migration.

### Conclusion

The internal and external migrations of the Turkic tribes, who inhabited the center of Eurasia, led to the cultural transfer, renewal of ethnic, cultural and educational values. Although the general form of the migration of the Oghuz tribes, who made three historical migrations between the 8<sup>th</sup> and 11<sup>th</sup> centuries, is similar, however, it can be seen that their internal content differs from each other. Undoubtedly, the migration turmoil that fell on their heads at different periods of history was a test of time or a “challenge” for the Oghuz. They sought to meet these challenges through their accumulated life experiences and skills. In addition, in each phenomenon of migration there is a certain experience. In the course of the research we analyzed and systematized the prerequisites and consequences of the migration of the Oghuz from the steppes of Mongolia to Semirechye. Their life in Semirechye was not much different from the previous period. Obedient to the strict law of nomadic society – “the strongest will survive” – the Oghuz had gone through a vassal state. The second wave of subsequent migration brought the Oghuz to a new level of political and cultural development. On the Syrdarya River, the Oguzes achieved their independence and improved their cultural and social infrastructure. The internal social division of society manifested itself in a new form. By mastering the methods of government, it defined its role in the international political arena. We shall discuss the preconditions and consequences of the three westward migrations of the Oguzes by systematizing the following Table (table 3).

Differences between the stages of Oguz migration to the West

Table 3

Различия между этапами миграции огузов на Запад

Таблица 3

No.	Duration of Migration	Direction point	Reasons	Results
1	The middle of the 8 <sup>th</sup> century	Alakol, Balkhash Lakes (Semirechye)	Wars between tribes inhabiting Mongolia, lack of internal unity, the guiding idea was the disobedience of the central power	The Oghuz tribes migrated from the Mongolian region and approached the semi-nomadic and semi-settled areas of Central Asia
2	The beginning of the 9 <sup>th</sup> century	The Syrdarya, the Aral Sea, and the Caspian Sea	The pressure of the Karluks, Uighur tribes, search for new natural and economic resources, etc.	The process of cultural synthesis began. The formation of the stages of state development
3	The beginning of the 11 <sup>th</sup> century	Western Asia (Iran), Asia Minor, and the South Caucasus	The arrival of the Kipchak tribes, the possibility of depletion of natural and economic resources, and the change in geopolitical forces in the Khorezm and Khorasan regions	It opened the way to the process of Turkization of the territories of West Asia, Asia Minor, and the South Caucasus. It contributed to the emergence of the Ottoman Empire, which played a huge role in the history of the European, Asian and African continents

The third of the last great migrations to the west, shown in the Table, seemed to define their subordination to certain historical and temporal patterns of long-standing migratory tendencies. Com-

pared to the migration trends of other Turkic tribes, the political-ethnic and cultural-social consequences of the migration of the Oghuz are closely intertwined with the present day. As a reflection of the traces of the migration of the Oghuzes in Western Asia and Asia Minor, nowadays there exist such states as Turkmenistan, Azerbaijan, and Turkey. The descendants of the Oghuz, who live in the above-mentioned states, are inseparable from their genetic and cultural codes, and this is reflected in their attempts at mutual integration.

### References

- Agadzhanov S. G.** Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii. 9<sup>th</sup> – 12<sup>th</sup> vv. [Essays on the history of the Oguz and Turkmens of Central Asia. 9<sup>th</sup> – 12<sup>th</sup> centuries.]. Ashkhabad, 1969. (in Russ.)
- Agadzhanov S. G.** Oguzskaya problema i zadachi yeyo izucheniya [The Oguz problem and the tasks of its study]. Moscow, Nauka, 1975. (in Russ.)
- Al-Istakhri.** Izvlecheniya iz “Kitab mesalik al-memalik” [Extracts from “Kitab mesalik al-memalik”]. In: Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan. Moscow, AS USSR Publ., 1939, vol. 1, pp. 135–180. (in Russ.)
- Amrakhov M.** Voznikoveniye gosudarstvennosti i formy zemlevladieniya u tyurkov [The revival of the state and the form of land ownership among the Turks]. Baku, Mutardzhim, 2011. (in Russ.)
- Andrianov B. V., Mantellini S.** Ancient Irrigation Systems of the Aral Sea Area: The History and Development of Irrigated Agriculture. Oxford, Oxbow Books, 2016.
- Artamonov M. I.** Istoriya khazar [History of the Khazars]. St. Petersburg, 2001, 550 p. (in Russ.)
- Aydarbekova G. B.** “Tore” i “Yosun” kak normy obychnogo prava tyurkskoy kochevoy tsivilizatsii [“Torah” and “Yasa” as the norms of customary law of the Turkic nomadic civilization]. *Vestnik KazNPU*, 2011, no. 2, pp. 41–52. (in Russ.)
- Bartold V. V.** Zapisi ob Aral'skom more i Nizhnem techenii Amudar'i s drevnejshih vremen do XVII veka [Records on the Aral Sea and the Lower Stream of the Amudarya Since the Earliest Times to the 17<sup>th</sup> Century]. Turkestanskoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva. Tashkent, 1902. (in Russ.)
- Beihammer A.** Die Ethnogenese der seldschukischen Türken im Urteil christlicher Geschichtsschreiber des 11. and 12. Jahrhunderts. Walter de Gruyter GmbH & Co.KG. Published online: June 14, 2010.
- Bolshakov O. G.** K istorii Talasskoy bitvy (751 g.). Strany i narody Vostoka [On the history of the Battle of Talas (751). Countries and peoples of the East]. Moscow, Nauka, 1980. (in Russ.)
- Flerov V. S.** “Goroda” i “zamki” Khazar'skogo kaganata. Arkheologicheskaya real'nost' [“Cities” and “castles” of the Khazar Khaganate. Archaeological reality]. Moscow, Mosty kul'tury, 2010, 260 p. (in Russ.)
- Golden P.** The migrations of the Oğuz. *Archivum Ottomanicarum*. Wiesbaden, 1972, vol. 4, pp. 45–84.
- Gulyamov Y. G.** Istoriya orosheniya Horezma s drevnejshih vremen do nashih dnei [The History of Irrigation of Khorezm from the Ancient to Present]. Tashkent, Akademiya nauk Sovetskoi Uzbekskoi Respubliki, 1957. (in Russ.)
- Gündüz T.** Bozkırın Efendileri Türkmenler Üzerine Makaleler [Articles About Turkmens, Lords Of The Steppe]. İstanbul, Yeditepe yayın evi, 2016.
- Ibn al-Athir** Izvlecheniya iz “Al-kamil fi-t-tarikh” [Extracts from “Al-kamil fi-t-tarikh”]. Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan. Moscow, AS USSR Publ., 1939, vol. 1, pp. 358–409. (in Russ.)
- Khodzhayov T. K.** Turkmeny v Sredneaziatskom mezhdurech'ye [Turkmens in the Central Asian Interfluvium]. Ashkhabad, 1989. (in Russ.)

- Kononov A. N.** Rodoslovnaya Turkmen [The pedigree of the Turkmens]. Moscow, 1958, 230 p. (in Russ.)
- Minorsky V., Bosworth C. E.** Hudud al-Alam: The regions of the world: A Persian Geography (Gibb Memorial Trust Persian Studies) (Persian Edition). Gibb Memorial Trust, 1982, 546 p.
- Omarbekov T., Khabizhanova G.** Central Asian Turkic Tribes: Karakitay Periodin Their Cultural and Ethnic History. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 25, no. 11, pp. 1589–1594.
- Rustamova A. R., Kormushina I. V. et al.** Makhmud al-Kashgari. Divan lugat at-turk (Svod tyurkskikh slov) [Mahmoud al-Kashgari. Divan lugat at-turk (A set of Turkic words)]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2010, 461 p. (in Russ.)
- Shafiyev F.** Etnogenez i istoriya migratsiy tyurkskikh kochevnikov: zakonomernosti protsessa assimilyatsii [Ethnogenesis and history of migration of Turkic nomads: patterns of assimilation process]. Baku, 2000. (in Russ.)
- Soofgʻzadeh A.** Selçuklu Devleti'nin Kurucusu Olan Türkmenler [Turkmens who founded of the Seljuk State]. *Oğuz-Türkmen Araştırmaları Dergisi (OTAD)*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 158–170.
- Sultanov T. I.** K istoriografii etnopoliticheskoy istorii ulusov Dzhuchi i Chagataya [On the history of the ethno-political history of the Jochi and Chagatai uluses]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 74–92. (in Russ.)
- Tolstov S. P.** Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta [On the ancient affairs of Oxus and Jaxartes]. Moscow, 1962, vol. 29, pp. 41–71. (in Russ.)
- Vryonis S.** Nomadization and Islamization in Asia Minor. *Dumbarton Oaks Papers*.
- Willem H. J., Toonen Mark G. et al.** Hydromorphic reevaluation of the forgotten river civilizations of Central Asia. *PNAS*, 2020, vol. 117, no. 5, pp. 32982–32988.

#### Information about the Authors

**Gulzinat I. Mensitova**, PhD Student  
**Gulnara B. Khabizhanova**, Doctor of Sciences (History), Professor  
**Aknur O. Koshymova**, PhD in History  
**Yrysbeq K. Omarbayev**, PhD in History

#### Информация об авторах

**Гульзинат Исабековна Менситова**, аспирант  
**Гульнара Булатовна Хабижанова**, доктор исторических наук, профессор  
**Акнур Оразгалиевна Кошымова**, кандидат исторических наук  
**Ырысбек Курбанбекович Омарбаев**, кандидат исторических наук

*The article was submitted 31.08.2021;  
approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 14.12.2021  
Статья поступила в редакцию 31.08.2021;  
одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 14.12.2021*

Научная статья

УДК 398'54

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-145-156

## Дикая свинья в традиционном мировоззрении и обрядности бурят

Андрей Андреевич Бадмаев

Институт археологии и этнографии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

badmaevaa@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

### Аннотация

Реконструируется комплекс бурятских традиционных представлений о дикой свинье и выясняется ее символика. Определено, что в мифологических воззрениях бурят образ дикой свиньи имеет неоднозначную характеристику. На лексических материалах и данных по малым жанрам фольклора бурят выяснено, что домашняя свинья являлась символом чувственности, бедности или, наоборот, материального благополучия. В то же время она связывалась с рядом негативных черт человека. Выявлено, что кабан символизировал храбрость, а также необдуманность поступков. Среди его биологических особенностей выделяли слух и обоняние. В традиционных воззрениях бурят это животное предстает в качестве тотема или кормилицы прародителей. Кроме того, вепрь олицетворяет мужское начало, наделяется символикой плодovitости и небесной воды. Выяснено, что в эпике бурят его образ имеет негативную коннотацию и связывается с мотивом души демонического существа. Показывается, что в традиционной обрядности голова кабана и, в частности, его бивни выполняют функцию апотропея. Образ животного ассоциируется с «игровым» духом *гахай онгон*. В шаманской поэзии вепрь является антропонимом (*Ггахай багша*). На материалах по обрядности выделена его положительная коннотация, определяемая такими основополагающими значениями, как земля, небо. Доказано, что он несет символику плодородия и плодovitости. Выяснено, что его рассматривали как транспорт для божества. Вместе с тем он получает отрицательную характеристику, обусловленную оценкой кабана как вестника смерти.

### Ключевые слова

этнография, фольклор, лексика, буряты, традиционное мировоззрение, шаманизм, буддизм, дикая свинья

### Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

### Для цитирования

Бадмаев А. А. Дикая свинья в традиционном мировоззрении и обрядности бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 145–156. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-145-156

## Wild Pig in the Traditional Worldview and Rituals of the Buryats

**Andrew A. Badmaev**

Institute of Archaeology and Ethnography  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation  
badmaevaa@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

### Abstract

*Purpose.* The purpose of the article is to find out the complex of traditional ideas about the wild pig and its symbolism among the Buryats.

*Results.* In the first part of the work, a comparative characteristic of wild and domestic pigs in the Buryat culture is carried out.

Lexical materials indicate the common Mongolian origin of the main terms denoting wild and domestic pig. Based on the fact that the population of the Baikal region knew about the domestic pig from the Hunnic time, the ancestors of the Buryats could get information about this animal at a fairly early period of their history. It is indicated that the Buryats reflected the biological characteristics and behavior of wild and domestic pigs in the works of small genres of folklore. The negative characteristic of the domestic pig in the traditional worldview of the Buryats is emphasized in general.

In the second part of the study, mythological views about the wild pig are isolated.

It is noted that in the traditional representations of the Buryats, this animal appears as a totem or nurse of the progenitors. The symbolism and semantics of the boar are revealed, the connotation of this artiodactyl among the Buryats is determined.

The third part of the article is devoted to identifying the image of a wild pig in the traditional ritual of the Buryats.

The manifestations of the image of the boar in the traditional ritual of the Buryats are being clarified. The sacredness of his image is associated, in particular, with the apotropaic function of the animal's head, especially its tusks. The main motives associated with the wild pig are determined.

*Conclusion.* The study shows that in the traditional worldview of the Buryats, the image of a wild pig is polysemantic and has ambivalent connotations.

Comparative characteristics of images of domestic and wild pigs in the culture of the Buryats revealed a different attitude towards them. Based on the analysis of Buryat vocabulary and small genres of folklore, it can be argued that the domestic pig symbolized sensuality, poverty and, conversely, material well-being. Many negative qualities of a person were associated with it. Meanwhile, the boar personified bravery, and at the same time thoughtlessness. Of the biological signs of a wild pig, the Buryats especially distinguished its hearing and sense of smell.

Despite some fragmentation of the image of the boar in the traditional worldview of the Buryats, a complex of judgments about it is revealed. In them, the animal acts as a totem, and as the nurse of the first ancestors. He is perceived as a symbol of strength, masculinity. In addition, he is endowed with the symbolism of fertility and heavenly water. In the epic of the Buryats, his image received an unambiguously negative connotation, and was linked to the motive of the soul of a demonic being.

In the shamanic ritual, the tusks and, in general, the boar's head, played the role of the apotropee. In it, the image of the animal was associated with the "game" spirit of *Gakhai ongon*. In shamanic poetry, the boar appears as an anthroponym (*Gakhai bagsha*). The materials on shamanic rituals highlight the positive connotation of this animal, due to such important meanings as earth, sky. The wild pig is a symbol of fertility. Probably, she was also perceived as a transport for the deity. However, there is also a negative connotation associated with the perception of the boar as a messenger of death.

### Keywords

ethnography, folklore, vocabulary, Buryats, traditional worldview, shamanism, Buddhism, wild pig

### Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the research project of IAET SB RAS no. FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17<sup>th</sup> – 21<sup>st</sup> centuries"

### For citation

Badmaev A. A. Wild Pig in the Traditional Worldview and Rituals of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 145–156. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-145-156

## Введение

Образ кабана представляет один из распространенных культурных символов в Евразии, который окружен различными ассоциациями и смыслами. Во многом это обусловлено биологическими особенностями и практической ценностью данного животного.

Среди зооморфных образов, встречающихся в мифологических представлениях и обрядности бурят, также присутствует образ дикой свиньи. Объясняется это прежде всего обитанием данного парнокопытного (точнее его разновидности – забайкальского кабана (*Sus scrofa sibiricus Staffe*)) в Байкальском регионе.

Кабан являлся объектом мясной охоты для местного населения, начиная с мезолитического времени [Цыбиктаров, 1999, с. 50]. Об этом свидетельствуют находки костных останков этого животного на стоянках и других памятниках Юго-Восточной Сибири, относимых к различным археологическим эпохам и культурам.

В бурятоведении пока не предпринималось специального исследования образа данного парнокопытного, но отдельные аспекты, связанные с ним, были рассмотрены в работах Г. Р. Галдановой, Д. А. Бурчиной и др. Настоящее изыскание нацелено на выяснение комплекса традиционных представлений о дикой свинье и ее символики у бурят.

Источниками для работы послужили этнографо-фольклорные, лексические сведения и полевые материалы автора. В рамках исследования особое значение имеют этнографические и фольклорные сведения, полученные С. П. Балдаевым, Д. А. Бурчиной, Г. Р. Галдановой и др. Основным лексическим источником является двухтомный словарь «Буряад-ород толи» (2010), подготовленный К. М. Черемисовым и Л. Д. Шагдаровым. В исследовании автор опирается на структурно-семиотический метод, предусматривающий определение символики, выражающей идеи о кабане.

## Сравнительная характеристика дикой и домашней свиньи в культуре бурят

Буряты, для которых традиционным было занятие скотоводством, добывали кабана, наряду с другими зверями, в ходе облавы и другой охоты, устраиваемой для получения дополнительного мясного запаса. С переходом к земледелию они стали в случаях потравы зерновых этими парнокопытными организовывать на них специальную охоту (ПИМА: С. О. Бильдуев). Дело в том, что, ведя ночной образ жизни, кабаны нередко поедали и вытаптывали посевы и тем самым наносили экономический урон.

В бурятском языке сложилась половозрастная градация дикой свиньи, включающая в себя и некоторые диалектизмы: *Бодон(э)* ‘вепрь’; *ан гахай*, *бодон гахай*, *ойн гахай*, *мэгэжэ* ‘дикая свинья’; *мэргэсэр* ‘трехлетний кабан’; *ногтомол бодон* ‘матерый старый кабан с загнутыми клыками’; *торой*, *хобһо(н)* ‘поросенок дикой свиньи’.

Сравнение основных бурятских терминов, обозначающих данное животное, – *бодон* и *гахай* с лексическим материалом по другим монгольским народам указывает на их единое, общемонгольское происхождение: п.-монг. *yaqai* – *gaхай* ‘свинья’ [Поппе, 1938, с. 175]; *бодон(э)* ‘дикий кабан (самец), вепрь’ [БАМРС, 2001–2002, с. 404]; *гахай* ‘свинья, кабан, вепрь’, *зэрлэг гахай*, *бодон гахай* ‘дикий кабан’ [Там же, с. 551]; *бодн* (домашняя свинья), *зерлг бодн* (дикая свинья) [РКС, 1964, с. 223]; *наха* ‘свинья’ [Там же, с. 634]; *бодн* ‘дикий кабан, вепрь’, *бодн наха* ‘дикий кабан’ [КРС, 1977, с. 104]; *гагэ* ‘свинья’ [КДРС, 2014, с. 37]; *хау гагэ* ‘кабан’ [Там же, с. 180]; *бодон*, *бодун* ‘вепрь, дикий кабан’ [ХРС, 2015, с. 57]; *гахай* ‘свинья, кабан’, *бодон гахай* ‘кабан’ [Там же, с. 100]. Как видим, иногда оба слова выступают как синонимы. В то же время нельзя не заметить, что под *гахай* / *гагэ* / *наха* чаще всего подразумевают свиноматку, а под *бодн* / *бодон* / *бодун* – самца дикой свиньи. Кроме того, наличие в монгольских языках одних родовых названий для разных биологических видов

ясно говорит о признании монгольскими народами родства между домашней и дикой свиньей.

Заметим, что только в середине XIX в. оседлые буряты (первоначально в Предбайкалье) в результате заимствования опыта русского старожильского населения начали разводить домашнюю свинью (*Sus scrofa domesticus*) с целью покрыть потребности в мясе и жире. Вероятно, представления о ней могли сложиться ранее, так как у южных соседей бурят она была известна с глубокой древности. В пользу этого можно привести следующие факты: предки китайцев одомашнили это животное еще 9 тыс. л. н. [Дмитриев, 2015, с. 38]; население хуннских городищ в Забайкалье (II в. до н. э. – I в. н. э.) держало свиней [Цыбиктаров, 1999, с. 139]; в IX–X вв. монголоязычные кидани, перешедшие к оседлому образу жизни, разводили так называемых желтых свиней [Е Лун-ли, 1979, с. 322].

Наблюдая за дикой свиньей, монгольские народы получили представление о типичном для нее поведении в особых ситуациях. Они отдельно подмечали такое качество вепря, как его бесстрашие, проявляемое им в схватке с крупным хищником (волком и медведем). Неслучайно поэтому, с кабаном у них ассоциировались сильные и храбрые воины: например, в калмыцком героическом эпосе «Джангар» богатырей зовут *бодн* ‘перен. богатырь, герой’ [КРС, 1977, с. 104]. Отсюда можно предположить, что образ вепря увязывался с воинским культом.

Правда, в языке бурят подчеркивается способность кабана к неосознанным действиям – в минуты опасности он прямо бросается на врага: в частности, слово *бодонгуйгоор* ‘не думая’ [БРС, 2010, т. 1, с. 133] происходит от названия вепря.

Поведение свиноматки в критические дни передает глагол *дэлюурхэхэ* ‘взбеситься, возбудиться в период течки’ [Там же, с. 327], который указывает на неадекватность ее поведения в такой период. Вероятно, в традиционных воззрениях бурят свинья выступала символом чувственности. В народной примете ее половое возбуждение соотносится со стихией ветра: «Игра свиней предвещает сильный ветер, бурю» [Евсенин, 1916, с. 483].

Способность кабана в поисках пищи раскапывать землю рылом и бивнями отображает глагол *олихо* ‘бодать, подбрасывать землю’ [БРС, 2010, т. 2, с. 22]. Заметим, что, являясь до XIX в. преимущественно полуномадами, буряты в своей мифологии не ассоциировали дикую свинью с регенерацией земли, у них не возникла, подобно древним земледельческим народам, идея связывать образ кабана с зачатками земледелия. Например, у индийцев бытуют представления об этом диком парнокопытном как о воплощении бога Вишну, якобы научившего людей вспахивать и удобрять землю [Nandita Krishna, 2014, p. 54].

Со словом *гахай* в значении ‘домашняя свинья’ связывали негативные качества человеческой природы: *гахай* бран. ‘грубиян, хапуга, мошенник’ [Аникин, 2000, с. 164]. У бурят есть выражения: *Гайхай шиг* ‘Подобный свинье’, *гахайдляар* ‘как свинья’, *гахайшалха* ‘подражать свинье’, аккумулирующие такие человеческие черты и пороки, как упрямство, недальновидность, глупость (*гахай тэнэг* ‘перен. круглый дурак’), жадность (*гахай хомхой* ‘весьма жадный’), чревоугодие (ведущее к излишнему весу), неряшливость не только во внешнем виде, но и в поведении. В других фразеологизмах передаются отдельные физические особенности и привычки животного, которые относимы и к дикой свинье: *Гайхай нюдэтэй* ‘с узкими, как у свиньи, глазами’; *гахайшалан хэбтэхэ* ‘валяться как свинья’ [БРС, 2010, т. 1, с. 201] (хотя с точки зрения физиологии ничего зазорного в поведении животного нет: купание в грязи помогает ему уменьшить теплоотдачу, защититься от ультрафиолетового излучения и избавиться от паразитов).

Буряты интуитивно осознавали родство дикой и домашней свиньи, одними и теми же словами обозначая звуки, издаваемые этими животными: например, глагол *хоршогонохо* ‘хрюкать’ относится к обоим биологическим видам; в бурятском языке данное качество животного опять-таки сопрягается с недостойным поведением человека – иллюстрацией тому является фразеологизм *Хоршогоножо ябажа гуйхэ* ‘досл. бегать, хрюкая; перен. носиться, говоря нехорошие вещи’ [Там же, т. 2, с. 452].

Известно, что домашняя свинья сохранила также биологические особенности ее дикого предка, такие как острый слух и тонкое обоняние. Неслучайно бурятские охотники пользовались иносказаниями, когда готовились к предстоящему промыслу; считалось, что земля – это уши дикой свиньи [Галданова, 1987, с. 38]. В сказочном фольклоре бурят имеется персонаж *Гахай багша* ‘Кабан-учитель’, лекарь-прорицатель, атрибутом которого является свиная голова на шесте; благодаря ей он будто бы узнает тайны, обнаруживает золотое кольцо – хранилище души [БНС, 2008, с. 52]. Очевидно, здесь нашло отражение народное представление о характерном для дикой свиньи развитом обонянии, с помощью которого она обнаруживает съедобные клубни, корешки и др.

В монгольской пословице намеренно противопоставляются домашняя свинья и собака: *Нохой гэхэд, гахай гэх* ‘Ему про собаку, а он про свинью, перен. называть белое черным’ [БАМРС, 2001–2002, с. 551]. Действительно, в народных суждениях бурят собака наделялась, в том числе, и положительной коннотацией. Однако семантика бурятских словесных оборотов и выражений, в которых одновременно упоминаются свинья и собака, несколько иная: например: *нохой гахай* ‘букв. свиньи и собаки; собир. домашние животные’ [БРС, 2010, т. 1, с. 201]; *гахай ябаган, нохой нюсэгэн* ‘досл. пеший, как свинья, голый, как собака; перен. ни кола, ни двора’ [Там же, с. 615] (т. е. оба животных символизировали бедность человека). В то же время в благопожеланиях владение свиньей преподносится как показатель определенного социального положения:

*Газар хадарха гахайтай боложо,  
Галабта дуулдаха нэрэтэй  
Боложо байгаарайт!*

Имейте свинью, чтоб рыла землю,  
Заслужите имя, чтоб звучало навеки!  
[ФКД, 1999, с.122].

Понятно, что приведенные выше образцы малых жанров фольклора могли возникнуть в среде бурят, которые подверглись седентаризации.

Разное отношение бурят к домашней и дикой свинье проецировалось на их имянаречение: среди бурятских мужских имен фигурирует имя, омонимичное названию кабана – *Бодон* [Митрошкина, 1987, с. 81], но нет имен, производных от номинации домашней свиньи. Делая экскурс в историю, можно вспомнить, что одного из предков Чингисхана звали Бодончар (вероятно, как вариант, *Бодон-чар* ‘След (или хруст (произведенный) кабана’) [Лубсан Данзан, 1973, с. 55] (род. 970 г.); данный факт свидетельствует об архаичности в монгольской среде обычая называть мальчиков именем, производным от названия вепря.

Еще один критерий, по которому буряты разделяли дикую и домашнюю свинью, была их съедобность. Автор XVIII в. обращает внимание на неприятие бурятами свинины по причине отнесения домашней свиньи к так называемым нечистым животным [Миллер, 2009, с. 256]. Конечно, позднее, с преодолением предубеждения к свинине они стали включать ее в свой рацион. Подобные воззрения были, в частности, у западных монголов: «Свинью дикую Торгоуты считают **чистой** и мясо ее едят; она питается корнями и травой; китайскую домашнюю считают **нечистой** (выделено мною. – А. Б.), потому что она чистит задние дворы, и мясо ее не едят» [Потанин, 1881, с. 96]. Домашняя свинья, как и собака, может поесть человеческие экскременты; зная об этом, китайцы скармливали их свиньям, для этого они строили отхожие места, совмещенные со свинарниками [Дмитриев, 2015, с. 39].

Интересно, что в культурах других народов Евразии негативное отношение к образу домашней свиньи имеет универсальный характер, оно подкреплялось еще и установленными религиозными догмами (иудейскими, христианскими, мусульманскими, буддийскими).

Замыкающий, двенадцатый год лунного календаря бурят-буддистов носит название *гахай жэл* ‘год свиньи’, последний календарный месяц, декабрь – *гахай хара* ‘месяц свиньи’, а в сутках время от 21 часа 40 минут до 23 часа 40 минут номинируется как *гахай саг* ‘час свиньи’ [БРС, 2010, т. 1, с. 201]. Несомненно, попадание данного парнокопытного в традици-

онное исчисление времени является свидетельством его значимости в прошлом. Остается вопрос, о какой, дикой или домашней, свинье может идти речь. Данный календарь попал к бурятам через монголов (оговоримся, что пути и время его появления у бурят могли варьировать, так как, начиная с конца XVI в., хори-буряты, хонгодоры и другие монголоязычные сообщества раздельно мигрировали из Монголии в Байкальский регион) от тибетцев; последние создали его на основе индийско-буддийского и китайского календарей, бывших изобретениями древних земледельческих народов. Отсюда можно предполагать, что в нем изначально упоминалась домашняя свинья.

Переходя к выяснению представленности образов рассматриваемых животных в традиционном мировоззрении и обрядности бурят, стоит оговориться, что в них полностью отсутствуют воззрения о домашней свинье, что обусловливается поздним включением этого животного в домашнее стадо.

### Мифологические представления бурят о дикой свинье

Мнение о кабане как тотеме одного из родовых подразделений хори-бурят, бодонгутов («вепрей»), высказал Ц. Б. Цыдендамбаев, при этом он основывался на версии их происхождения от киданей, у которых был известен культ этого животного [Цыдендамбаев, 1972, с. 207]. Далее, Г. Р. Галданова на материалах по закаменским (присяянским) бурятам сделала заключение, что их традиции закапывания кабаньей головы под порогом жилища и преподнесения ее в знак уважения главному свату в свадебной церемонии следует связывать с культом предков и видеть в них реликты тотемного культа кабана [Галданова, 1987, с. 38].

К сказанному выше можно добавить, что дикая свинья почиталась некоторыми предбайкальскими бурятами как животное, якобы вскормившее их прародителей: «Кочующие на западной стороне Байкала рассказывают, что будто они произошли от двух младенцев, мальчика и девочки, спущенных с неба на находящуюся близ устья реки Тунки гору, которой поныне приносят они жертвы, состоящие в разных съестных припасах и заколотых баранах, полагаемые на вершине сей горы; будто младенцы сии вскормлены были диким кабаном и племя их в последствие столько размножилось, что достигло до самого Китая...» [Спаский, 1824, с. 22–23].

В пантеоне шаманских божеств у бурят (представителей предбайкальских родов) с данным млекопитающим соотносится дух – хозяин земли *Гахай багша* (не путать с одноименным сказочным персонажем!). Иначе его называли *Даланта нойон* (от *далантай* ‘имеющий жир в загривке’ [БРС, 2010, т. 1, с. 254], в данном имени отражается анатомическая особенность кабана – наличие толстого подкожного жира в холке) или *Унаганай баатар* ‘Исконный богатырь’ (*унаган* ‘исконный, потомственный’ [Там же, т. 2, с. 297]) [Балдаев, 2010, с. 160]. Последняя его номинация отражает представления бурят о вепре как о мощном животном. Следует добавить, что описаний данного духа-хозяина нет, но не исключено, что ему придавали черты человека и зверя (вероятно, наличие кабаньей головы и шеи и человеческого тела).

Согласно С. П. Балдаеву, жену *Гахай багша* звали *Дэлуутэ* (от *дэлуун*, *дэлюун* ‘ширь, просторы’ [БРС, 2010, т. 1, с. 327]) *хат* [Балдаев, 2010, с. 160]. Но, во-первых, в бурятской мифологии по отношению к особам женского рода никогда не применяется титул *хаан* (множественное число *хат / хад*) ‘самый почитаемый, старший [БРС, 2010, т. 2, с. 393], полубог (сын или внук спустившегося с небес *тэнгэри* ‘небожитель’)’. Во-вторых, в шаманском призывании, в частности, кабанских (прибайкальских) бурят так величают самого мифического хозяина земли:

*Дэлхэйн эжэн Дэлуутэ ноен баабай,  
Гахай ехэ багша,  
Унагай ехэ баатар хун...*

Хозяин земного мира господин отец Дэлутэ  
Кабан великий учитель,  
Исконный великий богатырь...  
(ПМА: Л. Б. Сотнич. Перевод мой. – А. Б.).

Заметим, что эпитет *широкий* в имени божества согласуется со словом *земля*, т. е. с тем пространством, которое будто бы подвластно *Гахай багша*.

Между тем в другом шаманском призывании указанных выше бурят упоминается супруга *Гахай багша*:

*Дэлхэйн эжэн Дэлутэ ехэ ноен,  
Дэрсэ хатан,  
Газара эжэн Гахай багша...*

Хозяин земного мира великий господин Дэлутэ,  
Госпожа Дэрсэ,  
Земной хозяин Кабан-учитель...  
(ПМА: Л. Б. Сотнич. Перевод мой. – А. Б.).

Показательно ее имя, производное от глагола *дэрсыхэ* ‘оттопыриваться (об ушах)’ [БРС, 2010, т. 1, с. 329]. Представляется, что в нем передается одна из особенностей ушей дикой свиньи, которые являются длинными, острыми и стоячими.

Появление образа *Гахай багша* в бурятской сказочной прозе связывают с влиянием буддизма [Бурчина, 2007, с. 36]. Однако, судя по архаичности образа кабана у бурят, фигура этого мифического духа – хозяина земли могла возникнуть в шаманской традиции. В пользу этого говорит и этимология слова *багша* / *бакша* (она ведется от китайского слова *pak-si* / *pak-dzi* ‘мастер, учитель’ [Аникин, 2000, с. 112–113]), которое было известно в языке древних тюрок, а также средневековых монголов. У тюркских народов (казахов, киргизов и др.) им обозначали шамана, в частности гадающего с помощью кобуза или владеющего скапулимантией. Между тем в сказочной прозе бурят *Гахай багша* – это тот же гадатель, ясновидец, правда, находящий ответы посредством свиной головы.

Исходя из ранее сказанного, можно полагать, что кабан наделялся символикой мужества, а вместе с тем и охранительной функцией. В этой связи, кабаньей бивень, который подвешивали к мужскому поясному набору присаянских бурят [Галданова, 1987, с. 38], следует расценивать как апотропей.

Как упомянуто выше, у индийцев кабан рассматривался еще и как предтеча производства зерновых культур, т. е. обладал символикой плодородия. На наш взгляд, о завуалированном существовании такой идеи у бурят говорит, например, охотничья примета: «Хлеб нашел – кабана или козу добудешь» [Полтараднев, 1929, с. 102]. Очевидно, что в этой примете семантика дикой свиньи и хлеба общая. Подкрепляют наше предположение этнографические материалы С. П. Балдаева: в шаманском призывании к *Гахай Багша* буряты «просили дождь и урожай трав и **хлебов** (выделено мною. – А. Б.)» [Балдаев, 2010, с. 160]. В этой связи стоит напомнить, что у индийцев считалось, что «кабан связан с **дождем** (выделено мною. – А. Б.), и роет землю перед наступлением муссонов» [Nandita Krishna, 2014, p. 54]. Поэтому можно осторожно предположить, что в суждениях бурят это дикое парнокопытное имело также символику дождя, небесной воды.

В эпике бурят дикая свинья наделяется, как правило, отрицательной коннотацией. Дело в том, что с ней связывают представителя темных сил – многоголового мангадхая, противостоящего культурному герою: например, в героическом эпосе «Харасгай Мэргэн» это чудовище величают не иначе, как рыжий кабан [БВС, 1993, с. 135]. В другом фольклорном произведении душа мангадхая Эрхэ Бойбер хубуна находится в животе дикой свиньи [Бурчина, 2007, с. 277]. Показательно, что это животное лежит на дне моря, раскинувшегося в северо-восточной стороне (считалось, что северо-восток является потусторонним пространством). Причастность кабана к иному миру обосновывалась, в частности, его активностью в ночное время, о чем было сказано выше.

Как указание на плотоядность кабана, которую подмечали буряты, видится фрагмент упомянутого выше эпоса: «Начинает Эрхэ Бойбер хубун (мангадхай). Он крутит над головой свой семидесятипудовый молот, заклиняет, чтобы пробил широкую грудь героя, намотал его легкие и печень и бросил в пасть свиньи Ам Будан гахай (правильнее *Ан Бодон гахай* ‘Дикий кабан’ – А. Б.), которая лежит на дне ядовитого моря» [Бурчина, 2007, с. 279].

### Кабан и его символика в традиционной обрядности бурят

В шаманской обрядности образ дикой свиньи воплощается прежде всего в *гахай онгон* ‘кабаний дух’ (*онгон* ‘шаманский дух-гений’), который входил в число так называемых игровых онгонов. Во время молодежных «вечерок» шаман, вошедший в транс, изображал духов разных зверей, в том числе вепря. По Д. К. Зеленину, такие зооморфные онгоны следует рассматривать как одни из самых древних онгонов у бурят [Зеленин, 1936, с. 43], с чем можно согласиться.

Другим проявлением образа кабана в шаманской поэзии и обрядности представляется фигура мифического *Гахай багша*. Ему посвящали *Дайдын тайлган* ‘букв. Земное жертвоприношение’, которое проводили, по С. П. Булдаеву, ежегодно 23–24 июня [Булдаев, 2010, с. 160]. Локальное сообщество бурят приносило в жертву этому духу-покровителю, наряду с молочными продуктами, лошадь, позднее, с переходом к оседлости, замененную бараном. Любопытно, что посвященным *Гахай багша* животным (*сэтэр*) должна была быть отловленная в тайге черная белка (ПМА: Л. Б. Сотнич), которую после обрядовых действий выпускали на волю. Такой выбор, вероятно, обусловлен принадлежностью дикой свиньи и белки к одному, лесному пространству.

Из литературы известно, что в ритуальной практике присаянских бурят особое место отводилось кабаньему бивню. Так, им проводили границы «выкупленной» под могилу земли, испрашиваемой у духа – хозяина местности в буддийском погребальном обряде *газар гуйха* ‘просить землю’ [Галданова, 1987, с. 38]. В основе этого акта, вероятно, лежали представления о способности кабана умиротворять землю: «при отсутствии клыка (кабаньего бивня. – А. Б.) земля не будет умиротворена» [Нацов, 1995, с. 59]. Кроме того, было принято очерчивать таким бивнем землю под основание будущей срубной юрты. В этих обрядовых действиях читается символика земли, присущая дикой свинье. В этой связи вспомним, что, например, по древним космогоническим мифам индийцев, кабан выступает как защитник земли: бог Вишна, обратившись в гигантского вепря Вараха, убивает демона Хираньякша, похитившего богиню землю; после этого он своими бивнями роет землю и помещает ее в океан [Nanditha Krishna, 2014, p. 54].

Апотропейным свойством наделяли буряты и в целом кабанью голову, зарываемую под порогом [Галданова, 1987, с. 38].

Согласно Г. Р. Галдановой, в свадебном обряде *тоолэй хундэхэ* ‘почитать тоолэй’ отварная кабанья голова на деревянном блюде подносилась старшему свату [Там же]. Вероятно, такая традиция представляет реликт охотничьей эпохи, так как кабан – единственное дикое животное, чья голова выступала атрибутом свадебных церемоний у присаянских бурят. Причем по указанной выше функции она стоит в ряду с такими сакральными домашними животными, как конь и баран, по мифологическим воззрениям бурят, имеющими небесное происхождение [Бадмаев, 2020, с. 36; 2021, с. 161]. К слову, ранее в работе уже была определена небесная символика кабана. Инкорпорирование головы дикой свиньи в брачную обрядность подтверждает также то, что с этим животным увязывалась идея плодородия и плодовитости.

В том же свадебном обряде было принято вручать вместе с *тоолэй* и *жолоо* ‘уздечка’, полосу подкожного жира, срезанного по позвоночнику животного [Галданова, 1987, с. 38]. В «уздечке», на наш взгляд, заключен намек на мифологическую функцию кабана как транспорта для божества. Данное парнокопытное имеет подобное назначение в буддийской тради-

ции: верили, что бодхисаттва *Маричи* (санскрит. Луч света) управляет огненной колесницей, запряженной семью кабанами [Nandita Krishna, 2014, p. 57], как вариант, она восседает или стоит на вепре.

Еще стоит обратить внимание на то, что буряты относили коня и барана к животным с «горячим» дыханием, мясо которых считалось полезным для человека. Вероятно, кабан также принадлежал к этой категории животных. В этом контексте выглядит закономерным употребление бурятами кабанины: действительно, это дикое мясо отличается своими вкусовыми свойствами, в нем содержится много белков, минералов, витаминов, помимо этого, оно является диетическим и хорошо усваиваемым продуктом.

Обычай присаянских бурят избавляться дорóгой от преподнесенной на свадьбе кабаньей головы, запрет на внесение ее в дом и тем более употребление в пищу [Галданова, 1987, с. 38] показывает, что вепрь символизировал смерть. Очевидно, по народным суждениям, голова кабана, как и само животное, принадлежащее чуждой, дикой природе, рассматривалась как угроза человеку. Вообще же мотив смерти, связываемый с данным парнокопытным, не нов и обнаруживается в мифологии разных народов (древних египтян, греков и др.).

### Заключение

Исследование показывает, что в традиционном мировоззрении бурят образ дикой свиньи полисемантический и имеет амбивалентность коннотации.

Сравнительная характеристика образов домашней и дикой свиньи в культуре бурят выявило разное отношение к ним. На основе анализа бурятской лексики и малых жанров фольклора можно утверждать, что домашняя свинья символизировала чувственность, бедность и, наоборот, материальное благополучие. С ней ассоциировали многие негативные качества человека. Между тем кабан олицетворял храбрость, и в то же время бездумность. Из биологических особенностей дикой свиньи буряты выделяли ее слух и обоняние.

Несмотря на некоторую фрагментарность образа кабана в традиционном мировоззрении бурят, выявляется комплекс суждений о нем. В них животное выступает как тотем и как кормилица предков. Он воспринимается как символ силы, мужского начала. Кроме этого он наделяется символикой плодородия, плодовитости и небесной воды. В эпике бурят его образ получил однозначно негативную коннотацию и увязывался с мотивом души демонического существа.

В шаманской обрядности бивни и в целом голова кабана исполняли роль апотропея. В нем образ животного был связан с «игровым» духом *гахай онгон*. В шаманской поэзии вепрь предстает антропонимом (*Гайхай багша*). На материалах по шаманской обрядности выделяется положительная коннотация данного животного, обусловленная такими важнейшими значениями, как земля, небо. Дикая свинья является символом плодородия и плодовитости. Вероятно, она также воспринималась как транспорт для божества. Однако отмечается и негативная коннотация, связанная с восприятием кабана как вестника смерти.

### Список литературы

- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- Бадмаев А. А. Мелкий рогатый скот в фольклоре и обрядности бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 157–168.
- Бадмаев А. А. Образ и символика коня в мифологических воззрениях и обрядности бурят // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 2. С. 33–39.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 368 с.

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- БВС – Бурятские волшебные сказки. Новосибирск: Наука, 1993. 341 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 5)
- БНС – Бурятские народные сказки. Волшебные. Бытовые. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- БРС – Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. 1: А–Н. 636 с.; Т. 2: О–Я. 708 с.
- Бурчина Д. А.** Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Галданова Г. Р.** Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Дмитриев С. В.** Доместикация в Китае: попытка обобщения данных // Учен. зап. ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 17: Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 45, ч. 1. С. 34–49.
- Е Лун-ли.** История государства киданей (Цидань го чжи). М., 1979. 608 с. (Памятники письменности Востока. Т. 35)
- Евсенин И.** Из бурятских примет // Сибирская летопись. 1916. № 9–10. С. 483.
- Зеленин Д. К.** Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с. (Тр. ИААЭ. Т. 14: Этнографическая серия, вып. 3)
- КДРС – Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- КРС – Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лубсан Данзан.** Алтан Тобчи. М.: Наука, 1973. 439 с. (Памятники письменности Востока. Т. 10)
- Миллер Г. Ф.** Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляске из российских архивов. Т. 8, ч. 1: Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды)
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Нацов Г.-Д.** Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.
- Полтараднев П.** Пушной промысел в Тункинском районе: процесс охоты на соболя // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 99–106.
- Поппе Н. Н.** Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 566 с. (Тр. ИВ АН СССР. Т. 14)
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. 425 с.
- РКС – Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.
- Спасский Г. И.** Буряты или Братские // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1–2, кн. 2. С. 22–86.
- ФКД – Фольклор Курумчинской долины. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 137 с.
- ХРС – Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Цыбиктаров А. Д.** Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. Вып. 3. 266 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.** Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
- Nanditha Krishna.** Sacred Animals of India. New Delhi, Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.

### Полевые материалы автора

Бильдуев С. О., 1929 г. р., с. Хойтогол Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2001 г.

Сотнич Л. Б., 1932 г. р., с. Ранжурово Кабанского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2006 г.

### References

- Anikin A. E.** Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 768 p. (in Russ.)
- Badmaev A. A.** Obraz i simbolika konya v mifologicheskikh vozzreniyakh i obryadnosti buryat [The image and symbolism of the horse in the mythological views and rituals of the buryats]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2020, no. 2. p. 33–39. (in Russ.)
- Badmaev A. A.** Images and Symbols of Small Cattle in the Mythological Representations and Rituals of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 157–168. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-157-168
- Baldaev S. P.** Rodoslovnye predaniya i legendy. Zabaikal'skie buryaty [Pedigrees and legends. Trans-Baikal buryats]. Ulan-Ude, Buryat State Uni. Press, 2009, pt. 1, 376 p. (in Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow, Academia, 2001–2002, 2198 p. (in Mong., Russ.)
- Burchina D. A.** Geroicheskie eposy ungin'skikh buryat: Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov [The Heroic epic of the Unga Buryats: An index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 544 p. (in Russ.)
- Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010, vol. 1, 636 p.; vol. 2, 708 p. (in Buryat, Russ.)
- Buryatskie narodnye skazki. Volshebnye. Bytovye [Buryat folk tales. Magical. Household]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2008, 188 p. (in Russ.)
- Buryatskie volshebnye skazki [Buryat fairy tales]. Novosibirsk, Nauka, 1993, 341 p. (in Buryat, Russ.) (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 5)
- Dmitriev S. V.** Domestikatsiya v Kitae: popytka obobsheniya dannykh [Domestication in China: an attempt to generalize data]. In: *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya RAN. Otdel Kitaya [Scientific notes of the Institute of Oriental Studies of the RAS. Department of China]*, Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Publ., 2015, vol. 45, pt. 1, pp. 34–49. (in Russ.)
- E Lun-li.** Istoriya gosudarstva kidanei (Tsidan' go chzhi) [History of the Khitan state (Tsidan' go chzhi)]. Moscow, 1979, 608 p. (in Russ.) (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka [Monuments of the writing of the East], vol. 35)
- Evsenin I.** Iz buryatskikh primet [From Buryat will accept]. *Sibirskaya letopis' [Siberian chronicle]*, 1916, no. 9–10, p. 483. (in Russ.)
- Fol'klor Kurumchinskoi doliny [Folklore of the Kurumchinsky valley]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 1999, 137 p. (in Buryat, Russ.)
- Galdanova G. R.** Dolamaistskie verovaniya buryat [Pre-lamaist beliefs of the buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 115 p. (in Russ.)
- Khal'mg-ors tol' [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russian language, 1977, 768 p. (in Kalmyk, Russ.)
- Khamnigansko-russkii slovar' [Hamnigan-Russian Dictionary]. Irkutsk, Ottisk, 2015, 364 p. (in Hamnigan, Russ.)
- Kratkii dagursko-russkii slovar' [Short dagur-russian dictionary]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2014, 236 p. (in Dagur, Russ.)
- Lubsan Danzan.** Altan Tobchi [Altan Tobchi]. Moscow, Nauka, 1973, 439 p. (in Russ.) (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka [Monuments of the writing of the East], vol. 10)

- Miller G. F.** Opisanie sibirskikh narodov [Description of the siberian peoples]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2009, 456 p. (in Russ.) (Istochniki po istorii Sibiri i Alyaske iz rossiiskikh arkhivov [Sources on the history of Siberia and Alaska from russian archives], vol. 8, pt. 1)
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- Nanditha Krishna.** Sacred Animals of India. New Delhi, Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.
- Natsov G.-D.** Materialy po istorii i kul'ture buryat [Materials on the history and culture of the buryats]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Pub, 1995, 155 p. (in Russ.)
- Poltaradnev P.** Pushnoi promysel v Tunkinskom raione: Protsess okhoty na sobolya [Fur fishing in the Tunka district: The process of hunting sable]. *Zhizn' Buryatii [Life of Buryatia]*, 1929, no. 1, pp. 99–106. (in Russ.)
- Poppe N. N.** Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adab [Mongolian dictionary of Muqaddimat Al-Adab]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1938, 566 p. (in Old-Mong., Russ.) (Trudy Instituta vostokovedeniya AN SSSR [Works of the Institute of Oriental Studies AS USSR], vol. 14)
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on Northwestern Mongolia]. St. Petersburg, 1881, 425 p. (in Russ.)
- Russko-kalmytsii slovar' [Russian-Kalmyk dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1964, 803 p. (in Kalmyk, Russ.)
- Spassky G. I.** Buryaty ili bratskie [Buryats or Bratsky]. *Sibirskii vestnik [Siberian Bulletin]*, 1824, pt. 1–2, book 2, pp. 22–86. (in Russ.)
- Tsybiktarov A. D.** Buryatiya v drevnosti. Istoriya (s drevneishikh vremen do XVII veka) [Buryatia in ancient times. History (from ancient times to the 17<sup>th</sup> century)]. Ulan-Ude, Buryat State Uni. Press, 1999, iss. 3, 266 p. (in Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B.** Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye: istoriko-lingvisticheskoe issledovanie [Buryat historical chronicles and genealogies: historical and linguistic research]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1972, 662 p. (in Russ.)
- Zelenin D. K.** Kul't ongonov v Sibiri. Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov [The cult of ongons in Siberia. Remnants of totemism in the ideology of the Siberian peoples]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1936, 436 p. (in Russ.) (Trudy Instituta antropologii, arkhologii i etnografii [Works of the Institute of anthropology, archeology and ethnography], vol. 14, iss. 3)

### Информация об авторе

Андрей Андреевич Бадмаев, доктор исторических наук

### Information about the Author

Andrew A. Badmaev, Doctor of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 30.11.2021;  
одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 30.01.2022  
The article was submitted 30.11.2021;  
approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 30.01.2022*

Научная статья

УДК 39 (571.15)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-157-167

**Архитектор Е. А. Ащепков и полевые исследования  
на Алтае и в Верхнем Приобье в 1940–1950-е годы:  
вклад в этнографию русских старожилов  
(по материалам личного фонда ГАНО)**

**Татьяна Кирилловна Щеглова<sup>1</sup>  
Алексей Викторович Рыков<sup>2</sup>**

<sup>1,2</sup> Алтайский государственный педагогический университет  
Барнаул, Россия

<sup>1</sup> tk\_altai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

<sup>2</sup> avrykov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5051-3849>

*Аннотация*

Статья посвящена анализу экспедиций Е. А. Ащепкова по исследованию архитектуры русских старожилов, проводившихся на Алтае и в Верхнем Приобье в 1940–1950-е гг. Источниковой базой исследования стали дневники, полевые дневниковые записи, зарисовки, чертежи, рисунки, фотографии, сделанные Е. А. Ащепковым в обследуемых населенных пунктах и хранящиеся в его личном фонде в Государственном архиве Новосибирской области. В результате анализа выявленных источников проведена реконструкция маршрутов его экспедиций по территории Алтая и Верхнего Приобья, которые ранее были лишь частично охарактеризованы в исследовательской литературе, а также обозначен источниковый потенциал архивного фонда Е. А. Ащепкова для использования его в этнографических исследованиях.

*Ключевые слова*

Е. А. Ащепков, полевые исследования, Государственный архив Новосибирской области, русские старожилы, поселения, архитектура, методика полевой работы

*Благодарности*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края»

*Для цитирования*

Щеглова Т. К., Рыков А. В. Архитектор Е. А. Ащепков и полевые исследования на Алтае и в Верхнем Приобье в 1940–1950-е годы: вклад в этнографию русских старожилов (по материалам личного фонда ГАНО) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 157–167. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-157-167

© Щеглова Т. К., Рыков А. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 157–167  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 157–167

# Architect E. A. Aschepkov and Field Research in Altai and the Upper Ob Region in 1940–1950s: The Contribution into Ethnography of Russian Long-Term Residents (On the Materials of His Personal Fund of the State Archive of Novosibirsk Region)

Tatiana K. Shcheglova<sup>1</sup>, Alexey V. Rykov<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Altai State Pedagogical University  
Barnaul, Russian Federation

<sup>1</sup> tk\_altai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

<sup>2</sup> avrykov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5051-3849>

## Abstract

*Purpose.* The research reveals the time and routes of field research expeditions of doctor of art history, architect E. A. Aschepkov in Altai and the Upper Ob region, gives the assessment of conditions and methods of field research, as well as evaluates the source potential of documents of his personal fund in the State Archive of Novosibirsk Region for ethnography of Russian long-term residents.

*Results.* The first expedition of E. A. Aschepkov evidenced by the documents took place in the South of Western Siberia in the year 1943. The primary attention of the architect was concentrated on long-term residents' architecture characteristic of the Russian population of Rudny Altai. The second expedition in the territory of the present Kamensky district of Altai krai took place in August 1944. The choice was determined by the dominance of groups of the long-term resident Russian population. The result of both expeditions was gathering of significant selection of materials characterizing the elements of material culture of the Russian population connected with the settler body, service-utility pictures of life in the period of conducting the expeditions, as well as the processes of development of peasant architecture of the years 1930–1940s, considered as consequences of Soviet state policy of influence that changed the layout of the village.

*Conclusion.* The routes of surveyed villages of Altai and the Upper Ob region described in the article allow us to reveal the ethnographic heritage of the material culture of the long-term resident population of two regions – Rudny Altai and Kamenskaya Ob territory. E. A. Aschepkov's archive fund has a great source potential both on the ethnic groups of these regions and the methods of his field research work. The results of the research allow us to speak about the necessity of more active use of archive documents containing the information that is not fixed in field research. The interpretation of the expedition work of specialists from interconnected scientific spheres from the ethnographic point of view expands the capabilities of ethnography.

## Keywords

E. A. Aschepkov, field research, State Archive of Novosibirsk Region, Russian long-time residents, settlements, architecture, methods of field work

## Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Fund of Basic Research and Ministry of Education and Science of Altai Krai according to the research project no. 19-49-220009 “Oral History and Ethnography in Field Studies of the Second Half of the 20<sup>th</sup> – Beginning of the 21<sup>st</sup> Century as a Source and a Method of Learning and Preservation of Historical and Cultural Heritage of Rural Areas of Altai Krai”

## For citation

Shcheglova T. K., Rykov A. V. Architect E. A. Aschepkov and Field Research in Altai and the Upper Ob Region in 1940–1950s: The Contribution into Ethnography of Russian Long-Term Residents (On the Materials of His Personal Fund of the State Archive of Novosibirsk Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 157–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-157-167

## Введение

Уровень развития региональной этнографии во многом определяет источниковая база. Ее основой служат полевые материалы исследователей, проводивших экспедиции на территории Алтая и Верхнего Приобья. Накопление этнографических источников в XX столетии велось как в русле комплексных экспедиций, так и в индивидуальных полевых исследовани-

их. Их история еще не написана, так же как не оценен вклад исследователей XX столетия в историческое и этнографическое изучение населения Алтайского края, который до 1989 г. состоял из двух обширных территорий юга Западной Сибири – собственно территории современного Алтайского края и территории современной Республики Алтай (бывш. Ойротской, а с 1948 г. Горно-Алтайской автономной области), а также Рудного Алтая (совр. Республика Казахстан) до 1924 г.

Судьба экспедиционных материалов исследователей складывалась по-разному. Часть полевых материалов использована ими самими в аналитических публикациях, часть хранится в личных архивах, в отдельных случаях они сдаются в ведомственные архивы и редко передаются в государственные архивы. Основной формой хранения этнографических источников в последнем случае является создание личных фондов. Такой подход к полевым материалам авторов перспективен, так как их архивирование служит гарантией сохранения уникальных источников с организацией доступа к ним исследователей при сохранении авторских прав. Примеров создания личных фондов этнографов в региональных архивах Сибири немного.

Практика передачи на государственное хранение полевых этнографических материалов является редким явлением. Вместе с тем изучением культуры русских сибиряков занимались не только этнографы, но искусствоведы, географы, архитекторы, полевые материалы которых отложились в государственных архивах Сибири и имеют большой потенциал для этнографических исследований. Среди них личный фонд Е. А. Ащепкова, известного архитектора, доктора искусствоведения, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР. Как известно, он в 1936 г. окончил Новосибирский инженерно-строительный институт (НИСИ). Работал в проектно-отделе СибВО, а также в Новосибиргорстройпроекте, одновременно занимаясь научно-исследовательской работой. В 1938–1942 гг. обучался в аспирантуре при кафедре архитектуры НИСИ. Его основной научной темой стало изучение русского народного зодчества. Он собирал источники сначала для кандидатской («Народная архитектура Сибири», защитил в 1942 г.), затем докторской диссертации («Народное зодчество Западной и Восточной Сибири и его отличительные черты», защитил в 1947 г.)<sup>1</sup>. Его научные интерпретации сделаны в диссертационных работах в русле искусствоведческих оценок, что обусловило и ракурсы анализа крестьянской архитектуры. Поэтому интересно взглянуть на созданные им источники глазами этнографов.

В статье ставится ряд задач: выявить время и маршруты полевых исследований на Алтае и в Верхнем Приобье, дать оценку условиям и методам полевых исследований и, наконец, определить источниковый потенциал документов его личного фонда в Государственном архиве Новосибирской области (Ф. Р-2102)<sup>2</sup> для этнографии населения Алтая и Верхнего Приобья. Предмет своего исследования он сам назвал «Народная архитектура». Она в рассматриваемое время находилась в фокусе интересов как этнографов, так и искусствоведов, объекты исследования у которых часто совпадали. Объектами полевой работы Е. А. Ащепкова как архитектора являлись, во-первых, традиционные для этнографии элементы материальной культуры русского населения, связанные с поселенческим комплексом, – это застройка и планировка села, крестьянская усадьба с жилыми и хозяйственными постройками, крестьянская архитектура, включая резьбу, роспись, архитектурные детали, а также огораживания усадьбы и ворота. Во-вторых, в поле его зрения попадали многие хозяйственно-бытовые картины жизни, которые он фиксировал и которые представляют интерес для этнографов. И, в-третьих, мимо внимания исследователей, занимавшихся его творчеством, прошла фиксируемая им информация о происходивших в 1930–1940-е гг. процессах как результате влияния политики советского государства, которые меняли облик деревни. В совокупности цель и задачи связаны проблемой реконструкции исследовательских маршрутов экспедиций

<sup>1</sup> Ащепков Евгений Андреевич // Полевые исследования по этнографии и устной истории на территории Алтайского края во второй половине XX – начале XXI в. URL: <https://etnografy.altspu.ru/2020/03/13/ашепков-евгений-андреевич/> (дата обращения 07.09.2021).

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1, 2.

с уточнением полного списка обследованных населенных пунктов и баз данных по каждому из них.

Как оказалось, несмотря на наличие публикаций и биографических статей о Е. А. Ащепкове [Майничева, Рудая, 2008; Комиссаров, Азаренко, 2014; Слабуха, 2016; Гаркуша, Филонов, 2017], его экспедиционная деятельность на юге Западной Сибири остается малоизученной. Единственной работой, где она рассматривается, является монография А. П. Долнакова [1992], но и там затрагивается только одна из экспедиций – на Западный Алтай. Анализ имеющейся научной литературы показал, что опубликованные данные нуждаются в существенной корректировке. В частности, требуют уточнения и время, и места экспедиционных выездов исследователя. В энциклопедических статьях фигурирует только одна экспедиция на Алтай [Туманик, 2010]. Можно предположить, что авторы опираются на данные А. П. Долнакова: «...в 1942 году Е. А. Ащепков уходит с преподавательской работы в НИВИЖТе и в течение двух полевых сезонов по заданию Академии архитектуры обследует районы Алтайского края и Рудного Алтая (Северо-Казахстанская область Казахской ССР). Маршруты экспедиции пролегли в бассейнах рек Иртыша, Бухтармы, Нарыма, Сарым-Сака» [Долнаков, 1992, с. 39]. Но указанную информацию не подтверждают экспедиционные материалы самого Е. А. Ащепкова; за этот год они отсутствуют в архивном фонде. Согласно составленному самим исследователем списку научных экспедиций, «проведенных единолично Е. Ащепковым по отдален. районам З.С., Алтая и Восточной Сибири с целью изучения Сибири», в 1941–1942 гг. экспедиции не проводились, экспедиция в Западный Алтай прошла в 1943 г., а в 1944 г. – «экспедиция в Юж. Алтай и на Восток»<sup>3</sup>. Можно предположить, что на Алтае Е. А. Ащепков работал два полевых сезона, и не в 1942-м, а в 1943–1944 гг. Именно в 1943 г. им была проведена экспедиция на территории Западного Алтая (район р. Бухтармы и Нарыма, совр. Республика Казахстан, до 1924 г. территории входили в Алтайский округ). В ходе этой экспедиции им были обследованы более 10 населенных пунктов. Наибольший исследовательский интерес у Е. А. Ащепкова вызвали села, входящие сегодня в Катон-Карагайский район Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан: Язовая (ныне Жазаба), Фыкалка (ныне Бекалка), Белая (ныне Аксу), Коробиха, Печи (ныне Барлык). Еще одна экспедиция, вероятно, была проведена в 1944 г. Точных сведений о ней нет. По мнению авторов, в рамках данной экспедиции Е. А. Ащепков побывал на территории современного Каменского района Алтайского края. Во время данной экспедиции им были обследованы села Малетино, Ключи, Столбово, Аллак, Дресвянка, а также г. Камень-на-Оби.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1940–1950-х гг., во время которого Е. А. Ащепковым проводились экспедиционные исследования на территории Алтая с завершением обработки полевых материалов и защитой двух диссертаций – кандидатской и докторской. Территориальные рамки охватывают районы полевых исследований и, по мнению авторов, обусловлены местами проживания старожилов – старообрядцев (Бухтарма) и чалдонов (Каменское Приобье). Формой полевой работы Евгения Андреевича были индивидуальные исследования, которые он проводил, как свидетельствуют записи, «по заданию Академии архитектуры СССР». Перед ней он и отчитывался 14 февраля 1944 г. за экспедицию в Рудный Алтай. Как он писал сам, работал «единолично». В этом состояло отличие от этнографических экспедиций столичных этнографов 1920–1940-х и особенно 1950–1970-х гг., в состав которых включали наряду с этнографами профессиональных художников и фотографов для фиксации этнографических памятников: от архитектуры до рушников и тканей. Преимущества Ащепкова как раз заключались в том, что он как архитектор обладал всесторонними навыками для фиксации информации, в том числе рисования и черчения, и в экспедициях сочетал в одном лице и исследователя, и фотографа, и художника.

Источниковая база настоящей публикации представлена 26 архивными делами личного фонда Е. А. Ащепкова – зарисовки, чертежи, рисунки, фотографии, сделанные им в обследо-

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

двух населенных пунктах. В совокупности территориальная принадлежность определяется у 121 черновой зарисовки полевого дневника, 97 чистовых зарисовок, сделанных на основе черновых при подготовке монографии, а также 92 фотографий. Остальные не определяются. Значительная часть зарисовок и фотографий им опубликована. Однако в архивных документах, таких как экспедиционный дневник в виде путевых записок с зарисовками, неопубликованных статьях («Народное зодчество в некоторых районах Алтая. Материалы экспедиции») <sup>4</sup> и других содержится богатый этнографический материал.

### **Анализ материалов и обсуждение Условия экспедиционной деятельности**

«Единоличные» поездки Е. А. Ащепкова имели неблагоприятные материально-бытовые условия и были сопряжены с опасностью, прежде всего из-за ограниченных возможностей передвижения во время экспедиций. Анализ материалов исследователя позволяет говорить о трех «самостийных способах» – пешком от поселения к поселению, на лошадях или попутным транспортом, чаще всего на грузовых машинах. Как Е. А. Ащепков писал в полевом дневнике об исследованиях в с. Язовое, в которое он добирался из с. Белое (расстояние около 20 километров): «Сегодня иду дальше. Очень болит нога. Не знаю, смогу ли одолеть 20 километров. Как видно, нет. Остался ночевать в с. Язовая. Была возможность идти в два места, но пошел, где ближе к ком. двору, завтра с рассветом выйду в Белую – Ночь прошла с рассветом вышли в горы чувствую себя превосходно и нога лучше, поднимаюсь в горы, на вершине сел отдохнуть и встретить восход солнца... К полудню добрался до Белой, взялся опять за работу. Все просмотрел, что достойно, больше сидеть здесь не стоит» <sup>5</sup>. При обследовании Фыкалки и окрестных сел, судя по воспоминаниям Е. А. Ащепкова, оставленным в неопубликованной статье, он использовал лошадей: «Неприступные скалы, глубокие долины, горные речки, встречающиеся на пути, делают продвижение крайне медленным и тяжелым. С каждым километром вглубь гор местность становится суровее и диче... Дорога круто спускается вниз, ехать верхом становится невозможно, ежеминутно рискуешь перевернуться через голову лошади». А вот из Усть-Каменогорска в Катон-Каргай Ащепков добирался на грузовой машине (21 августа 1943 г.): «...в Катон-Карагай поехал совсем больным с высокой т<sup>0</sup> и больным желудком на машине. Сильно трясло и мне казалось, что это последняя моя поездка» <sup>6</sup>.

### **Экспедиционные маршруты и методика полевой работы**

Первая документально подтвержденная экспедиция Е. А. Ащепкова на юге Западной Сибири состоялась в 1943 г. Ее основной маршрут указан на карте, составленной исследователем и опубликованной в монографии [Ащепков, 1950, с. 10]. Евгений Андреевич обдумывал несколько вариантов маршрута для экспедиции. Работа с неопубликованными документами позволила полностью реконструировать маршрут с указанием всех обследованных поселений и оценить этнографическое содержание оставленных им материалов. Экспедицию можно разделить на две части: от Усть-Каменогорска до Катон-Карагая (с 5 по 24 августа 1943 г.) и поселения за Бухтармой (25 августа 1943 г.). Анализ показывает, что основное внимание архитектора было сосредоточено на старожильческой архитектуре, характерной для русских Рудного Алтая, в ее описании содержится информация о влиянии переселенцев и происходящих изменениях в крестьянской архитектуре. Как свидетельствуют записи в дневнике, 5 августа 1943 г. Е. А. Ащепков выехал в полночь из Новосибирска в Усть-Каменогорск. Он описывает город в течение недели, делает выводы об отсутствии искусствоведческой ценности, но оставляет этнографическую зарисовку, характерную для того времени: «...я не

<sup>4</sup> ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 85, 87, 88, 89, 90, 102

<sup>5</sup> Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

<sup>6</sup> ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 89. Л. 8 об. – 9; Д. 102. Л. 35–36; Д. 87. Л. 2.

нашел ни одного достойного фотографии объекта – все обычно и малоинтересно. Деревянная архитектура крайне огранич. даже бедная. Особенно старых построек не сохранилось, а если, что и встречалось, то преимущественно распространенные сельские избы (перевезённые из района) со связью». Черты исторической эпохи проявляются и в фразе «Есть небольшая церковь, построенная лет 50 тому назад, но в виду запретной зоны (тюрьма) осмотреть ее не удалось», а для историков будет интересна фраза о крепости «от которой не осталось ничего кроме вала»<sup>7</sup>. Этнографический взгляд проявился в выводе о влиянии украинской культуры на архитектурный облик предместья Усть-Каменогорска: «Город встречает предместьем – Ульбинкой с мазаными и побеленными деревянными и саманными избами, поселок в основном напоминает украинскую деревню с обрусевшим населением. Беленки хатки, огороды с журавлями колодцев, подсолнухи – близкие и далекие от Украины»<sup>8</sup>.

В следующих по маршруту поселениях Большой Нарым (ныне с. Улькен Нарын) и Бураново, которое впоследствии войдет в Большой Нарым, он отметил схожие тенденции в развитии архитектуры с Усть-Каменогорском: «...наличники с фронтонами и без резьбы». К выявленным этнокультурным особенностям он относит «часть изб без крыш, говорят, что это особенность старых казацких построек»<sup>9</sup>. Из содержащихся описаний старожильской архитектуры можно не только сделать вывод о «скудном» оформлении, но и найти информацию о преобладающих типах старожильского жилища: «Через 2 часа проехали д. Бол. Березовка, расположенная по р. Нарым. Деревня слишком обычная негде даже остановиться. Бедные избы, крайне примитивными наличниками, никакой попытки к оформлению. Избы в основном пятистенные и со связью, дворов почти нет», но при этом делает зарисовки наиболее выразительных фрагментов, например, конька избы из с. Большая Березовка<sup>10</sup>. А в селах Медведка (ныне с. Белкарагай), Алтай, Катон-Карагай в записях дневника отражается строительный материал и взаимовлияние славянской и тюркской культуры: «Неожиданно въехали в узкую – главную улицу села, засаженную большим деревьями. По обеим сторонам улицы текут ручьи-арьки проведенные в улицы из горных речушек. Избы – коричневые от времени из крепкого листвяка – дружно столпились вдоль арыков»<sup>11</sup>.

Выбор села Катон-Карагай, на котором обрываются дневниковые записи, и других, расположенных вокруг, Ащепков обосновывал тем, что архитектура этой части Рудного Алтая отличалась цельностью, что проявлялось в «удивительной гармонии сельских построек с окружающей обстановкой и пейзажем...» (с. Медведка), когда «все звучит в один тон: общность планировки изб – чаще связью, одинаковая высота изб, один цвет бревенчатых стен – крепки, ядрены – прекрасно акцентированы скромной, лаконичной декоративной обработки оконных проемов». Таким образом, объединяет архитектуру этих поселений, по мнению Ащепкова, отсутствие резьбы и окраски, а также однообразное и сухое решение наличника и отличающее от бухтарминской группы поселений влияние города на старообрядческую архитектуру<sup>12</sup>.

Второй этап экспедиционного маршрута начался 25 августа 1943 г. Его можно восстановить по данным дневника и неопубликованным материалам. Он проходил на территории, находящейся за р. Бухтармой, в так называемой «ясачной части», заселенной потомками кержаков, раскольников и старообрядцев, бежавших в труднодоступные районы от царской власти. На ней располагались села Каменка (ныне с. Мойылды), Фыкалка, Белое, Язовая и ряд других.

Трудности обследования этой территории состояли в том, что, во-первых, в эти села вела лишь дорога через единственный мост; во-вторых, нужно было добираться попутным транс-

<sup>7</sup> ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 об. – 2.

<sup>8</sup> Там же. Д. 87. Л. 2.

<sup>9</sup> Там же. Л. 2–3.

<sup>10</sup> Там же. Л. 16–17; Д. 88. Л. 3 – 3 об.

<sup>11</sup> Там же. Д. 88. Л. 3 об.

<sup>12</sup> Там же. Д. 102. Л. 25–27.

портом. Как писал исследователь, «только после 7-ми дневных поисков попутчиков или какого-либо транспорта наконец удалось найти “полуживую” лошадь, случайно забредшую в село Алтай из поселка Репинский парк, находящегося в 8 км от деревни Фыкалка. Выбора не было и пришлось взяться “отогнать” клячу по месту назначения... Ехать пришлось с большим отклонением от прямого пути, в виду того, что лошадь, предложенная для поездки не в состоянии была переплыть бурную реку Бухтарму на прямом пути и пришлось ехать в объезд через старый мост, что представляло лишних 100 километров». На этом пути ему встречались не только русские деревни, но и деревни коренного населения – «казахов и киргизов», описание (1940-е гг.) которых будет интересно тюркологам: «Эти постройки производят впечатление временно, наспех сооруженных курных бань, без каких-либо надворных построек. В некоторых случаях жилища организованы 6–8-ми угольных врубах, перекрытых шатром, устроенным из жердей и дерна»<sup>13</sup>.

В описаниях архитектуры бухтарминских старообрядцев содержатся базовые этнографические характеристики: типы и виды, внешнее убранство, усадьбы; планировка, застройка поселений. Как и в предыдущей зоне, отмечает лаконичность: «Одна главная улица (*значок перпендикулярности*) реке Бух... Дома в основном со связью и пятистенные. Д. однопорядковая. Огороды при усадьбах отсутствуют. Вынесены за поскольку д. расположена на высоком правом берегу реки Бухтармы. Архит. Все просто и строго, резьбы нет, простые наличники со строгими профилями. Окраска в (одной двух) избе. Видна любовь к терраскам» (с. Каменка). А также встроенность в окружающий ландшафт: «Все звучит в унисон с окружающей, какой-то особенно неприветливой в этом месте, природой». А в целом для этой территории характерны «внешнее оформление построек очень простое... Декоративная обработка изб очень ограничена и подчеркнута лаконична»<sup>14</sup>.

В отличие от поселений предыдущей зоны здесь Ащепков расширяет методы исследования и фиксации информации: прорисовки с указанием цвета, чертежи, массовая или выборочная фотофиксация. Часть материалов опубликована, основная часть – нет. Связано это в том числе и с появлением домового росписи, которую надо было фиксировать. Так, для той же Каменки Е. А. Ащепковым был составлен план (черновая версия в полевых записях автора, чистовой вариант опубликован в монографии) и в полевом дневнике сделаны зарисовки наличников окон, на которых дополнительно обозначено наличие разных цветов (не опубликованы). В Каменке, как и в других селах, он делал фотографии отдельных и общих видов поселения (не опубликованы, частично реализованы в Приложении к докторской диссертации)<sup>15</sup>.

Основным объектом этой части экспедиции стала Фыкалка, которая представлялась Е. А. Ащепкову местом концентрации образцов архитектуры Бухтармы, так как «являлась пионером в заселении данного района и сообщила определенный колорит, характер последующим поселкам, как Белая, Язовая и друг...». Также она демонстрировала крестьянские традиции выбора места с использованием природного ландшафта: «Главная улица ориентирована с юго-запада на северо-восток, перпендикулярно горным хребтам, как-бы организует, стягивает долину, образуя, таким образом, хозяйственными постройками своеобразный заслон от господствующих восточных и западных ветров... В основном почти все усадьбы одной стороны примыкают к воде, таким образом, обеспечена хорошая поливка огородов и удобное ведение хозяйства»<sup>16</sup>. Им зафиксировано разными способами – зарисовкой, прорисовкой цветом, чертежом, фотографией – всё разнообразие типов жилищ, чертежи построек и их рисунки полностью или отдельных архитектурных элементов – причелин, коньков, карнизов, балконов, террас, крылец, фриз, наличников окон и т. д., чертежи общего плана села, окон [Ащепков, 1950, с. 23, 25, 33, 34, 38, 42, 55, 56, 71, 77, 89, 107, 108, 115, 128, 131,

<sup>13</sup> ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 102. Л. 29–30.

<sup>14</sup> Там же. Д. 90. Л. 5 об.; Д. 102. Л. 32.

<sup>15</sup> Там же. Д. 5. Л. 8, 14 об., 31, 32; Д. 90. Л. 2–5; Оп. 2. Д. 102. Фото 1.

<sup>16</sup> Там же. Оп. 1. Д. 102. Л. 39, 44.

133] <sup>17</sup>. Масштабное фотографирование представлено снимками улиц, разных типов изб (изба с прирубом, с открытой связью, с подклетью, двухсвязный дом), их элементов, а также разных ворот <sup>18</sup>. Из них в монографии опубликовано только семь фотографий.

По следующим населенным пунктам информация сохранилась преимущественно в полевых записях Е. А. Ащепкова. Они носят отрывочный характер и не связаны с предыдущими записями. По ним трудно реконструировать дальнейший маршрут. Но точно известно, что Евгений Андреевич сначала оказался в с. Белом, а оттуда делал выезд в с. Язовое, затем обследовал села Коробиха, Печи, Согренная, Дыроватка, Чингис (ныне с. Шынгыстай). Все их объединяют характерные для старожильческой архитектуры черты. Это отмеченная им аскетичность старожильческой архитектуры: «...избы (с. Белое) строили как братья дружно столпившись в лощине. Как характерная черта изб этого района исключительная простота форм, чем старше изба, тем проще оформление, древние избы прямо аскетичны – своей строгостью». Это типы жилища: «...планировка в большинстве случаев обычная – избы со связью и крестовые» (Язовка); «Много изб с простыми повалами и двойным причелинами, коньков нет...». Это «бедность резьбы»: в с. Язовое «резьбы почти нет, а что осталось то по схеме»; в с. Белом «единственным мотивом оформления является оконный наличник и кое-где расписные наружные дверцы. Наличники как принято исключительно простые...». Эту особенность архитектуры данной этнокультурной зоны он объясняет влиянием города: «...только под влиянием города, деревня теряет свое лицо – впитывая в себя “городскую культуру” с её дешевой выпиловкой». Это и наличие домовой росписи, которую он фиксирует двумя способами: в черновиках с указанием цвета каждого элемента и с пояснениями автора к зарисовке – наличников, росписей стен, потолка и дверей, а также матиц дома <sup>19</sup>. Это вписанность в ландшафт, что позволяло дополнять и украшать традиционные типы жилища способами, адаптированными к условиям конкретной территории.

Для бухтарминской группы крестьянской архитектуры при отмеченной исследователем «бедности» и «скудности» таким адаптированным элементом стали терраски. Деревня Язовая, как пишет Е. А. Ащепков, «расположена... в долине, образуемой высокими холмами... Преобладают открытые терраски и балкончики. Это и естественно, положение села, расположенного в горах и хорошо защищенного от ветров дает возможность устройства открытых террас и балкончиков» <sup>20</sup>.

В целом по этой группе старожильческой архитектуры осталось в полевом дневнике экспедиции много чертежей, зарисовок, фото, планов домов, зарисовок окон, наличников, коньков, причелин, карнизов, повалов, дверей, фриз, колонн террас <sup>21</sup>. Выборка позволяла представить общую архитектурно-застроечную среду поселений, например, от разных типов жилых (изб пятистенных, клетью, связью, крестовых, двухэтажных) и хозяйственных (амбаров) строений до особенностей декоративно-прикладных элементов.

И уже совершенно этнографическое описание оставил Е. А. Ащепков архитектуры деревни Малая Красная, которая была затоплена Бухтарминским водохранилищем. Следуя традициям старожильческой архитектуры, Ащепков, опубликовал из материалов экспедиции только расписную дверь <sup>22</sup>. Но не меньшее значение имеют материалы о саманных постройках, которые составляли хозяйственно-жилую среду деревни, анализ особенностей их строительства, типов используемых крыш (плоской и двухскатной, залитой глиной и т. д.), а также внутренней планировки. Хотя основное внимание он обратил на деревянные элементы – наличники и колоны крыльца.

<sup>17</sup> ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 90. Л. 8–29.; Оп. 2. Д. 47.

<sup>18</sup> Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 9 об. – 11, 13 об., 15, 16, 16 об., 17 об., 21 об. – 22, 22 об. – 23 об., 25 об., 26, 28, 30, 34, 38 – 38 об.; Д. 102. Л. 67, 73–74, 85–86, 92, 96–97, 99.

<sup>19</sup> Там же. Д. 89. Л. 8 об.; Д. 90. Л. 9 – 9 об.; Оп. 2. Д. 41. Л. 9–18.

<sup>20</sup> Там же. Оп. 1. Д. 89. Л. 8 об.

<sup>21</sup> Там же. Д. 90. Л. 30–41.

<sup>22</sup> Там же. Д. 89. Л. 20 – 20 об., 21 об., 22 об. – 24.

Итоги этой экспедиции были подведены Е. А. Ащепковым в докладе на заседании Академии архитектуры СССР (14 февраля 1944 г.) и получили высокую оценку: «проделана по заданию Академии архитектуры большая, весьма ценная работа по изучению народного жилища Сибири» с выводом о необходимости «продолжения работы т. Ащепкова по изучению и сбору материала в неисследованных районах Сибири... в целях подготовки капитального труда по народному жилищу Сибири». Для этого предлагалось разработать план дальнейших исследований и включить его в план работы Института с выделением соответствующих средств. Весь экспедиционный материал должен был быть передан в фонд Академии архитектуры. Он же должен был послужить основой для организации выставки в Академии архитектуры СССР с докладом автора <sup>23</sup>.

Можно предположить, что вторая экспедиция в районе современного Каменского района Алтайского края являлась следствием высокой оценки Академии архитектуры. По нашему мнению, она прошла в августе 1944 г. Во-первых, сам Е. А. Ащепков в списке научных экспедиций указывал поездки на Алтай в 1943 и 1944 гг. Во-вторых, определить год помогают данные из блокнота экспедиции. На дневнике экспедиции есть числа, выстроенные в ряд. Некоторые из них обведены или зачеркнуты. Всего их 22, и они охватывают период от 12 до 31. На основании этого, а также того, что, как писал сам Е. А. Ащепков, «экспедиции проводились в основном в летнее время свободное от работы в институте», можно сделать осторожный вывод, что это указаны дни экспедиции. Напротив числа 22 мелким почерком подписано «вторник». Если свериться по календарю, то в 1944 г. в летние месяцы вторник выпадал на 22 августа. Август также подходит и по количеству дней – 31. Наконец, в-третьих, косвенным свидетельством может выступать то, что в этом же блокноте перед началом зарисовок из данной экспедиции имеются зарисовки разных вариантов обложки будущей книги с названием «Русское народное зодчество в Сибири» <sup>24</sup>. Логично предположить, что эти идеи, скорее всего, появились в начале 1944 г., после выступлений Е. А. Ащепкова в Москве.

Вторая экспедиция охватила села Малетино, Ключи, Столбово, Аллак Каменского района, а также город Камень-на-Оби. Выбор определялся преобладанием старожильского населения, представленного группами чалдонов, кержаков и кацапов, из переселенцев – хохлами [Щеглова, 2009]. В экспедиционном блокноте есть зарисовки маршрутов из с. Малетино через Ключи и Столбовую в Аллак, а также из с. Столбовой в Аллак с пометками по километру, а также основных перекрестков и ответвлений; отдельных архитектурных элементов домов (наличников, причелин, карнизов), ограждений (калиток, ворот) из данных населенных пунктов. Помимо этого, имеется и чертеж одного из домов <sup>25</sup>. Однако материалы Приложения к его докторской диссертации 1946 г. («Материалы по зодчеству в Западной Сибири») позволяют включить в маршрут этой экспедиции с. Соколово. Из этого же села имеются фотографии и чертежи отдельных элементов домов. Здесь же представлены фотографии улиц сел Малетино и Ключи, а также фотографии и чертежи отдельных элементов изб данных населенных пунктов. В этом же приложении представлены и материалы подобного плана с. Дресвянка <sup>26</sup>. Отдельные черновые материалы зарисовок, а также фотографии поселений этого региона хранятся в самом фонде Е. А. Ащепкова как отдельные единицы хранения <sup>27</sup>.

### Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, можно говорить о большом источниковом потенциале архивного фонда Е. А. Ащепкова. Несмотря на то что им была опубликована значительная часть зарисовок, фотографий и чертежей, их анализ проведен через искусствоведческую «лупу». Новое этнографическое прочтение и опубликованных, и особенно не-

<sup>23</sup> ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 100. Л. 7.

<sup>24</sup> Там же. Д. 85. Л. 1, 7–8; Д. 100. Л. 1.

<sup>25</sup> Там же. Д. 85. Л. 1, 9–19.

<sup>26</sup> Там же. Д. 5. Л. 5 об., 8 об., 12, 17, 20, 24–25, 27 об., 29 об., 37.

<sup>27</sup> Там же. Д. 40, 43, 102.

опубликованных полевых материалов Е. А. Ащепкова, позволяет выявлять традиции и тенденции развития поселенческой инфраструктуры и архитектурно-застроечной среды населенных пунктов русских старожилов, условий и факторов развития традиционной культуры в 1940–1950-е гг. Самостоятельное значение имеет анализ методики полевой работы архитектора Ащепкова, которая может быть полезна для этнографов. Она включает, с одной стороны, традиционные для этнографов экспедиционные дневники. В них содержится разнообразная информация, и не только о народном зодчестве русских, представленной старожильской крестьянской архитектурой, но и включение в описание наряду со строительными традициями хозяйственно-культурной деятельности не только русских, но и других этнических групп исследуемых районов, связи народных культур с природным ландшафтом. Важным являлись зафиксированные исследователем проявления в сельском ландшафте городской культуры, в частности выявленное им влияние архитектуры Усть-Каменогорска на окрестные села и села Бухтарминского края, так же как в Каменском Приобье взаимосвязь крестьянской архитектуры с архитектурой Камня-на-Оби. Преимуществом оставленного архитектором Е. А. Ащепковым наследия в виде зарисовок, прорисовок, чертежей является их доступная визуальная информация. Этнографическим взглядом отличаются начерченные планы деревень, жилищ и хозяйственных построек. Для этнографов представляют интерес художественные зарисовки архитектурных элементов крестьянских усадеб с тщательной прорисовкой ценных с позиций искусствоведческого анализа деталей и сочетания цветов.

К общим выводам можно отнести утверждение о более активном использовании фондов региональных архивов и выявление их потенциала для изучения региональной этнографии. Не умаляя сложившегося в этнографической науке приоритета полевых материалов авторов, необходимо говорить о более активном использовании архивных документов, которые содержат ту информацию, которая уже не фиксируется в полевых исследованиях. Полевая работа проводилась специалистами смежных научных сфер – от географов до архитекторов. И прочтение их с этнографических позиций расширяет возможности этнографии. В этом отношении выявленные в статье маршруты с уточнением обследованных сел Алтая и Верхнего Приобья, времени проведения полевых материалов позволяют дополнить этнографическое наследие по материальной культуре старожильского населения двух регионов – Рудного Алтая и Каменского Приобья.

### Список литературы

- Ащепков Е. А.** Русское народное зодчество в Западной Сибири. Москва: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. 140 с.
- Гаркуша Д. Д., Филонов С. В.** Характеристика персонального архива Е. А. Ащепкова в собрании МИАС им. С. Н. Баландина // Баландинские чтения. Новосибирск, 2017. Т. 12. С. 153–163.
- Долнаков А. П.** Сибирский архитектор Е. А. Ащепков. Новосибирск: Наука, 1992. 117 с.
- Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А.** «Китайский след» в творчестве Е. А. Ащепкова // Баландинские чтения: Сб. ст. VIII Науч. чтений памяти С. Н. Баландина. Новосибирск, 2014. С. 286–291.
- Майничева А. Ю., Рудая И. М.** Наследие Е. А. Ащепкова: Фотографии построек верхоленских сел (1970-е гг.) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западносиб. археол.-этнограф. конф. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 58–60.
- Слабуха А. В.** Е. А. Ащепков: «Красноярск – один из значительных и интересных в архитектурном отношении городов Сибири» (о проекте ненаписанной книги) // Баландинские чтения. Красноярск, 2016. Т. 11. С. 225–227.
- Туманик А. Г.** Ащепков Евгений Андреевич // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 1: А–И. С. 150.

**Щеглова Т. К.** Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки. Барнаул, 2009. Вып. 8. С. 119–134.

### References

- Ashchepkov E. A.** Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoi Sibiri [Russian folk architecture in Western Siberia]. Moscow, Acad. Architecture of the USSR Publ., 1950, 140 p. (in Russ.)
- Dolnakov A. P.** Sibirskii arkhitekt E. A. Ashchepkov [Siberian architect E. A. Ashchepkov]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 117 p. (in Russ.)
- Garkusha D. D., Filonov S. V.** Kharakteristika personal'nogo arkhiva E. A. Ashchepkova v sobranii MIAS im. S. N. Balandina [Characteristics of the personal archive of E. A. Ashchepkov in the collection of MIAS them. S. N. Balandina]. In: Balandinskie chteniya. Novosibirsk, 2017, vol. 12, pp. 156–163. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Azarenko Yu. A.** “Kitaiskii sled” v tvorchestve E. A. Ashchepkova [“Chinese trace” in the work of E. A. Ashchepkova]. In: Balandinskie chteniya [Balandin readings]. Collection of works. art. VIII Scientific. readings in memory of S. N. Balandina. Novosibirsk, 2014, pp. 286–291. (in Russ.)
- Mainicheva A. Yu., Rudaya I. M.** Nasledie E. A. Ashchepkova: Fotografii postroek verkholskikh sel (1970-e gg.) [The legacy of E. A. Ashchepkova: Photos of buildings in Verkholsk villages (1970s)]. In: Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii [Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: Problems of interpretation and reconstruction]. Proceedings of the West Siberian archaeological and ethnographic conference. Tomsk, Agraf-Press, 2008, pp. 58–60. (in Russ.)
- Shcheglova T. K.** Russkoe naselenie Altaiskogo kraja: sostav, formirovanie, chislennost' [Russian population of the Altai Territory: composition, formation, number]. In: Kraevedcheskie zapiski. Barnaul, 2009, iss. 8, pp. 119–134. (in Russ.)
- Slabukha A. V.** E. A. Ashchepkov: “Krasnoyarsk – odin iz znachitel'nykh i interesnykh v arkhitekturnom otnoshenii gorodov Sibiri” (o proekte nenapisannoi knigi) [E. A. Ashchepkov: “Krasnoyarsk is one of the significant and architecturally interesting cities of Siberia” (about the project of an unwritten book)]. In: Balandinskie chteniya. Krasnoyarsk, 2016, vol. 11, pp. 225–227. (in Russ.)
- Tumanik A. G.** Ashchepkov Evgenii Andreevich [Ashchepkov Evgeny Andreevich]. In: Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. Novosibirsk, Historical heritage of Siberia, 2010, vol. 1: A–I, p. 150. (in Russ.)

### Информация об авторах

**Татьяна Кирилловна Щеглова**, доктор исторических наук, профессор  
**Алексей Викторович Рыков**, кандидат исторических наук, ассистент

### Information about the Authors

**Tatiana K. Shcheglova**, Doctor of Sciences (History), Professor  
**Alexey V. Rykov**, Candidate of Sciences (History), Assistant

*Статья поступила в редакцию 07.10.2021;  
одобрена после рецензирования 11.12.2021; принята к публикации 11.12.2021  
The article was submitted 07.10.2021;  
approved after reviewing 11.12.2021; accepted for publication 11.12.2021*

## Список сокращений

---

АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
БГ	–	Барсов городок, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ГАГУ	–	Горно-Алтайский государственный университет
ГАНО	–	Государственный архив Новосибирской области
ГАТО	–	Государственный архив Томской области
ГГЦ	–	Государственный геоинформационный центр
ГИМ	–	Государственный исторический музей, Москва
ИА РАН	–	Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИГИ АН РС(Я)	–	Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)
ИИСКиП АлтГПУ	–	Институт истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул
ИЯФ СО РАН	–	Институт ядерной физики им. Г. И. Будкера Сибирского отделения Российской академии наук
КИО	–	культурно-историческая общность
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НГПУ	–	Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
н. о.	–	нивелировочная отметка
РА	–	Российская археология
РГИА	–	Российский государственный исторический архив, Москва
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
ТАР КНР	–	Тибетский автономный район Китайской Народной Республики
ТГИАМЗ	–	Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТГУ	–	Томский государственный университет
ЦГАДА	–	Центральный государственный архив древних актов

## Информация для авторов

---

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлекцией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлекции выпуска можно по адресу: [vestnik.nsu.ru/historyphilology](http://vestnik.nsu.ru/historyphilology) – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62